

№ 5

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Раиса ДЕЙКУН. Сплотка . Рассказ	64
Михаил ДЕДОВЕЦ. Памятный день . Документальный рассказ	76
Ляман БАГИРОВА. <i>Два эссе и новелла</i>	89
Садай БУДАГЛЫ. <i>Рассказы</i>	112
Моисей БОРОДА. Мысли и афоризмы	122

ПОЭЗИЯ

Ляман БАГИРОВА. В гостях у соседки	8
Владимир МОРОЗ. <i>Стихи</i>	70
Владимир КАФАРОВ. <i>Переводы азербайджанских народных баяты</i>	107
Азер ЭФЕНДИ. <i>Стихи</i>	131

ПУБЛИЦИСТИКА

Антонина ТРЕТЬЯКОВА. Со слезами на глазах...	3
Валентин ДЖУМАЗАДЕ. Забвению не подлежит	10
Ширин МАНАФОВ. Рашид Меджидов – зам.коменданта Берлина	37
Энар ГАДЖИЕВ. «Здравствуйте, мои дорогие!»	44
Видади БАБАНЛЫ. Три незабываемые встречи	80
Марат ШАФИЕВ. «Я жажду! я страдаю! Я жизнью не сыт!»	110
Алисафдар ГУСЕЙНОВ. Танцующие пальцы	118
Александр ГРИЧ. «Безумство храбрых» в исполнении Марка Берколайко	124

2020

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА тел: (050) 772-09-41 (для СМС)
Литсотрудники	– Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный аскал «Л.А.» Сияуш МАМЕДЗАДЕ, Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ</i>
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 27.04. 2020 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497-36-23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

«СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ...»

Прошло 75 лет со дня Великой победы – Победы в Великой Отечественной войне... Сколько дней и ночей потребовалось для нее! Сколько жертв: погибших на фронтах, убитых в концлагерях, разбитых семей, одиноких матерей, сирот, разрушенных судеб, инвалидов... О материальных потерях – разрушенных городах, домах, утрате имущества, отсутствия продуктов питания, о постоянном голоде, который испытывали практически все жители нашей тогда общей огромной страны, – не стоит и говорить, так как об этом все знают. Жертвы были огромны, но нельзя забывать, что за любыми цифрами стоят люди, и каждый из них – со своей индивидуальностью, уникальностью. Сколько людей мы потеряли в той, самой страшной и самой кровопролитной войне! Сколько судеб было искалечено: кто-то не смог справиться с увечьем, сколько остались брошенными (и женщин, и мужчин), кто-то оказался вдали от родного дома, кто-то не смог найти себя в новой, послевоенной жизни... Разве можно перечислить все трудности, горести и трагедии, с которыми пришлось столкнуться вернувшимся с войны. Сегодня мы готовимся к знаменательной дате – 75-летию Победы, которую будут праздновать, конечно же, во всех странах бывшего Советского Союза. Грандиозный юбилей Победы в этой Великой и Священной, в этой освободительной и, к счастью для нас, победоносной войне!

В преддверии этого знаменательного «праздника со слезами на глазах» будут вспоминать и чествовать ветеранов войны, фронтовиков и тех, кто работал в тылу: нефтяников, рабочих, крестьян, врачей и медсестер, всех, кто ковал победу. К огромному сожалению, таких людей с каждым годом и с каждым днем становится все меньше. Меньше становится и тех, кого мы привыкли называть «дети войны». Следовательно, все меньше людей – свидетелей тех лет, которые могли бы рассказать о реальных событиях того времени.

Теперь о тех событиях будущие поколения смогут узнавать только из исторических документов, кинофильмов и литературных произведений. Произведений, посвященных событиям Великой Отечественной войны и послевоенным годам, великое множество. Они были созданы писателями и поэтами нескольких поколений.

К первому поколению относились писатели, уже известные и популярные к началу мировой трагедии. Он ушли на войну корреспондентами, журналистами, масти-тыми литераторами, известными писателями: М.Шолохов, А.Твардовский, К.Симонов, А.Фадеев и др. К этому же поколению относился народный писатель Азербайджана А.Абульгасан, автор романа-эпопеи «Бастионы дружбы», посвященного обороне Севастополя в Великой Отечественной войне. А.Абульгасан продолжил традиции великого русского писателя Л.Н.Толстого в изображении войны, автора знаменитых «Севастопольских рассказов» и романа «Война и мир».

Ко второму поколению относились фронтовики, пришедшие в литературу прямо с фронта, многих из них в литературу привела именно война. Они несли правду, которую принято было называть «окопной». Правда, которую видели люди на передовой линии фронта, из окопов, во многом отличалась от правды военных начальников и корреспондентов, приезжавших на фронт на очень короткий срок. Нисколько не хочу обидеть этих людей, т.к. даже в очень короткий срок можно увидеть и трагизм, и героизм, и самому оказаться в бою, получить ранения или быть убитым. Но те, кто ежечасно смотрел смерти в глаза, видели войну другой. Они видели ге-

роизм и предательство, боль и смерть, гуманизм и ненависть, когда стояли рядом сорокалетние взрослые мужчины и безусые восемнадцатилетние мальчишки, многие из которых даже не успели влюбиться, и, конечно, девчонки – санинструкторы, телефонистки, летчицы... Правда, которую они несли с линии фронта, многим не нравилась: то в их произведениях показано много смертей, то говорится о дезертирах или о плохом снабжении продовольствием и вооружением и т.д...

Именно к этому поколению писателей, несущих читателю «окопную правду», относились Ю.Бондарев, Г.Бакланов, В.Быков, Б.Васильев, А.Адамович, Б.Полевой, В.Богомолов, В.Астафьев и много-много других поэтов, прозаиков, драматургов. Среди них были и азербайджанские писатели: народные писатели Азербайджана И.Шихлы, автор «Крымских рассказов», а также Г.Аббасзаде, автор романа «Генерал» о Герое Советского Союза Ази Асланове, и многие другие писатели.

К третьей группе «военных» писателей можно отнести тех, кто не был на войне, но переживал все, что происходило в те годы со страной. Это работники тыла (рабочие, создающие оружие, танки, нефтяники, обеспечивающие фронт горючим, крестьяне, кормившие фронт и всю страну, врачи, возвращавшие воинов к жизни...). Это и писатели, поэты, жившие в блокадном Ленинграде, на оккупированной территории или в эвакуации, которые несли правду о зверствах фашизма, о всеобщем патриотизме, о трудностях, выпавших на долю женщин и детей, о партизанах и подполье. К этому поколению относились А.Ахматова, О.Берггольц, М.Алигер и др.

К четвертому поколению относятся писатели – дети войны и более поздние поколения, которые пишут и будут писать о событиях военных лет по собственным детским воспоминаниям или по рассказам родных и близких.

Написанные всеми ими произведения сейчас являются очень важным источником знаний о Великой Отечественной войне, потому что в их основе лежат личные опыт и воспоминания.

Ко второму поколению писателей-фронтовиков относился и мой отец – Третьяков Иван Поликарпович. Жизнь каждого человека уникальна, но у людей одного поколения очень много общего. Жизнь моего отца, при всей ее индивидуальности, имела много типичного, схожего с судьбами других участников войны и, конечно же, с судьбами фронтовиков-писателей. Поскольку самым эффективным средством в воспитании молодого поколения в духе патриотизма является личный пример, то мне хотелось бы на примере жизни моего отца доказать, что истинным патриотом может стать каждый, и каждый может добиться многого в жизни и полностью реализовать свои возможности и мечты.

Третьяков Иван Поликарпович, писатель-прозаик. Критик, публицист, переводчик, член Союза писателей Азербайджана и России с 1959 года, Заслуженный деятель искусств Азербайджана, Президентский стипендиат.

Третьяков И.П. родился в 1922 году в деревне Книгино Каргопольского района Архангельской области. До войны учился в техникуме в Ленинграде, работал в лесной промышленности. С началом войны пошел в армию. Окончил Борисовское военно-инженерное училище в декабре 1941 года, т.е. уже считался призванным. С января 1942 года был в действующей армии. В качестве командира инженерно-саперной роты и начальника инженерной службы гвардейского стрелкового полка принимал непосредственное участие в боях на Керченском полуострове, на Кубани, в предгорьях, горах и на Черноморском побережье Кавказа, в Левобережной и Правобережной Украине, участвовал в форсировании Днепра, освобождении Киева, в Яско-Кишиневской операции, в боях на территории Румынии, Венгрии, Чехословакии. Четыре раза был ранен, имел контузии. Пожизненный инвалид войны первой группы. Ветеран войны и труда. Пройдя излечение в госпиталях, с 1948 года непрерывно работал в учреждениях культуры и в органах печати. Окончил с отличием пединститут.

С 1961 по 2001 год был бессменным главным редактором журнала «Литературный Азербайджан» (орган Союза писателей Азербайджана).

Печатается с 1955 года. Автор более 40 книг, в том числе романов «Вечный лейтенант», «Кому под меч – иди под меч», «Вознесение», «Падение», «Медсанбат сорок пятого года», «Тают снега», «И виждь, и внемли», «С коня на коня», «Акмонай – Бранное поле», «Рай у Красных камней», более пятнадцати сборников повестей и рассказов, нескольких книг эссе и публицистики: «Дорога к отцу», «Разоренное поле», «Похищение души», «Черный ворон забвения», «Женский бог», книжек стихов «Приватизированный гений», «Баллада о запоздавшем поезде», «Превыше всего. Сказание о гвардии полковнике, крестьянском сыне» (Из цикла «Пахари двадцатого века»), изданных в Баку и Москве, свыше 200 критических и публицистических статей. Перевел на русский язык более 25 романов и повестей, а также множество рассказов азербайджанских писателей.

Третьяков И.П. награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной звезды, «Дружбы народов», медалями «За отвагу», «За трудовую доблесть», «Ветеран труда», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией» и еще 29 медалями, в том числе «Защитнику Витчизны» («Защитнику Отечества»), «В память 1500-летия Киева», Почетными Грамотами Верховных Советов Азербайджана и Украины.

Жил в Баку с 1947 года, где и скончался в 2008 году.

Даже по такой очень краткой, пунктирной биографии можно понять, какой не только длинный, но одновременно трагичный и счастливый жизненный путь прошел мой отец. Здесь было все: кровь, физические и нравственные страдания, несправедливость, воинская дружба и предательство. Ему, инвалиду I группы, ничто не давалось легко. Не может не удивлять та воля в достижении поставленной цели, которая всегда была у него, даже в последние дни жизни. Не меньшее удивление вызывали у меня и его потрясающие работоспособность и целеустремленность. Можно сказать, что ему везло на людей, хотя были и те, кто говорил: «Мы тебя на фронт не посылали». Его, после тяжелого ранения 15 апреля 1945 года, везли через всю страну, так как не было мест в госпиталях, пока не привезли в Баку. Здесь лучшие врачи сохранили ему ногу от ампутации, поставили на костыли и отправили в мирную жизнь после 12 тяжелых операций. Нужно было искать работу, жилье, привыкать к новым правилам жизни. Это было совсем не легко. Из-за потерянных документов пришлось сдавать экстерном экзамены, чтобы получить аттестат, тут же сдавал экзамены в вуз. Получилось так, что он получил одновременно диплом с отличием и сигнальный номер первой своей книги «Жена капитана» – это был сборник рассказов. А дальше были другие собственные книги и переводные. Стал писать повести и романы.

Недавно на сайте «Память народа» я обнаружила очень важные документы: представление к награде Третьякова И.П. Эти документы старенькие и трудно читаемы, но мне они дороги не только своей уникальностью, но и тем, что они были раскритикованы только в 2007 году. Они читаются с трудом, в них нет героического пафоса, но тем ценнее для меня эти короткие строки.

В одном из документов названы даты подвигов, совершенных Третьяковым, за которые он был представлен к одной из высочайших воинских наград – к ордену «Красной Звезды»: 01.04.43, 30.04.43, 01.08.42, 31.08.42, 22.02.43. А до конца войны сколько их было еще?

На этом же сайте мне удалось найти и Наградной лист.

Поскольку читается он с трудом (старая пишущая машинка, у которой западают или не пропечатываются буквы и очень старая бумага) и скопировать его мне не удалось, я просто переписала его, сохраняя стиль этого документа.

1. Краткое и конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Исключительно смелый и волевой, мужественный командир. В совершенстве знающий минное дело. Весь личный состав его взвода целиком обучен делу минирования и разминирования. За отличное выполнение боевых заданий из его взвода награждено и представлено к наградам 8 бойцов и младших командиров.

За период с апреля 1943 г. по июль 1943 года его взводом снято мин разных марок 2300 шт., из которых 60% сняты под огнем противника на направлении ст. Абинская. В апреле месяце 1943 г. там же установлено его взводом в 200 м. от огневых точек противника до 200 мин и без потерь.

В августе месяце 1942 года сам лично Третьяков со своим взводом выполнял боевое задание по минированию ж.д. (т.е. железнодорожных) мостов в тылу противника под Холмской. Выполняя задание по сплошному разминированию Эльбурского района КБАССР, его взвод показал выносливость и умение работать в трудных условиях горной природы.

Опытный командир в работе, обладает способностью в выучке бойцов по всем дисциплинам.

6.6.43г.

КОМАНДИР 90-го ИНЖЕНЕРНО-МИННОГО БАТАЛЬОНА Капитан (Косарев)

А до этого была медаль «За отвагу». А после еще два года войны. От командира взвода отец дослужился до должности начальника инженерной службы полка и звания капитана. Потом очередное ранение, долгое лечение в единственном в Баку офицерском госпитале, необходимость обрести свое место и достичь цели в новой жизни без войны.

Конечно, мне хотелось бы написать о том, что рассказывал мне отец о войне. Но ведь многие участники войны старались не рассказывать своим детям и внукам о самых страшных событиях войны. Причин для этого было немало: не хотели переживать это еще раз, не хотели пугать страшными картинками и т.д. Вот и нам с братом отец почти ничего не рассказывал о самих боях. Говорил о своих солдатах, о встрече с генералом Г.К.Жуковым, о встрече с бандеровцами, о форсировании Днепра, о восхождении на Эльбрус, о том, чем питались, как обновляли гимнастерки и красили их в кожуре грецких орехов... Но ни разу – о самих боях, о чувстве страха, которые должен испытывать каждый нормальный человек в минуту опасности. Я даже не знаю, убил ли он лично хоть одного фашиста, смотрел ли ему в глаза, что видел в них. Л.Н.Толстой, осуждая войну, говорил, что если дать во время боя возможность человеку взглянуть в глаза врагу, то, увидев в его глазах то же, что чувствует он сам, он не сможет лишиться жизни даже самого страшного врага, потому что увидит в нем человека, желающего жить.

Но даже умалчивая о страшных страницах войны, пережитых лично им, он учил нас главному – любить Родину, защищать ее, не жалея себя. Он всегда повторял слова из потрясающего советского фильма «Офицеры»: «Есть такая профессия – Родину защищать». Он сам защищал Родину, и его сын, мой брат Алексей, тоже стал офицером. У моего отца было две Родины – Россия, где он родился и откуда ушел на войну, и Азербайджан, где он состоялся как писатель, где прожил большую часть своей жизни. Во времена Советского Союза в воинских частях нашей республики он часто бывал с шефскими выступлениями, вел общественно-патриотическую работу. Обеим Родинам он служил верой и правдой.

Мне повезло, наверное, больше, чем другим детям участников, ветеранов и инвалидов войны. Ведь отец не рассказывал нам о пережитом на войне наверняка потому, что работал над написанием своих произведений. Теперь не только я, его дочь, но и любой желающий может узнать правду о Великой Отечественной войне, увидеть войну глазами не только очевидца событий, но и непосредственного ее участника, на-

ходящегося на передней линии фронта, глазами человека из окопа.

Последний праздник Победы, который застал мой отец – это 63-я годовщина. Уже 12 раз мы будем отмечать этот день без него. Очень мало осталось участников войны, точнее, единицы, и то это люди, оказавшиеся на войне в силу своего возраста в последние годы, уже после перелома в ходе боевых действий, когда с каждым днем увеличивалось число побед и количество освобожденных населенных пунктов, сел, городов, других стран. Конечно же, это не означает, что им было легче. Также были потери, ранения, страх, боль, кровь. Но патриотический настрой был совсем другим, вера в победу крепла с каждым днем.

Эту дату – 75-летие Победы – отцу увидеть не удастся. Наверное, он был бы рад тому, что в Баку проходит 9 мая Бессмертный полк, что чтут участников войны. Но все-таки я думаю, что отношение к этой дате сегодня в мире заставило бы его очень сильно переживать.

Я сама с болью в душе слышу размышления представителей освобожденных от фашистов Советским Союзом стран Западной и Восточной Европы, а также стран бывшего Советского Союза о том, что не наша, тогда общая родина, спасла мир от фашизма, или, что еще хуже, что войну начал СССР, что мы поработили другие страны. Они оправдывают убийства, холокост, возводят бандеровцев в ранг национальных героев... Что происходит с этими людьми? С теми, кто не уважает ветеранов, срывает с них георгиевские ленточки, сносит памятники освободителям?

Короткая память, неблагодарность к участникам ВОВ, – все это может привести лишь к повторению тех страшных событий. Но больше всего меня волнуют чувства, которые испытывают участники войны. Я не могу представить чувства моего отца, который должен был бы считать, что война – это ошибка, что они напрасно страдали, рисковали своими жизнями, спасали других, обеспечили мирную жизнь нескольким поколениям, выжили в блокадном Ленинграде, не сдали ему свой город. Неужели все было напрасно? Хочу верить, что нет. Хочу надеяться, что правда восторжествует. Свидетельством этого должно стать празднование 75-ой годовщины Победы, в котором примут участие многие страны бывшего Советского Союза, а также другие страны мира.

Конечно, это опять будет праздник «со слезами на глазах», мы будем вспоминать погибших на войне и ушедших в мир иной позже, восторгаться их подвигами...

Еще раз хочется поклониться всем участникам войны и сказать им: «Спасибо, наши деды и отцы, за то, что вы для нас сделали!». Вечная память погибшим и ушедшим от нас. И здоровья всем живым.

А.И.Третьякова

ЛЯМАН БАГИРОВА

В гостях у соседки

Девять свечей в окне у моей соседки.
Надо зайти. В последнее время мы видимся редко.

– Здравствуйте, тетя Фаня. Все ли в порядке?
– Здравствуй, девочка. В мои годы уже несладко.
Впрочем, все потихоньку. Заходи, покушай.
– Спасибо, я не хочу.

– Послушай!
Я вспоминаю души
Моих родных
Поминальный обед для них
Каждая свеча –
Чья-то душа.
Не обижай их.
Ешь, не спеша.
Видишь, накрыла я стол:
Белая скатерть, серебро, фарфор –
Все честь по чести,
Словно мы вместе,
Будто еще никто не ушел,
Будто еще никто не погиб.
В каждой свече вижу я лик:
Крохотный огонек справа –
Это сестрица Мара.
Она была маленькой,
Веселой, кудрявой,
Любила возиться в саду и собачку Ваву...
Их застрелил фашист. Так, для забавы...
Третья слева
Горит неровно.
Это – дядюшка Лёва,
Шебутной больно!
«Не человек – огонь!», –
Про него говорили.
Вспыхивал, словно порох...
Его тоже убили.
Маленький огонёчек,
Такой аккуратный, –
Бабушка моя Злата...
Ешь, ей будет приятно.
Как она стряпала,
Не описать словами!

Ухаживала за садом,
Все в доме делала своими руками...
На нее не тратили пуль –
Просто добили прикладом.
Четвертое справа
Стройное пламя –
Красавица Римма,
Гордость папы и мамы.
Отличница, умница.
Душа золотая.
Вспыхнула, как искра.
Вспыхнула и пропала.
Огонь в печи был жаркий,
Горели ярко
Она и мама, и папа,
И еще много наших.
И пепел их, даже угасший
Был долго горячий...

– Тетя Фаня, прошу, не надо!
Как у вас лицо потемнело!

– Это просто моя душа
Рвется из тела.
Это просто сердце мое
Летит к ним навстречу!
Не окликай меня.
Я сейчас тебе не отвечу.
Видишь, бьются их души,
Рвется пламя?
Это огонь, который
Не загасишь словами...

Моя соседка сидит.
Пламя свечей между нами.
Надо бы попрощаться,
Да не могу.

Кругами
Двигается память.

Еда на столе.

Пламя бледнеет.

Память сильнее
Вспыхивает
В столовом
серебре.

ВАЛЕНТИН ДЖУМАЗАДЕ

ЗАБВЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

Время все дальше отодвигает от нас грозные сороковые годы прошлого века. События второй мировой войны, самой масштабной, кровопролитной и трагической в истории человечества, не должны быть забыты, так же, как и имена воинов-победителей. Именно они в тяжелейшей борьбе спасли мир от фашистской угрозы, разбили опаснейшего врага, дошли до его логова и водрузили знамя Победы над рейхстагом.

Азербайджан внес достойный вклад в дело разгрома нацистской Германии. Наши земляки доблестно, беззаветно сражались на фронтах войны, в партизанских соединениях и отрядах, рядах Сопротивления. Их непростые судьбы и славные боевые биографии – это неотъемлемые составные частицы истории Великой Победы, семидесятипяtilетие которой будет торжественно отмечаться в мае 2020 года.

Мы обязаны свято чтить героическое поколение фронтовиков-победителей. На их долю выпали сложнейшие испытания, и они их выдержали с высочайшим достоинством, не щадили себя во имя счастья будущих поколений. Низкий им поклон и вечная память.

Время быстротечно и беспощадно. Ушли из жизни дорогие моему сердцу ветераны, о которых повествуется в представленных зарисовках.

Раз за разом вспоминая каждого из ветеранов, общение с ними, возвращаясь к тем или иным эпизодам их героических судеб, осмысливая величие подвига, пройденного жизненного пути, невольно задумываешься над глубочайшей по своему духовному содержанию и философскому смыслу фразой А.Жуковского:

*Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были.*

Его путь к Победе

Славная фронтовая биография Бахаддина Шахвелед оглу Мирзоева вместила в себя массу событий, незабываемых эпизодов участия в тяжелейших, кровопролитных оборонительных и наступательных сражениях. Пройдя огненными дорогами войны тысячи километров, он бил врага на Северном Кавказе, в Ставрополье, на Украине, в Польше, Германии, несколько раз был ранен, штурмовал Берлин и вернулся домой Героем Советского Союза, кавалером орденов Ленина, Отечественной войны, Красной Звезды, многих других наград.

Немногословный, хорошо знавший истинную цену и силу слова, он не любил вспоминать войну, принесшую неисчислимые страдания и горе миллионам людей его поколения. Но однажды, в мае 1985 года, в дни празднования 40-летия Победы, когда мы возвращались из Газахского района после трогательной встречи группы ветеранов Великой Отечественной войны со столетней Навад ханым Гусейновой, старейшей жительницей селения Агкейкак, что в предгорьях Большого Кавказа, солдатской матерью, потерявшей на фронте четверых сыновей и зятя, у нас с растроганным и погруженным в воспоминания Бахаддин-муаллимом исподволь, сама собой завязалась неторопливая, доверительная, задушевная беседа о военном лихолетье, о его, пол-

ной нелегких испытаний, армейской судьбе, однополчанах, павших и живых, о незаживающих ранах, нанесенных человечеству фашизмом.

...Боевое крещение лейтенант Мирзоев получил, будучи лейтенантом, командиром взвода 1054-го артиллерийского полка 416-й стрелковой дивизии, начавшей свой ратный путь в предгорьях Северного Кавказа. К тому времени за плечами у него уже были три года срочной службы в Красной Армии и учеба в горно-артиллерийском училище. Во многом поэтому молодой офицер довольно быстро освоился в напряженной обстановке передовой с ее непрерывной чередой кровопролитных боев со значительно превосходящими в пехоте, бронетехнике, артиллерии и авиации силами гитлеровских захватчиков.

В экстремальных условиях ковался командирский характер Бахатдина, накапливался опыт практических действий. Выбатывались навыки использования различных тактических приемов, неуклонно крепла уверенность в своих силах и умении находить выверенные решения в сложнейших ситуациях в максимально сжатые сроки.

Так, к примеру, в ходе боевых действий под Моздоком он, своевременно разгадав отвлекающий маневр крупной группировки фашистов и конкретное направление их основного удара, быстро сменил позицию, занял господствующую над местностью высоту и упреждающим, прицельным, разящим огнем орудий встретил и смял их атакующие порядки. Причем в критический момент боя сам встал к орудью, заменив погибшего наводчика. Вражеский клин был ликвидирован, гитлеровцы в панике бежали с поля боя.

С весны 1943 года линия фронта неумолимо отодвигалась на запад. Под мощными ударами советских войск немецко-фашистские полчища откатывались назад, неся большие потери. Старший лейтенант Мирзоев уже командовал батареей. Далеко позади остались Ставрополь, Ростов, Таганрог, Белгород, развернулись полномасштабные наступательные операции по освобождению земель Украины и Молдавии.

Сформированная в Азербайджане 416-я стрелковая дивизия зарекомендовала себя как высоко боеспособная, стойкая, успешно решавшая все поставленные задачи. Она в числе первых входила в Мелитополь, Николаев, Одессу, Кишинев. С упорными боями успешно форсировала Днепр, Южный Буг, Днестр, за что неоднократно получала благодарности от Верховного Главнокомандующего.

Ветеран хорошо помнил, как несмотря на смертельную опасность бойцы и офицеры его батареи в составе первой линии атаки преодолевали на различных подручных плавсредствах эти сложные водные преграды. Высаживаясь на берег под ураганным обстрелом и бомбежкой противника, они с ходу открывали огонь орудий с тем, чтобы поддержать усилия пехоты, расширить захваченный ею при переправе плацдарм, помочь закрепиться на нем до подхода основных сил.

Тактически грамотно взаимодействуя с танковыми и пехотными подразделениями, артиллеристы Мирзоева всегда надежно обеспечивали эффективную огневую поддержку, способствовали должному выполнению приказов командования. Своей точной, разящей стрельбой они громили оборону гитлеровцев, разрушали фортификационные, инженерные сооружения, уничтожали командные, наблюдательные пункты, огневые точки. Умело корректируя действия орудийных расчетов, их командир всегда до мельчайших деталей просчитывал варианты применения огня батареи. Нередко он принимал неординарные, рискованные решения поорудийно рассредоточиваться в боевых порядках пехоты, у переднего края, и в условиях максимального сближения вести огонь прямой наводкой. В дивизии Бахатдина знали как смелого, решительного, волевого офицера, пользовавшегося непререкаемым авторитетом у боевых товарищей. За смелость и бесстрашие, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, он был удостоен нескольких орденов и медалей.

С началом Висло-Одерской операции, открывавшей путь на Берлин, батарея Мирзоева неоднократно участвовала в смертельных схватках с ожесточенно сопротивлявшимися гитлеровцами. Своими огневыми ударами наносила им огромный урон в бронетехнике, автотранспорте, живой силе и внесла свой весомый вклад в успешное продвижение частей дивизии.

В одном из боев Бахаддин был ранен, но, отказавшись от отправки в медсанбат, остался в строю, продолжая руководить подчиненными. Шквальным огнем прицельных залпов артиллеристы нанесли огромный урон врагу и, нарушив систему управления, парализовали его действия, создав благоприятные условия для прорыва на важнейшем участке наступления частей и подразделений дивизии, что позволило расчлнить оборону противника, вклиниться в нее и подавить сопротивление значительной группировки отборных частей Вермахта.

За проявленные мужество и отвагу старшему лейтенанту Бахаддину Мирзоеву Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Прославленная 416-я Краснознаменная Ордена Суворова II-й степени Таганрогская стрелковая дивизия продолжала продвижение вперед, участвовала в окончательном разгроме гитлеровской военщины, штурме Берлина. Её бойцы первыми водрузили красное знамя над Бранденбургскими воротами. В бою у реки Шпрея Бахаддин Мирзоев был в очередной раз тяжело ранен. Произошло это ровно за десять дней до долгожданной Победы, к которой он упорно шёл, о которой мечтал и делал все от него зависящее для того, чтобы ее приблизить.

После демобилизации он вернулся домой, и началась для него новая, послевоенная, мирная жизнь, в которой он оставался верен своему кредо быть там, где труднее, работать с полной отдачей, во всем являть собой образец высокой ответственности.

Крепче брони

Халил Мамедович Мамедов нечасто делился воспоминаниями о военных годах. Но если он это делал, то услышанное из его уст надолго оставалось в памяти собеседника.

Он четко и конкретно излагал свои взгляды на те или иные этапы фронтовых действий, всесторонне и объективно их аргументировал. Говорил неторопливо, вдумчиво, взвешивая каждое слово. О своей боевой биографии рассказывал сдержанно, избегая всякой патетики. В основе были конкретные люди – его однополчане, и реальные события, непосредственными участниками которых они были.

Он без всяких пометок, по памяти, перечислял географические названия местностей, где воевал, их природные условия, называл точные даты основных сражений, сжато характеризовал особенности стратегии и тактические замыслы решающих боев, перечислял наименования воинских частей, освобожденных городов. Речь была полна профессиональных военных терминов, ярких сравнений и неординарных суждений, звучали фамилии и звания сослуживцев.

Пораженный его интереснейшим анализом и богатой памятью, строгим порядком подборки материалов личного архива, мой давний знакомый, опытный военный журналист из газеты «Красная Звезда», только восхищенно покачивал головой и, улучив момент, шепнул: «Вот это штабная культура». «Еще бы, – подумал я, – с его-то биографией и пройденным путем».

Мы беседовали, прогуливаясь по набережной бакинской бухты, и Халил Мамедович, погружившись в воспоминания, задумчиво смотрел в сторону моря, но мне казалось, видел перед собой не пенистые, подгоняемые легким северным ветерком прохладные волны Каспия, а огненный вал танковых сражений.

Когда началась война, Халил Мамедов уже три года отбывал срочную службу в танковых частях, окончил полковое учебное подразделение и командовал расчетом боевой машины. С первого дня войны он находился на передовой, сражался на Северном Кавказе, в Крыму, Приднестровье, освобождал земли Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии.

«Танки в ходе этой войны использовались как средство непосредственной поддержки и сопровождения пехоты и как средство широкого оперативного маневра и развития успеха армий и фронтов», – отмечается в краткой истории Великой Отечественной войны. Танкистов обычно бросали на самые ответственные участки сражений, они были решающей силой в обороне и мощным двигателем наступления, так как часто именно от их действий зависел успех. В начале войны было особенно тяжело, численность гитлеровской бронетехники была значительно выше, поэтому нашим танкистам, как правило, приходилось драться с превосходящими силами. Поэтому нужно было не только проявлять смелость и самоотверженность, но и незаурядную изобретательность, переигрывать противника в тактике, скорости, маневренности, управлении боем, точности ведения огня. Вот это-то у Халила Мамедова получалось на славу. Его командирским козырем стали неожиданные тактические решения, внезапность, мобильность и умелое оперативное руководство подчиненными.

Так, в ходе десантной операции в районе Феодосии его танкисты нанесли существенный урон противнику, а их командир за личное мужество и решительность был награжден орденом Красной Звезды. Затем следовали тяжелые оборонительные бои на Северном Кавказе, где он неоднократно отличился при выполнении приказов командования.

Уже летом 43-го года Халил Мамедов командовал батальоном, который участвовал в сражениях по освобождению Донбасса, Запорожья. На груди комбата появились второй орден Красной Звезды, ордена Александра Невского и Красного Знамени, медаль «За боевые заслуги».

О нем заговорили на фронте, как об одном из талантливейших командиров, у него был непререкаемый авторитет среди сослуживцев, он берег солдат, заботился о них, и они любили своего комбата, восхищались его силой духа и твердостью характера. Халил Мамедов всегда тщательнейшим образом готовился к предстоящим операциям, досконально изучал карту местности, ее рельеф, глубоко анализировал имевшиеся разведданные, организацию системы обороны противника, расположение минных полей, траншей, ходов сообщений, дзотов и дотов. Как правило, вместе с разведчиками подбирался к нейтральной полосе, определял глубину рубежей инженерного оборудования, возможные пути прорыва, обсуждал с командирами приданных сил порядок выдвижения и ход совместных действий. Все это приносило свои результаты, от боя к бою росло число успешных действий его батальона, всегда уверенно выполнявшего задание командования.

На счету у гвардейцев были стремительные прорывы в глубь эшелонированной обороны гитлеровцев, десятки уничтоженных тяжелых и средних танков врага, бронемашин, артиллерийских орудий, колонн с техникой и живой силой. Танкисты Мамедова действовали одинаково слаженно и уверенно на степной равнине, лесисто-болотистой, холмистой местности, умело преследовали врага и неудержимо форсировали водные преграды.

Так, в боях по освобождению Левобережья Украины, в том числе при форсировании Днепра, расширении плацдарма для наступления на правобережье, танковый батальон капитана Мамедова находился на острие главного удара, крушил фашистскую оборону, бесстрашно шел вперед. Его рейдовые многокилометровые внезапные выходы не раз ставили в тупик вражеских штабистов, поражавшихся неожиданными появлениями танкистов на разных участках противостояния.

Враг отступал. Бои переместились на территорию Румынии. Войска 2-го Украинского фронта натолкнулись на бешеное сопротивление фашистских дивизий, основательно укрепившихся в Восточных Карпатах. Здесь было создано несколько оборонительных рубежей с соответствующими фортификационными сооружениями, коммуникациями, разветвленной системой траншей, ходов сообщений, противопехотных и противотанковых заграждений.

Совместно с представителями других родов войск гвардейцы-танкисты крушили врага, ежедневно преодолевая огромные расстояния на своих «тридцатьчетверках».

Так, при взятии важного опорного пункта – города Меркури-Чук – танки батальона Мамедова первыми прорвали оборону гитлеровцев, преодолев железобетонные укрепления и проволочные заграждения. Затем, сметая все на своем пути, вышли в противоположную часть города, способствуя окружению и пленению его деморализованного гарнизона. Машина комбата, показывая пример подчиненным, всегда находилась впереди, поражая меткими выстрелами орудия, танки и очаги сопротивления фашистов. Несмотря на ранение, Халил Мамедов продолжал руководить боем. Ведя непрерывный прицельный огонь, его боевая машина уничтожила несколько «тигров», самоходных орудий, десятки пушек, сотни вражеских солдат и офицеров. Военная доблесть и мужество Халила Мамедова были отмечены рядом боевых наград, благодарностями Верховного Главнокомандующего. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Этим же указом звания Героев были удостоены члены экипажа командирского танка – младший лейтенант В.Рева, старшины В.Екимов и С.Ионов.

Тысячи километров фронтовых дорог прошел с боями бесстрашный танкист Халил Мамедов и каждый из 1418-ти дней сражался доблестно, героически и с чувством выполненного долга встретил День Победы. Я вспоминаю, как на вопрос журналиста, что же все-таки становилось решающим в танковом бою, какие профессиональные качества, Халил Мамедович улыбнулся и ответил четко, как отрубил: «Главное, чтобы сила духа бойца была крепче брони».

...В 1946-ом году гвардии майор Мамедов демобилизовался из армии, вернулся в Баку и, слегка оправившись от ран, несколько подкрепив здоровье, окунулся в мирную жизнь. Работал на разных руководящих должностях в различных государственных структурах. Всегда очень ответственно и добросовестно относился к порученному делу. Когда его направили на службу в Министерство внутренних дел, согласился, он привык быть там, где труднее. Его бесценный фронтовой опыт, умение разбираться в людях, вести их за собой, всесторонне и глубоко анализировать ситуацию, разрабатывать планы действий и четко, последовательно их реализовывать, были нацелены на повышение эффективности работы милиции в борьбе с преступностью, охране правопорядка.

В должности заместителя министра, а затем министра внутренних дел, генерал-майор милиции Халил Мамедов всегда и во всем являл собой образец преданности делу и верности присяге. Сам неоднократно выезжал на места совершения преступлений, брал под личный контроль расследование наиболее тяжких уголовных посягательств, пристальное внимание уделял подбору, расстановке, профессиональной подготовке сотрудников, формированию у них чувства ответственности перед обществом за порученное дело.

Герой Советского Союза Халил Мамедович Мамедов прожил свою жизнь, руководствуясь высокими нравственными принципами, он был бесстрашным воином, гражданином с большой буквы, и его имя по праву вошло в славную историю азербайджанской милиции.

Стоять насмерть

Он с детства грезил профессией учителя, ибо именно в ней видел свое призвание. Учился на «отлично», с присущем ему трудолюбием, неиссякаемой жаждой знаний. Уверенно двигался к достижению своей заветной цели. И вот, наконец, она совсем близка. От мечты стать преподавателем средней школы Салахаддина Кязимова отделял один шаг. Он уже не раз мысленно представлял себе, как вернется с дипломом в родные Закаталы и так же, как отец, по семейной традиции, будет учить детей.

Но грянула война, и выпускник физико-математического факультета Азербайджанского Государственного педагогического института в одночасье стал курсантом Тбилисского артиллерийского училища. Строгий, рассчитанный до минуты армейский распорядок, большие физические нагрузки его не пугали, он был воспитан в уважении к труду и дисциплине, с детства занимался спортом.

Природная настойчивость, тяга к знаниям, любовь к точным наукам стали залогом отличной учебы, помогли успешному освоению предметов, входящих в курс его сложной военной профессии.

Издавна артиллерийские офицеры считались людьми хорошо образованными, основательно разбиравшимися в физике, геометрии, алгебре, тригонометрии. Точность стрельбы из орудий разного вида и калибра снарядов немислима без предварительно выверенных расчетов, включающих в себя целую систему цифровых данных и показателей.

Математические способности Салахаддина явились надежным подспорьем при изучении особенностей специфики и тонкостей ведения артиллерийской стрельбы в разных условиях рельефа местности, и он неизменно показывал самые высокие результаты поражения всевозможных учебных целей. А его склонность к педагогике впоследствии не преминула положительно сказаться на стиле отношений с подчиненными.

Молодой лейтенант быстро освоился в дружном, многонациональном фронтовом коллективе, бойцы и офицеры жили одной семьей, вместе переносили тяготы, делили радость. К Кязимову бойцы относились с уважением, видя, как уверенно и спокойно он действовал в боевой обстановке, старался беречь людей, никогда не терял самообладания.

У него установилось железное правило, которому он следовал при любых обстоятельствах. Он всегда загодя тщательно выбирал и руководил оборудованием позиций для орудий. Придавал приоритетное значение оборонительным сооружениям, маскировке пушек, степени защищенности личного состава, учитывал рельеф местности, предусматривал возможность для маневра, занятия круговой обороны. До мельчайших деталей проверял сектора обзора и обстрела, готовился к любым неожиданностям.

Осмотрительность, спокойствие, выдержка, личная храбрость и выучка стали тем бесценным сплавом качеств, из которых формировалось и выкристаллизовывалось его командирское дарование. В нелегких переходах и схватках закалялся характер, накапливался опыт, рос авторитет среди однополчан.

Через год Салахаддина Кязимова назначили на должность командира батареи, а вскоре ему и его боевым друзьям пришлось участвовать в одном из самых крупных сражений Второй мировой войны, развернувшегося на Курской дуге. Сражение началось на рассвете 5 июля 1943 года и завершилось 23 августа. Пятьдесят дней и ночей продолжалась Курская битва, в которую с обеих сторон было вовлечено свыше 3 миллионов человек, тысячи танков, артиллерийских орудий, самолетов и т.д.

Как свидетельствуют исторические материалы, только на главном направлении своего удара гитлеровские штабисты сосредоточили до 500 танков, рассчитывая протаранить оборону советских войск. В первой линии отрядами по 10-15 единиц

шли тяжелые танки «Тигр», за ними компактными группами от 50 до 100 средние танки, следом, в бронетранспортерах, двигалась пехота.

Расчеты немецко-фашистского командования провалились, их максимально укрупненные армейские формирования встретили решительный отпор, они были опрокинуты обрушившимся шквалом огня из всех видов оружия. Предпринимаемые лихорадочные попытки изменить ход вещей в конечном итоге оказались неудачными. Немецко-фашистские захватчики потерпели сокрушительное поражение. Советские войска разгромили до 30 дивизий, в том числе 7 танковых, уничтожили свыше 3500 самолетов, огромное число солдат и офицеров.

Батарея Кязимова сутками не выходила из боя. Личный состав принял решение стоять насмерть и в жесточайшем огненном противостоянии, несмотря на потери и большое число раненых, выполнил его. Били врага, не щадя своих жизней. Достоточно отметить, что лишь в одном ночном бою 7 июля ими были уничтожены 4 танка, в том числе один «Тигр» и более роты автоматчиков.

В самый разгар сражения под Курском, за проявленные стойкость и мужество, старший лейтенант Кязимов был награжден орденом Красного Знамени. Боевые награды получили также многие его подчиненные.

Нанеся сокрушительный удар по фашистским ордам под Орлом и Курском, советские войска с середины августа 1943-го года активно продвигались вперед по всей линии фронта, развернув наступательные операции на Левобережье Украины. Протвинник, отчаянно сопротивляясь, откатывался к Днепру, надеясь там зацепиться. И тем не менее в сентябре эта широкая водная преграда, очень важная в стратегическом отношении, была форсирована войсками Воронежского, Центрального, Юго-Западного и Степного фронтов.

Батарея Кязимова, действуя в авангарде нашего наступления, под ураганным обстрелом врага, на подручных средствах форсировала Днепр севернее Киева и вместе с пехотинцами закрепилась на небольшом плацдарме. Едва артиллеристы заняли позиции, окопались, установили орудия, как разгорелся ожесточенный бой. Гитлеровцы крупными силами, при поддержке бронетехники и авиации, непрерывно контратаковали, но каждый раз вынуждены были отступать, оставляя на поле боя подбитые горящие танки и горы трупов своих вояк.

Двенадцать дней стойко стояли насмерть батарейцы на небольшом пятачке правого берега реки, отбивая по 10-15 атак в сутки. Было повреждено несколько пушек, росло число погибших и раненых, командир, продолжая руководить боем, сам встал к орудию и вел огонь.

В один из эпизодов сражения на них одновременно ринулись 12 танков, за которыми, ведя непрерывный огонь из автоматов, двигалось до батальона пехотинцев. Артиллеристы подпустили их на предельно близкое расстояние и несколькими точными залпами подожгли 11 танков, обратив в паническое бегство пехоту. Советские воины выполнили приказ, удержались на захваченном плацдарме, расширили его и обеспечили дальнейшее продвижение наших войск вперед.

За проявленный героизм старшему лейтенанту Салахаддину Кязимову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 октября 1943 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Дальше его фронтовые дороги простирались на запад, через Новгород-Волынский, Житомир, к границе Польши. В начале 1944 года Кязимову было присвоено очередное воинское звание капитана, и он уже возглавлял артиллерийский дивизион, который с боями неудержимо продвигался вместе с танками и пехотой, расчищая им путь метким губительным огнем. Артиллеристы Кязимова участвовали в знаменитой Висло-Одерской операции, в ходе которой войсками 2-го Украинского фронта были нанесены два мощных удара в направлении Познани и Бреславля, прорвана оборона врага на всю глубину и рассечена на несколько потерявших единое управление уча-

стков. Враг был сломлен и отступил.

Затем воины-освободители вступили на землю Чехословакии, где все еще ожесточенно сопротивлялись фашистские группы армий «Центр» и «Австрия», насчитывавшие в своем составе более 900 тысяч человек, имевших на вооружении до 10 тысяч артиллерийских орудий и минометов, свыше 2200 танков и штурмовых орудий, около 1000 истребителей, бомбардировщиков и других типов самолетов.

Артдивизион капитана Кязимова, входивший в передовые отряды наступающих войск, метким огнем уничтожал арьергарды противника, бронетехнику, артиллерию, до основания разрушал его узлы сопротивления, пробивая бетонные ограждения и отсекая объекты атаки от общей системы обороны, по несколько раз в день меняя позиции, продвигался вперед.

В день Победы, 9 мая, они с боем вступили в Прагу, где закончили свой славный боевой путь. В тот же, последний, день войны Салахаддин Кязимов был ранен и попал в госпиталь. После излечения отважный офицер вернулся в строй, долгие годы продолжал службу на различных командных должностях в артиллерийских частях Советской Армии, а затем его направили на руководящую работу в органы внутренних дел.

Опираясь на свой богатый опыт и знания, отважный фронтовик с присущей ему энергией и ответственностью посвятил всего себя делу организации борьбы с преступностью, системному предупреждению правонарушений, укреплению связей с населением, трудовыми коллективами, обеспечению надежного общественного порядка. В центре его постоянного внимания находились процессы подбора, обучения и воспитания кадров, всемерного повышения их профессионализма. Приоритетом была морально-нравственная готовность личного состава решать поставленные правоохранительные задачи, неизменно опираясь на строгое соблюдение законности и уважение к правам людей.

Рядом с боевыми орденами и медалями появились награды, полученные отважным фронтовиком уже в мирное время за личный вклад в борьбу с преступностью. Герой Советского Союза, заместитель министра внутренних дел Азербайджанской ССР, генерал-майор внутренней службы Салахаддин Иса оглу Кязимов погиб на боевом посту спустя тридцать три года после Победы.

За мирное небо

Он с раннего детства мечтал стать летчиком. Небо неудержимо влекло его своей таинственностью, неизмеримой глубиной, необычайной красочностью цветовых гамм. Мальчишка мог подолгу всматриваться в загадочную небесную даль, восхищаясь величественным, горделивым парением огромных орлов над родным горным Чухурюртом, и всем своим существом хотел ощутить чувство полета в прозрачном голубом небе.

К своей мечте Николай Шевердяев шел настойчиво и был уверен, что добьется своего. После окончания средней школы в Шемахинском районе он переехал в Баку и поступил в авиаклуб ОСОАВИАХИМа. Учился старательно, с полной отдачей. Под руководством опытных инструкторов упорно осваивал азы летного дела, изучал авиационную технику, основы пилотирования. Весной 41-го года в числе лучших выпускников его направили в Сталинградское военное летное училище, и у юноши началась новая жизнь, подчиненная четкому, расписанному до минуты, воинскому распорядку, строгой дисциплине, интенсивному учебному процессу, до предела насыщенный теоретическими и практическими занятиями.

Страшное слово «война», прозвучавшее ранним воскресным утром 22 июня в курсантской казарме, враз все изменило. Теперь все было подчинено одной мысли – быстрее окончить училище и ехать на фронт, где складывалась крайне сложная об-

становка и приходили нерадостные вести. Гитлеровские полчища рвались вглубь страны, и советские войска отступали под ударами их превосходящих сил, ведя тяжелые оборонительные бои.

Учебу Николай Швердяев и его сослуживцы завершали по сокращенной программе. Выпуск состоялся досрочно. Покидая стены родного училища, молодые офицеры поклялись бить фашистов, не жалея собственных жизней. Они разъехались по разным фронтам, навстречу суровым испытаниям и утратам.

Лейтенант Швердяев попал в Заполярье, где и в мирное время служить и летать непросто. Трескучие морозы, метели, частые обледенения самолетов, плохая видимость. Все это предъявляло повышенные требования к выучке, готовности пилота владеть машиной, но трудности Николая не пугали. Молодой летчик-истребитель успешно включился в боевой ритм, неоднократно в составе звена сопровождал эскадрильи наших бомбардировщиков, транспортные самолеты, участвовал в отражениях массированных налетов фашистской авиации на позиции советских войск. Лицом к лицу сходилась в воздушных схватках и дуэлях с гитлеровскими асами, которые на своих разрисованных экзотическими животными «юнкерсах» претендовали на неоспоримое превосходство в северном небе. В нелегких фронтовых условиях формировался его летный опыт, закалялся характер, неуклонно росло число побед.

Мужество, отвага, мастерство советских летчиков быстро развеяли миф о непобедимости люфтваффе. Гитлеровская авиация несла большие потери в Заполярье, и это существенно сказалось на ходе боевых действий на Карельском и Северо-Западном фронтах, где инициатива прочно перешла на сторону советских войск. Летчики-истребители осуществляли перехват немецких бомбардировщиков и сбивали их непосредственно над вражескими аэродромами и авиационными базами, завязывали воздушные бои, не давая выходить на заданный курс, непрерывными атаками оттесняли с него, заставляя фашистских пилотов сбрасывать бомбы на позиции своих же войск.

В начале 43-го года Николая Швердяева перевели во вновь сформированный полк штурмовой авиации и ему пришлось в кратчайшие сроки осваивать новый для себя тип самолета. Поступивший на вооружение ИЛ-2 представлял собой грозную машину, очень маневренную и скоростную, со значительной огневой мощностью, способной наносить ощутимые удары по наземным силам противника. Командование учло уже имевшиеся у Николая навыки пилотирования самолетов разных типов, хорошие технические знания. Переподготовку он завершил в кратчайшие сроки и вскоре приступил к боевым вылетам.

Штурмовая авиация вводилась в действие на самых сложных участках фронта для нанесения ударов по крупным группировкам противника с тем, чтобы сорвать их наступление или поддержать с воздуха атакующий порыв наших войск, разящими ударами ослабить, сокрушить оборону врага. В обоих случаях успеха можно было достичь только в результате точности маневра и эффективности огневого поражения.

Главным условием успеха были внезапность, безошибочно выбранная высота, скорость и угол атаки. Блокирующие действия «юнкерсов», «мессеров» и плотный встречный зенитный огонь с вражеских позиций не могли остановить штурмовиков.

Так, летом-осенью 43-го года в сражении в районе Ладожского озера и реки Свирь штурмовая авиация активно содействовала успешному продвижению наземных войск, нацеленных на прорыв блокады Ленинграда. Здесь гитлеровское командование сконцентрировало огромное количество войск, бронетехники, артиллерии, авиации, соорудило многослойные инженерные, защитные фортификационные сооружения, минные заграждения, преодолевать которые без эффективных, точечных авиаударов было крайне сложно.

Штурмовики ежедневно вылетали на задания, наносили фашистам значительный урон в живой силе и технике, громили коммуникации и аэродромы. В числе отличившихся летчиков был и наш земляк, мужество и отвага которого были отмечены

орденом Красного Знамени.

Лейтенант Шевердяев зарекомендовал себя умелым, расчетливым воздушным бойцом, всегда, даже в самых критических ситуациях, ему не изменяла уверенность в своих силах. Однажды при отработке разведывательных данных о появлении на одном из участков линии фронта дальнобойной артиллерийской батареи Николай сумел обнаружить тщательно замаскированные орудия и, обойдя зенитное прикрытие на бреющем полете, снизившись до 30-40 метров, буквально «прошелся по головам фашистов», как говорили летчики, и огнем уничтожил все пушки, их расчеты и боеприпасы.

На одном из участков Белорусского фронта его эскадрилья благодаря точно выверенным огневым ударам рассеяла крупное подразделение гитлеровской пехоты и танков, вклинившихся в оборонительные редуты советских войск. Тем самым, сорвав планы гитлеровского командования, она дала возможность нашей стрелковой дивизии передислоцировать свои подразделения, попавшие в сложное положение, и избежать тяжелых потерь. Наверняка не одна пара глаз наших солдат и офицеров с благодарностью смотрела с земли вслед самолетам с красными звездами на крыльях.

Николаю Шевердяеву приходилось оказываться в, казалось бы, безвыходных ситуациях, отражать атаки наседавших в воздухе «мессеров» и «юнкерсов», стремившихся во что бы то ни стало остановить наших штурмовиков и заставить отойти от намеченной цели. Его ИЛ-2 не раз возвращался на аэродром с такими пробоинами, что бывалые техники, не веря своим глазам, только недоуменно разводили руками. В полку всем запомнился случай, когда он сумел чудом посадить на летное поле свою боевую машину с поврежденным и отбитым осколком шасси, сохраняя при этом невероятное хладнокровие и присутствие духа. За годы войны старший лейтенант Шевердяев совершил 132 боевых вылета, уничтожил с воздуха большое количество железнодорожных составов с живой силой и боеприпасами врага, а также бронетехники, артиллерии, транспортных средств.

Ему, как и всем, довелось в полной мере испытать невзгоды и трудности фронтовой жизни, выдержать удары, уготованные судьбой, пережить горе утраты боевых друзей.

Николаю Шевердяеву приходилось летать далеко не в таком небе, о котором он мечтал и грезил в детстве. Из всего богатства небесной палитры здесь оставалась всего одна свинцово-серая краска войны с черным шлейфом дыма и яркими вспышками взрывов. Сейчас это было его, насквозь пронизанное свинцовыми очередями пулеметов и зенитнопушечными снарядами, поле боя, с жутким ревом пикирующих боевых машин, гибелью друзей, сгоревших в воздухе экипажей. И он бесстрашно шел по нему, громя врага, крепко, как меч, сжимая в руках штурвал штурмового ИЛ-2.

В составе штурмовой авиации Николай Шевердяев воевал в небе над Карелией, Ленинградом, Прибалтикой, Польшей, Германией. За мужество и героизм ему было присвоено звание Героя Советского Союза, он был удостоен многих высоких государственных наград, в том числе двух орденов Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны.

После Победы бесстрашный летчик в течение ряда лет продолжал службу в Военно-Воздушных силах, охранял южные рубежи страны, много сил и энергии отдавал подготовке и воспитанию молодых авиаторов, щедро передавал им свой богатый боевой и жизненный опыт.

Николай Петрович Шевердяев самозабвенно любил свою профессию и по праву гордился ей. Он через всю свою жизнь пронес проникновенную любовь к небу с его неповторимыми, чарующими красками и загадочной глубиной. Именно в небе ему довелось защищать Отчизну и он сделал все, что мог для Победы над ненавистным врагом, для того, чтобы небо Родины было всегда мирным, а люди смотрели в него без опаски, радуясь и восхищаясь его красками.

Бесстрашный воин

Со школьной скамьи я активно изучал историю Великой Отечественной войны, участвовал в следопытской работе, встречался с ветеранами, слушал и записывал их рассказы, воспоминания, выезжал на места былых сражений. Военная тематика была мне близка во многом потому, что я родился в семье фронтовиков, и мое детство прошло в военных гарнизонах. Поэтому неслучайно, что, занимаясь журналистикой, я стал готовить статьи, очерки, зарисовки, посвященные событиям грозных фронтовых лет, ветеранам, непосредственным участникам минувших событий.

Мне всегда было очень интересно услышать мнение Мелика Меликовича Магеррамова о моих публикациях в прессе, особенно если они касались военной тематики, каких-либо событий Великой Отечественной войны, посвящались ветеранам.

Бесстрашный воин, Герой Советского Союза, человек со славной боевой биографией, десятки лет прослуживший в армии и многие годы возглавлявший университетскую кафедру – пожалуй, более компетентного, взыскательного критика трудно себе представить. Речь у него была выразительная, лексика очень богатая, образная и красочная. Со свойственной ему прямоотой, излагая свой взгляд на статью или очерк, он мог скупно похвалить, что-то подсказать, обратить внимание на какую-либо проблему, требующую отдельного рассмотрения.

К освещению военной, фронтовой тематики он относился трепетно, справедливо считая, что главными ее составляющими должны быть глубокая правдивость при изложении событий, предельно реалистичное, конкретное, без излишнего пафоса описание фактов и, конечно же, объективный рассказ о людях – воинах Великой Отечественной, их самоотверженности, героическом пути к Победе. Я полностью разделял эту точку зрения и всегда считал своим долгом, взявшись за перо, обязательно донести до читателя ту духовно-нравственную сущность, которая возвышала, помогала советским воинам выстоять, пройти через безжалостное горнило войны, не ожесточиться, сохранить душевную щедрость и человеколюбие.

Одно время мы общались довольно часто, вместе выезжали в командировки, часами беседовали на военные, фронтовые темы. Слушая воспоминания Мелика Меликовича, его впечатления от давно пережитого или мысли, размышления о настоящем, трудно было не восхищаться твердостью его характера, жизнелюбием, независимостью суждений, умением видеть, всесторонне оценивать глубинные причины тех или иных изменений в общественной жизни, социальных процессах.

Пройдя, что называется, огонь, воду и медные трубы, он обладал огромным опытом, жизненной мудростью, был непосредственным, обаятельным человеком, прекрасным собеседником и заботливым наставником.

Часто, как наяву, представляю его в ладно сидящей военной форме с погонами полковника, со Звездой героя на кителе и внушительной колодкой планок орденов и медалей. Волевое лицо, открытый взгляд так много повидавшего на своем веку мудрого человека, в котором необыкновенно гармонично сочетались человеческая доброта и твердость характера бесстрашного воина.

Жизнь не баловала его. В неполные два года мальчик остался круглым сиротой. В десять лет уже трудился в колхозе, помогая взрослым. Окончив семилетку, поступил в техникум и сразу после его окончания, в 39-м году, был призван в армию. Когда в 41-ом грянула война, он с первых дней участвовал в боевых действиях, развернувшихся на Северо-Западном фронте.

Это был тяжелейший период отступления и кровопролитных оборонительных сражений. Сержант Мелик Магеррамов дрался смело, никогда не уклонялся от опасности, проявил себя отважным воином и его в числе лучших бойцов направили на учебу во Владимирское военное училище. В звании младшего лейтенанта он вернулся на передовую командиром пулеметного взвода. Молодой офицер уже обладал

немалым боевым опытом, и это сразу почувствовали сослуживцы. Он всегда сохранял спокойствие духа, берег людей, умело решал тактические задачи, расчетливо шел на обоснованный риск и пользовался непрерываемым авторитетом у подчиненных. Вскоре ему доверили роту. И именно ей было суждено отличиться в боях при освобождении города Чернигова, а ее командир за умелое руководство личным составом, проявленное личное мужество и бесстрашие был награжден орденом Красного Знамени.

Летом и осенью 1943 года их 77-я гвардейская стрелковая дивизия с боями продвигалась вперед, освобождая украинскую землю. Гитлеровцы ожесточенно сопротивлялись, рассчитывая удержать свои позиции, используя естественные природные преграды. Они планировали сбить успешный наступательный порыв советских войск у Днепра, где загодя создали очень мощную сеть рубежей обороны, так называемого «Восточного вала», насыщенную большим числом огневых средств.

Но фашистские стратеги просчитались. Неожиданный удар по их хорошо укрепленным позициям гвардейцы нанесли ночью, переправившись через реку на подручных средствах. Рота лейтенанта Магеррамова первой преодолела водную преграду, и увлекаемые командиром бойцы с криком «ура» в едином порыве ринулись в атаку, сметая на своем пути очаги сопротивления гитлеровцев. Хорошо подготовленная, глубоко эшелонированная оборона врага, не выдержав, дрогнула и была прорвана. Гвардейцы ворвались в передовые траншеи, затем молниеносным ударом расширили плацдарм и уверенно удерживали его, уничтожив значительные силы многократно превосходивших их по численности оккупантов. Успех операции был обеспечен.

За доблесть и героизм, проявленные при выполнении боевой задачи командования, лейтенант М.Магеррамов и шестнадцать воинов его роты были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Командующий фронтом маршал К.Рокоссовский лично выразил благодарность ротному, отметив его командирское дарование и личное мужество.

Советские войска уверенно продвигались на запад, нанося сокрушительные, разящие удары фашистским полчищам. Боевой путь гвардейской 77-ой стрелковой дивизии пролегал через территорию Украины, Польши, Германии и победно завершился на Эльбе. Позади остались тысячи километров фронтовых дорог, по которым в стужу и зной, под дождем или палящим солнцем, днем и ночью двигалась пехота, иногда сутками не смыкая глаз, вступая в бесчисленные кровопролитные схватки с противником, ведя упорные, изнуряющие оборонительные бои и устремляясь в отчаянные атаки.

Победу Мелик Магеррамов встретил, будучи командиром батальона, в звании капитана. На гимнастерке бесстрашного воина рядом со Звездой Героя поблескивали ордена Ленина, Красного Знамени, Кутузова, Отечественной войны, многие медали. А на теле молодого офицера война оставила свои шесть жестоких отметин-ранений.

Он с лихвой познал все невзгоды, тяготы и лишения военного времени. Достойно выдержал их, как и подобает отважному воину. Его фронтовая биография вмещает все, что только могло выпасть на долю солдата. Изматывающие оборонительные бои до последнего патрона, горечь потерь боевых друзей, неудержимые штыковые атаки, неистовые рукопашные схватки, неоднократные ранения и, конечно же, торжество Победы.

После войны Мелик Магеррамов остался в рядах Вооруженных сил, окончил Военную академию имени М.Фрунзе. Его боевой опыт и командирское дарование нужны были в армии, и он, безупречно прослужив на различных командных должностях, отдал ей десятки лет своей жизни, уйдя в запас в звании полковника.

Находясь на пенсии, Мелик Меликович Магеррамов продолжал работать в Бакинском государственном университете, долгие годы являлся членом Ученого совета,

активно участвовал в военно-патриотическом воспитании молодежи, работе ветеранских организаций. Он всегда особо подчеркивал, что рассказывать о войне и ее ветеранах надо предельно правдиво и реалистично, чтобы читатель смог понять главное, что составляет характер этих людей, их нравственный стержень, жизненную позицию. И я старался, чтобы мое небольшое повествование об этом незаурядном, цельном, мужественном человеке было именно таким – искренним и правдивым.

Свет героических судеб

Нити человеческих судеб переплетаются порой так неожиданно и причудливо, что за случайными, на первый взгляд, встречами, совпадениями не сразу заметишь определенную закономерность и невольно задумаешься об их предназначении.

С героем французского Сопротивления Ахмедией Джебраиловым я познакомился, еще будучи мальчишкой. С моим отцом они знали друг друга с детства, и я хорошо помню, как во время своих встреч, уединившись, они подолгу беседовали. Им было что вспомнить, о чем поговорить, оба сполна испытали на себе все тяготы войны. Мой отец был кадровым офицером, участвовал в финской кампании, оборонял Одессу, сражался под Сталинградом, был неоднократно ранен, но возвращался в строй. После войны еще два десятка лет служил в армии.

Ахмедия Джебраилов ушел на фронт в начале 1942 года, к тому времени их семья уже получила с передовой две скорбные похоронки на павших смертью храбрых отца и старшего брата. Ахмедия воевал в составе стрелкового полка, никогда не уклонялся от опасности, ни разу не дрогнул в сложнейших ситуациях и пользовался репутацией бесстрашного воина.

В одном из неравных кровопролитных боев в Харьковской области Ахмедия получил тяжелое ранение и в бессознательном состоянии оказался в плену. Он на всю жизнь запомнил, как озверевшие фашисты гнали военнопленных к железнодорожной станции, безжалостно добывая обессиленных, а потом, погрузив в товарные вагоны, в нечеловеческих условиях, практически без пищи и воды, долго везли куда-то на запад. Уже на месте Джебраилов узнал, что их лагерь для военнопленных находится на юге Франции. Благодаря поддержке и заботе друзей он понемногу пришел в себя. Молодой организм постепенно переборол болезнь, рана затянулась. Чуть собравшись с силами, он начал готовиться к побегу, мысль о котором не покидала его все это время. Хотелось как можно быстрее вновь взять в руки оружие и бить ненавистного врага. Он настойчиво искал удобный случай для побега и с помощью французских подпольщиков-антифашистов ему удалось-таки вырваться на свободу и вступить в ряды Сопротивления.

Так начался второй этап его героического ратного пути. Сразу же окунувшись в партизанские будни, Джебраилов активно участвовал в боевых схватках. В ходе проведения своих многочисленных операций отряды маки осуществляли нападения на гитлеровские гарнизоны, отдельные посты, внезапно атаковали армейские объекты оккупантов, подрывали коммуникации, пускали под откос железнодорожные составы с техникой и живой силой, устраивали засады на пути автоколонн с карателями.

О смелом, решительном парне из Азербайджана вскоре уважительно заговорили товарищи по оружию и жители окрестных земель. Они любовно звали его Ахмад Мишель, Харго, Русс Ахмед, гордились его воинскими подвигами, с восхищением рассказывали друг другу о дерзких по замыслу и исполнению, тщательно спланированных им операциях по уничтожению фашистских подразделений, освобождению сотен военнопленных и мирных юношей и девушек, захваченных гестаповцами в качестве заложников по различным подозрениям.

Наш земляк не раз, в том числе в форме офицера вермахта, проникал в рас-

положение врага, добывал ценные сведения, перепроверив и изучив их, обычно предлагал командованию свой конкретный план действий. Затем отряды маки осуществляли стремительные налеты и наносили огромный урон гитлеровцам, сеяли в их сознании панику. За поимку отважного партизана Ахмад Мишеля не на шутку встревоженные гитлеровцы назначили крупную сумму денег, привлекли дополнительные силы эсэсовцев, но тщетно, он оставался для них неуловимым.

Возглавлявший движение Сопротивления легендарный генерал Шарль де Голль неоднократно лично высказывал свое глубокое уважение к мужеству и отваге Джеб-раилова, чьи воинские подвиги были отмечены многими высшими боевыми наградами Франции, среди которых «Военный Крест», орден Почетного легиона и другие. После победы руководители Пятой республики предложили ему интересную, престижную работу, перед ним раскрывалось немало заманчивых перспектив на будущее, но он всегда мечтал вернуться на родину, переступить порог родного дома, обнять близких, и другого для себя не мыслил.

Наконец в 1951 году Ахмедия приехал в Шеки, но встреча оказалась далеко не такой, как представлялась. Пришлось испытать длинную череду невзгод, столкнуться с ужасающей несправедливостью и черствостью. Потребовалось несколько лет проверок, прежде чем правда восторжествовала и отважному воину вернули как советские, так и французские ордена и медали. Но все это время он никогда не жаловался, не сетовал на перипетии судьбы, стойко переносил трудности, чувствуя моральную поддержку земляков, много и упорно трудился, участвовал в общественной жизни колхоза, района в целом, занимался семьей, воспитывал детей.

В 1966 году, во время визита в Советский Союз генерала Шарля де Голля, Ахмедию Джебраилова пригласили в Москву на встречу с генералом, запомнившуюся искренностью и радушием. А в 1975 году он побывал в Париже, где принял участие в параде по случаю 30-летия Победы.

Помню, как восторженно рассказывал ветеран об этих памятных днях. Поистине, французы умеют чтить своих героев. Его принимали как одного из самых желанных гостей, оказав огромное внимание и отдав предусмотренные его наградам и статусу воинские почести. А после официальной программы начались нескончаемые дружеские объятия и рукопожатия, задушевные разговоры, слезы радости от встреч и нахлынувших трогательных воспоминаний соратников по борьбе в Сопротивлении. Ахмедия Микаил оглу Джебраилов золотыми буквами вписал свое имя в героическую борьбу за освобождение Франции от фашизма, и навеки остался в ее истории. За тысячи километров от родной земли он образцово выполнил свой человеческий и воинский долг. Отважный воин, скромный труженик, он каждым днем своей жизни являл пример порядочности, чести, достоинства, гражданской ответственности.

Его старший сын Микаил, мой добрый приятель, коллега и сослуживец, очень гордился своим отцом, стремился во всем походить и равняться на него. Он был одним из лучших сотрудников Шекинского районного отдела внутренних дел, неизменно имел отличные показатели в охране общественного порядка. Высокий профессионализм, добросовестность, инициативность, глубокое знание оперативной обстановки и опора на людей стали залогом надежного обеспечения общественной безопасности, успехов в борьбе с преступностью и предупреждении правонарушений. В его послужном списке было немало поощрений за безупречную службу.

Майор милиции Микаил Джебраилов погиб в декабре 1990 года, пав смертью храбрых в неравной схватке с группой вооруженных преступников, ему посмертно было присвоено звание Национального героя Азербайджана.

...Вот так из поколения в поколение передаются и крепнут героические традиции. Они бережно хранятся в благодарных сердцах и исторической памяти народа, который гордится династиями защитников Отечества, ибо их подвиги, немеркнущий свет героических судеб по праву являются истинным и бесценным достоянием.

И сердцу рифмой помогал

Он с детства зачитывался книгами. Магия слова захватывала тем сильнее, чем глубже он вникал в мир литературы, несущий огромный заряд знаний, эмоций, эстетического вкуса.

Как-то само собой пришло желание попробовать силы в поэзии, и он начал писать стихи, получал лестные отзывы. Поступив в 1940 году в Азербайджанский Государственный университет, регулярно посещал литературные вечера, диспуты, встречи с писателями, занятия в литературном кружке. И наверное, закономерно, что все его мысли о будущем теперь были связаны исключительно с литературой, желанием реализовать себя в творчестве.

Но грянула война, и сугубо штатский, худощавый, романтично настроенный паренек из тиши студенческих аудиторий и библиотечных залов, как и многие его сверстники, добровольно ушел в армию. С ноября 1941 года началась его фронтовая жизнь, и ее суровая правда учила молодого воина стойко переносить невзгоды, на добро отвечать добром, на зло – справедливостью, дорожить высокими понятиями чести, верности долгу, фронтовому братству.

Экстремальные условия обнажают всё лучшее и худшее в человеческой натуре. На войне жизнь и смерть ходят рядом и поэтому очень важно было дорожить первой, не боясь второй. Если принять смерть в бою, то с честью.

Ему довелось служить в бомбардировочной авиации, куда он попал после обучения на курсах авиаспециалистов. Его боевое крещение состоялось в небе, наполненном ревом двигателей самолетов, разрывами снарядов, пулеметными очередями атакующих фашистских истребителей.

Обеспечивая авиационную поддержку наступающим частям Красной Армии, они наносили мощнейшие авиаудары по позициям врага, командным пунктам, фортификационным сооружениям, уничтожали укрепления, колонны бронетехники, долговременные артиллерийские огневые точки, аэродромы люфтваффе. Разрушительным бомбометанием срывали планы противника по переброске резервных частей для усиления каких-либо участков фронта.

Атакуя поставленные цели, им нередко приходилось прорываться через заградительный огонь зенитных установок, поражать их на предельно низких высотах. Как правило, бомбардировщики сопровождались истребителями поддержки, но в воздушных боях всякое бывало, иногда оставались без прикрытия, и тогда самим приходилось отбиваться от «юнкерсов» и «мессершмиттов», приземляться на свой аэродром в изрешеченной машине. Каждый боевой вылет был сопряжен с огромным риском, а их экипаж совершил сотни таких вылетов, причем очень часто – в сложнейших метеоусловиях..

В составе Воронежского, 1-го и 3-го Украинских фронтов их прославленное соединение храбро воевало в небе над Кавказом, Украиной, Румынией, Венгрией, Австрией. Его разящие удары наносили серьезный урон гитлеровцам, способствовали продвижению наступающих войск. Победу 861-й бомбардировочный ордена Кутузова авиационный полк 244-ой Лозовской Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого второй степени бомбардировочной авиации дивизии встретил в Австрии.

Мужество и отвага сержанта Алибалаева были отмечены орденом Отечественной войны, тремя медалями «За боевые заслуги», медалями «За отвагу», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией».

После демобилизации Башир вернулся в Баку, и его направили на службу в органы внутренних дел, которой он отдал около сорока лет жизни. Работал, в основном, в следственных подразделениях. Вышел на пенсию по выслуге лет в звании полковника милиции с должности начальника следотдела Следственного управления МВД Азербайджанской ССР.

Его послужной список полон различных поощрений за успешное расследование сложнейших многоэпизодных уголовных дел. К фронтовым наградам прибавились награды, полученные в мирное время: медали «За отличную службу по охране общественного порядка», «За безупречную службу» трех степеней, нагрудный знак «Заслуженный работник МВД». В 1977 году ему было присвоено почетное звание «Заслуженный юрист».

Башир Амирович Алибалаев достойно прошел свой фронтовой путь, достиг профессиональных высот в следственной деятельности и уходил на заслуженный отдых с чувством выполненного долга.

Будучи на пенсии, он с головой окунулся в деятельность Совета ветеранов Министерства внутренних дел. Много времени и внимания уделял воспитанию молодежи, участвовал в различных мероприятиях военно-патриотического характера, с присущей ему энергией занимался поиском материалов о самоотверженной работе милиции республики в годы Великой Отечественной войны, о судьбах сотрудников, ушедших добровольно на фронт и погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

Важным штрихом в биографии этого замечательного человека является то, что он сумел-таки осуществить свою юношескую мечту и наперекор всем перипетиям судьбы никогда не порывал с поэзией, помогавшей ему смотреть в будущее с надеждой.

Ветеран стал автором нескольких сборников прекрасных стихов. Написанные в разные годы его жизни, они одинаково искренние, образные, реалистичные, наполненные радостным ощущением жизни.

Воинская фронтовая доблесть, активная, непримиримая борьба с преступностью и поэзия Башира Амировича Алибалаева по праву стоят в одном ряду. В ней он художественными средствами раскрыл целый мир, в котором жило его героическое поколение победителей, стойко преодолевшее немало трудностей и оставившее в наследство детям и внукам свой беспримерный подвиг – Великую Победу.

Его фронтовая судьба

С Мирдагатом Сеидовым я познакомился в пору своей лейтенантской юности. Нам, молодым офицерам, он тогда казался человеком из легенды. Мы знали, что он герой Сопrotивления, отважный воин, сражавшийся вместе с героем Советского Союза Мехти Гусейн-заде. Вполне естественным было желание побольше узнать об этом незаурядном человеке с фронтовой судьбой, полной тяжелейших испытаний. Тогда я не мог предположить, что через какое-то время буду служить с ним в Управлении уголовного розыска МВД республики.

Подтянутый, с завидной строевой выправкой, сухощавый, чуть выше среднего роста, с мужественным лицом и мудрыми, немало повидавшими на своем веку глазами, полковник милиции Сеидов держался со всеми сослуживцами одинаково уважительно. За его внешней сдержанностью уже при первом приближении открывалась доброжелательность и всегдашняя готовность откликнуться на просьбу о помощи. Он вызывал уважение своим ответственным отношением к служебным обязанностям, высокой внутренней дисциплиной, непримиримостью к малейшим нарушениям закона.

У него учились оперативному мастерству, штабной культуре. Он часто проводил занятия с офицерами по служебной подготовке, и всегда они проходили живо, интересно, с большой познавательной отдачей. Служебные командировки с ним по расследованию тяжких преступлений запоминались его неординарными оперативно-

розыскными действиями по отработке тех или иных версий и, соответственно, раскрытию уголовных посягательств, задержанию преступников.

Со временем, исподволь, у меня стало складываться собственное впечатление об этом человеке. Из разговоров с ним я по крупицам узнавал какие-то подробности из его фронтовой судьбы и служебной биографии.

Как и миллионам людей, война прервала мирный ход его жизни. Он стал добиваться призыва в армию. И в августе 42-го года вместе с другими призванными был отправлен в действующую армию. После ускоренного курса военной подготовки красноармеец Сеидов оказался на передовой. Его зачислили в 677-й зенитно-артиллерийский дивизион 388-й стрелковой дивизии, входившей в состав Приморской армии и оборонявшей Севастополь вместе с другими соединениями и частями морской пехоты. Положение складывалось критическое.

Вот как охарактеризована сложившаяся обстановка в краткой истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945, изданной военным издательством Министерства обороны СССР в 1965 году. «Защитники Севастополя сопротивлялись организованно и упорно. Оторванные от главных сил Красной Армии, они сдерживали натиск упрямо рвавшегося вперед врага, отбивая его яростные атаки. Стонала земля, сотрясаемая взрывами артиллерийских снарядов и авиационных бомб, в воздухе стоял непрерывный грохот канонады. Насмерть бились советские воины... Неувядаемой славой покрыли себя воины Приморской армии и черноморцы».

За долгих девять месяцев ежедневных жестоких боев МирдаMAT не дожил многих боевых товарищей. Над Севастополем нескончаемо бушевал свинцовый смерч. Его дивизион потерял две трети личного состава, но держался из последних сил, отбивая атаки танков и пехоты гитлеровцев. МирдаMAT был дважды ранен, но продолжал вести огонь.

Положение защитников Севастополя становилось безнадежным, огненный ураган авиации и артиллерии врага смертоносно прошелся по их позициям. Один из взрывов раздался рядом с МирдаMATом, и он, будучи контужен, потерял сознание. Когда, лежа на дне окопа, пришел в себя, над ним стояли двое немецких автоматчиков. Ему было трудно пошевелиться, но, преодолевая боль, он нашел в себе силы встать, чтобы не расстреляли лежащим.

Ему приказали идти и присоединили к группе других военнопленных, большинство из которых были ранены. Потом конвоиры построили их в колонну и под палящим солнцем, без воды и питания, погнали, подгоняя отрывистыми командами и безжалостно расстреливая отставших. Все это было как во сне. Они поддерживали друг друга, понимая, что как только остановишься или опустишься на землю, прозвучит автоматная очередь.

Кружилась голова, нестерпимо болела и кровоточила раненая левая рука, осколок в которой останется с ним до конца жизни. Какие нечеловеческие муки пришлось ему пережить! Им тогда владела одна мысль – несмотря ни на что, выдержать все это, бежать и снова взять в руки оружие, бить ненавистного врага. Спустя несколько суток их загнали в товарные вагоны и повезли через всю Европу. Уже на месте МирдаMAT узнал, что они находятся в лагере для военнопленных в Словении, недалеко от Триеста.

Слегка оправившись от ран и контузии, МирдаMAT решил бежать. Как раз в этот период он встретился в лагере со своим земляком Мехти Гусейн-заде. Оба поняли друг друга с полуслова, вместе продумали план действий, соблюдая конспирацию, постепенно сформировали группу военнопленных для ведения подпольной работы и нашли возможность связаться с партизанами Словенского Приморья.

Через связную одного из отрядов, действующих в той местности, сообщили о себе и получили первое задание: организовать побег нескольких военнопленных. С ним они справились успешно.

Подпольная организация разрасталась. Благодаря ей побеги военнопленных становились все чаще, и фашисты значительно усилили меры предосторожности, пытались установить организаторов. Под подозрение мог попасть Мирдамат и его товарищи. За ними установили слежку и стали поочередно вызывать на допросы. Понимая возрастающую угрозу, подпольщики успешно бежали – сначала к партизанам, а потом стали бойцами 31-й дивизии 9-го корпуса народно-освободительной Армии Словении.

Бесстрашие, находчивость, военный опыт Мехти и Мирдамата, умелое выполнение поставленных задач были отмечены командованием, принявшим решение перевести их в диверсионно-разведывательную группу штаба народной защиты Южно-Приморского округа.

Спустя некоторое время о наших земляках и их боевых делах заговорили в Словенском Приморье. В боевом строю со своими братьями по оружию они совершали внезапные налеты на вражеские гарнизоны, устраивали засады, уничтожали колонны с боевой техникой и живой силой, громили полицейские посты, узлы коммуникации и связи, минировали транспортные артерии.

Гитлеровцы были всерьез обеспокоены активизацией диверсионных действий. Они предприняли дополнительные меры по установлению и задержанию храбрецов. Повсюду вывешивались объявления с обещанием больших сумм денежного вознаграждения за содействие в этом, но среди местных жителей предателей не было.

Мехти, за которым закрепилось имя Михайло, Мирдамат, которого друзья называли Иване Русски, со своими боевыми товарищами наводили ужас на врага. Хорошо владея немецким языком, они зачастую при выполнении поставленных разведывательных задач, захвате «языков», использовали форму военнослужащих вермахта. Их отчаянная смелость и результативность проведения диверсионных операций наводили на оккупантов ужас.

Гитлеровцы вынужденно значительно усилили численный состав своих гарнизонов. Дополнительно прибыли карательные эсесовские подразделения. Их задача была – максимально блокировать отряды бойцов Сопротивления в горах, отрезать от населенных пунктов. Фашисты предпринимали огромные усилия, чтобы взять всю прилегающую территорию под свой контроль, но повсюду получали решительный отпор.

В одной из неравных схваток в селении Витовля пал смертью героя Мехти Гусейн-заде. Группа Мирдамата продолжала сражаться. Вместе со своими товарищами он осуществил несколько успешных налетов на различные воинские объекты оккупантов, казармы, склады артвооружения, места концентрации авто и бронетехники. Но во время подготовки очередной дерзкой операции он попал в облаву и был арестован гестаповцами.

У него были документы прикрытия на имя Марио Милича. Не добившись от него ничего в ходе жестоких допросов, сопровождаемых избиениями, его, как неблагонадежного местного жителя, полуживым отправили в Дахау.

В этом зловещем лагере смерти, где проводились античеловеческие опыты над людьми, он был обречен на гибель, но ему чудом удалось ее избежать. Помогли подпольщики, работавшие в лазарете – украинец Александр Коваленко, югославы Андрей Мерцек, Владо Врабец, Даниэль Брежич. Ночью накануне расстрела они сумели достать ему одежду умершего под пытками узника-чеха и тайно перенесли в другой барак. Так смерть в который раз снова отступила от него. А вскоре наступил долгожданный день Победы.

После войны он учился, получил высшее образование, работал педагогом, а затем был направлен на службу в органы внутренних дел, которой посвятил около тридцати лет своей жизни. Ушел в отставку в звании полковника милиции. Его ратный путь был отмечен многими наградами. Рядом с советскими орденами и медалями

– югославские «За храбрость» и «За заслуги перед народом», итальянские «Медаль Гарибальди» и «25 лет Победы над фашизмом» и другие.

Работа в органах внутренних дел ветерана-фронтовика неоднократно отмечалась наградами за высокие показатели в борьбе с преступностью, профессионализм и образцовое выполнение служебного долга.

На протяжении всей своей жизни Мирдадат Агамир оглу Сеидов был предан фронтовому братству, продолжал поддерживать тесные контакты со своими боевыми друзьями. Как правило, в день Победы он ежегодно получал много писем и поздравительных телеграмм от ветеранов Сопротивления, участников обороны Севастополя. Ему сообщали, что в Югославии в газетах и журналах, книгах было опубликовано немало статей, посвященных отважным воинам Мехти Гусейн-заде и Мирдадату Сеидову.

Их помнят и сегодня, спустя семьдесят пять лет после великой Победы. Потомки ветеранов могут по праву гордиться их весомым вкладом в Победу над фашизмом.

Подвиги венчает слава

Орден Славы, а в армии его уважительно называли Орденом солдатской Славы, традиционно пользовался особым почитанием у фронтовиков. Эта высокая боевая награда вручалась солдатам и сержантам за проявленные мужество, решительные действия, бесстрашие в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

Кавалерами всех трех степеней становились немногие. Достаточно отметить, что орденов Славы третьей степени были удостоены 868 тысяч бойцов, второй – 46 тысяч, а первой – лишь 2200 человек. Ратный путь этих храбрейших воинов был поистине героическим.

Наш земляк, Калинин Николай Иванович, один из них. Он родился в Баку, в семье рабочего. После окончания семилетки начал трудовую деятельность на машиностроительном заводе. Получил профессию токаря, строил планы на будущее. Но началась война. Николай, как и многие друзья-заводчане, добровольцем ушел на фронт. Мог ли он, простой бакинский паренек, рядовой солдат, начавший свой боевой путь от предгорий Северного Кавказа, предположить, какие нелегкие испытания уготовила и преподнесет ему его фронтовая судьба.

По-настоящему боевое крещение и первую награду – медаль «За отвагу» – он получил на подступах к Керченскому перешейку. Ожесточенные бои там продолжались вторые сутки, враг стремился любой ценой удержать линию обороны, куда уже сумели вклиниться наши автоматчики. Рота, в которой служил рядовой Калинин, укрепилась на небольшой возвышенности.

На ее позицию обрушился огненный шквал артиллерийских снарядов и мин. Небо заволочла густая пороховая гарь. Рота несла большие потери, но продолжала сдерживать яростный натиск противника. К вечеру, после очередной артподготовки, в атаку пошли танки, за ними двинулась пехота. Гранатами и бутылками с зажигательной смесью нашим бойцам удалось поджечь несколько машин, но враг продолжал наступать. В этот самый напряженный момент боя вдруг замолк пулемет, находившийся в центре обороны роты. Из своего окопа Калинин видел тяжело раненого сержанта, всем телом навалившегося на пулемет.

Только фронтовики, ходившие в атаки, знают, как трудно подняться в полный рост, когда кругом свистят пули, и несмотря ни на что заставить себя оторваться от спасительной земли, встать и пойти навстречу почти верной гибели. Не медля ни секунды, Николай бросился к пулемету. Быстро преодолев пару десятков метров, он сходу прыгнул в окоп, разжал руки умирающего товарища и только тогда почувствовал, что сам ранен.

А немцы уже совсем близко. Были отчетливо видны их лица, слышны отрывистые слова команд. Усилием воли, собрав последние силы, Калинин практически в упор начал расстреливать ненавистные серо-зеленые цепи. Не ожидавшие такого яростного огня, фашисты вначале залегли, потом в панике начали отступать.

Во фронтовой обстановке все постигается быстро и воспринимается особенно обостренно. Николай успешно осваивал военные науки и зарекомендовал себя как решительный, умелый и храбрый воин, не терявший самообладания в самых критических ситуациях.

Однажды Николая Калинина вызвали к командиру дивизии. Теряясь в догадках, он вошел в штабную землянку, где сидели несколько офицеров. Один из них, как оказалось, был командиром отдельной разведывательной роты. Он давно присматривался к молодому солдату и теперь предложил ему перейти в разведку. Николай сразу согласился.

В разведке он быстро освоился, пришелся, как говорится, ко двору. Как водится, здесь подобрались бывалые, обстрелянные воины, неоднократно ходившие в тыл врага, выполнявшие сложнейшие задания командования. В подавляющем большинстве они мастерски владели всеми видами оружия, приемами рукопашного боя, безошибочно ориентировались на местности, умело маскировались, бесшумно проделывали проходы в минных полях и незаметно пересекали линию фронта. Разведчикам приходилось по несколько суток вести наблюдение за позициями неприятельских сил, дислокацией воинских подразделений, выявлять оборонительные сооружения, опорные пункты, коммуникации, места расположения бронетехники и артиллерии.

Полученные данные с точными координатами они незамедлительно передавали по радиии, наводя на удары нашу дальнюю артиллерию, бомбардировочную и штурмовую авиацию. В случае тактической необходимости сами осуществляли молниеносные налеты на отдельные посты, узлы связи и другие конкретные цели, определяемые командованием.

Николай учился разведывательному делу непосредственно в боевых условиях. Настойчиво перенимал у сослуживцев их боевой опыт, старался делом оправдать оказанное ему доверие. Он несколько раз отличился при выполнении поставленных задач в тылу противника и вскоре ему уже поручили ходить за линию фронта во главе группы для сбора разведанных о позициях воинских частей врага, его огневой мощи, захвата «языка» и так далее. Разведчики нередко осуществляли дерзкие атаки на важные в стратегическом отношении объекты противника и уничтожали их. К медали «За отвагу», которой был награжден Николай в стрелковой роте, прибавились ордена Красной Звезды, Славы третьей степени, медаль «За боевые заслуги».

...Это было в Карпатах. Разведгруппа, возглавляемая старшим сержантом Калининским, получила задание пробраться в тыл противника и взять «языка». Под покровом ночи разведчики сделали проход в минном поле, перерезали проволочные заграждения и бесшумно проникли в расположение вражеской обороны. Подобрались вплотную к траншее, затем к блиндажу, в котором предположительно находился пункт управления, и затаились.

Долго наблюдали, ожидая удобного случая для нападения. Наконец им повезло: мимо них, негромко переговариваясь, шли двое ни о чем не подозревавших гитлеровцев. Улучив момент, Калинин первым бросился на рослого унтер-офицера и, обезоружив его, повалил на землю. «Язык» оказался штабным связистом, он сообщил немало ценных сведений о том участке линии фронта, где намечалось наступление полков их 128-й гвардейской Краснознаменной горно-стрелковой дивизии.

Гитлеровская армия стремительно откатывалась на запад. Командование одной из крупнейших вражеских группировок, которой грозило полное окружение, приняло решение вывести свои части по заранее подготовленной и тщательно замаскирован-

ной единственной дороге через горный перевал. Ее, несмотря на предпринимаемые усилия, никак не могла обнаружить с воздуха наша авиация.

Именно группе Калинина было поручено во что бы то ни стало найти эту дорогу. Вместе с командиром отделения пошли самые опытные разведчики – старшина Хандога, сержанты Гаибов и Гречухин.

Глубокой безлунной ночью они благополучно миновали передний край и решили переждать до утра на одной из сопок, тщательно замаскировавшись в невысоком кустарнике. На рассвете, когда все вокруг окутал густой влажный туман, скрытно двинулись дальше. Предстояло, соблюдая крайнюю осторожность, пройти несколько десятков километров по пересеченной местности, на которой концентрировались многочисленные подразделения и разрозненные группы отступающих гитлеровцев.

Только к вечеру, обойдя несколько заградительных постов и многочисленные патрули фашистов, разведчики наконец вышли к дороге, которую так долго искали. Рядом с ней своевременно заметили засаду эсэсовцев, и тут же ее бесшумно ликвидировали, захватив на месте ценные документы. Всего несколько минут понадобилось для того, чтобы уточнить полученные разведывательные данные, нанести их на карту.

Затем, связавшись с «большой землей», передали точные координаты цели и уже спустя полчаса на многочисленные колонны вражеской боевой техники и живой силы обрушили свой мощный удар советские бомбардировщики и штурмовики. Стратегический расчет гитлеровцев был сорван. Дорога, на которую они так рассчитывали, была надежно перекрыта. Путь отступающим фашистам по запланированному ими проходу отрезан, а это означало полный разгром, гибель или плен.

В январе 1945 года гвардии старший сержант Калинин Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом «Славы» первой степени за номером 818.

В составе 109-й отдельной разведывательной роты 128-й гвардейской Краснознаменной горно-стрелковой дивизии наш земляк дошел до Берлина, где был ранен в четвертый раз. Победу встретил в госпитале. За спиной у него были долгие фронтовые дороги через Украину, Польшу, Чехословакию, Германию. Грудь отважного разведчика украшали три ордена «Славы», ордена «Отечественной войны» первой степени, «Красной звезды», многочисленные медали.

В 1945 году, после демобилизации, Николай Калинин вернулся домой, в Баку, дальнейшую свою жизнь связал с морем. Окончил мореходное училище и долгие годы работал на различных судах Каспийского флота, пользовался большим уважением в коллективе за добросовестный труд, скромность и отзывчивость.

Вспоминая его, как наяву вижу высокого седого человека в мичманке, стоящего на палубе и внимательно вглядывающегося в набегающие навстречу зеленоватые волны. Он поглощен своими думами, вспоминает грозные военные годы и свою фронтовую юность.

Я хорошо знал Николая Ивановича Калинина. Задумываясь о его жизненном пути, военной и трудовой биографии, о его уважительном отношении к людям, таким нравственным понятиям, как долг, честь, ответственность, невольно вспоминаю, что представители старшего поколения кратко и емко характеризуют честного, порядочного, достойного человека, обычно говорили: «С таким, как он, я бы пошел в разведку». И в их устах это звучало, как высшая морально-нравственная оценка.

С честью и достоинством

Поколению молодых офицеров органов внутренних дел Азербайджана, начавших службу в семидесятых годах, посчастливилось осваивать тонкости профессии под руководством своих старших коллег – ветеранов Великой Отечественной войны. К тому времени, по понятным причинам, в строю их оставались единицы, но каждый

являл собой образец для подражания. Это были люди с огромным жизненным опытом и глубокими профессиональными знаниями, высоким пониманием офицерской чести и служебного долга.

Одним из них был и герой Советского Союза полковник милиции Мехти Надирович Кулиев. Будучи начальником Управления Вневедомственной охраны, членом коллегии МВД Азербайджана, он курировал наш районный отдел внутренних дел, и сотрудники имели возможность с ним общаться как по делам службы, так и по личным вопросам. Полковник Кулиев досконально знал состояние преступности в районе, оперативную обстановку, атмосферу в коллективе, оказывал значительное позитивное влияние на показатели в работе, уделял внимание вопросам организации оперативно-служебной деятельности, ее материально-техническому обеспечению.

Проводимые с его участием совещания запомнились деловитостью, конкретностью принимаемых решений, определением четкого механизма исполнения и контроля. Его выводы и оценки были объективны и всесторонне взвешены. Он ни при каких обстоятельствах не повышал голос, не рубил, что называется, с плеча. В том, что наш Кировский РОВД в течение нескольких лет добивался лучших показателей в Бакинском гарнизоне, во многом была его заслуга. Он с особым вниманием прислушивался к мнению ветеранов, а их оставалось пятеро – убеленных сединами бывших фронтовиков, начавших службу в милиции сразу после войны.

Глядя на то, как они уважительно, по-доброму, заинтересованно общались между собой, обсуждая вопросы повседневной правоохранительной деятельности, я каждый раз воочию убеждался в особой крепости и искренности фронтового братства. Мехти Надирович Кулиев оставался верен ему до конца своей жизни.

Война изменила его судьбу, он мечтал стать строителем, а стал воином и остался им уже в мирное время, вступив в строй солдат правопорядка, чтобы бороться с преступностью.

Когда началась война, ему едва исполнилось восемнадцать лет. Он уже чувствовал себя вполне самостоятельным, работал на стройке в Баку, за спиной были школа и фабрично-заводское училище, где он получил профессию каменщика. Решение добиваться отправки на фронт пришло сразу же, и вскоре он добился своего, стал солдатом. После непродолжительной первоначальной военной подготовки Мехти вместе со своим подразделением добровольцев прибыл на передовую.

Войска Северо-Кавказского фронта сдерживали бешеный натиск рвущихся вперед несметных полчищ гитлеровской Германии. Это был тяжелейший период, в течение которого советские войска ценою огромных усилий сначала остановили захватчиков, а потом сами перешли в решительное контрнаступление.

В ожесточенных боях, под пулями и снарядами, рядовой красноармеец Мехти Кулиев осваивал нелегкую армейскую науку, учился побеждать, в неравных кровопролитных схватках закалял характер и волю. В письмах родителям он старался успокоить их, заверял, что самое трудное уже позади. Его фронтовые солдатские почтовые треугольники были полны оптимизма, внушали родным и близким уверенность в грядущей победе.

В полной мере познавший перипетии войны, не раз смотревший в глаза смерти, командир пулеметного расчета младший сержант Кулиев бесстрашно разил фашистских оккупантов, освобождая Нальчик, Моздок, Армавир, другие города и населенные пункты Северного Кавказа, Ставрополя, Краснодар. За смелость, самоотверженность, способность сохранять спокойствие в самых критических ситуациях, всегдашнюю готовность прийти на помощь, заслонить собой товарища он снискал себе заслуженное уважение однополчан.

Так, в одном из боев на Кубани бойцы их роты в течение суток отбили десятки атак гитлеровцев, сорвав таким образом отчаянную попытку вклиниться в оборону дивизии. Мехти Кулиев был ранен в плечо, но категорически отказался идти в мед-

санбат. Превозмогая боль, он продолжал вести огонь из пулемета, уничтожив меткими очередями до полусотни автоматчиков врага, не позволив им захватить господствующую высоту. После боя командир роты настоял, чтобы Мехти отправили в медсанбат, тот подчинился, но уже утром вернулся. На вопросы сослуживцев отвечал коротко и твердо: «Там рану обработали, перевязали, а здесь быстрее заживет».

Нелегкий фронтовой путь молодого солдата был отмечен ранениями и боевыми наградами, как памятными ратными вехами. О нем с уважением отзывались бывалые воины и командиры: были уверены, ему по плечу выполнить самое сложное задание.

Освобождая Тамань, войска Северо-Кавказского фронта получили приказ в тесном взаимодействии с Черноморским Флотом и Азовской Флотилией провести десантную операцию в районе Керчи. Эти события Мехти особенно запомнились.

На рассвете их батальон, входивший в состав десантной группировки, неожиданным броском, преодолев массированную оборону гитлеровцев, зацепился за узкую прибрежную береговую косу. Противник, не ожидавший такого стремительного натиска, растерялся, и этих считанных мгновений десантникам было достаточно, чтобы продвинуться дальше, расширить плацдарм и закрепиться на нем. Они едва успели окопаться, как на них обрушился шквал артиллерийско-минометного огня, затем начались налеты вражеской авиации. Земля гудела и сотрясалась от бесчисленных взрывов. Казалось, на том пятачке земли никто не выживет. Но когда гитлеровская пехота двинулась в атаку, ее встретил и опрокинул огонь десантников. Трое суток фашисты пытались перехватить инициативу и выбить советских солдат с занятых позиций, но все попытки оказались безрезультатными.

Наши бойцы сражались до последнего. Многие, в том числе и младший сержант Мехти Кулиев, были ранены, но оставались в траншеях и окопах. В самых отчаянных ситуациях они поднимались в рукопашный бой с гранатами и штыками в руках. Во время одной из контратак Мехти пулеметным огнем уничтожил несколько десятков немецких пехотинцев и две огневые точки врага, а затем, скрытно пробравшись к третьей, подорвал ее гранатой. Его бесстрашные действия помогли десантникам продержаться на важном в стратегическом отношении плацдарме. Вскоре подошло подкрепление, и было обеспечено успешное форсирование через пролив основными силами дивизии.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1943 года гвардии младшему сержанту Мехти Надиру огу Кулиеву за мужество и героизм, проявленные при форсировании Керченского пролива, было присвоено звание Героя Советского Союза. Так в двадцать лет наш земляк золотыми буквами вписал свое имя в героическую летопись борьбы с фашизмом.

Прославленное соединение, в котором служил Мехти Кулиев, с боями продвигалось вперед на запад, преодолевая тысячи километров фронтовых дорог, освобождая от оккупантов родную землю. За героизм, ратные подвиги личного состава 2-я стрелковая дивизия получила почетное наименование «Таманская», стала гвардейской, была награждена орденами Красного Знамени и Суворова. Каждый солдат и офицер делал все от него зависящее, чтобы ускорить разгром врага. До победы дошли не все, но святая память о павших всегда, даже в самые тяжелые минуты, помогла живым выстоять и победить.

Войну Мехти Кулиев окончил кавалером многих боевых орденов и медалей, в звании старшего лейтенанта. После демобилизации его, как опытного боевого офицера, направили на службу в органы внутренних дел, и на всех участках, где ему доводилось работать, он безупречно, с честью и достоинством выполнял свой долг.

В течение ряда лет полковник милиции Мехти Надирович Кулиев возглавлял Управление вневедомственной охраны Министерства внутренних дел Азербайджана. Он отдавал много сил, знаний и энергии организации этой службы, совершенствованию ее функционирования, воспитанию молодых сотрудников милиции в духе вер-

ности служебному долгу. При этом придавал важное значение формированию у них чувства ответственности за порученное дело, глубокого понимания стоящих перед ними задач по охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

Те, кто хорошо знал Мехти Надировича по службе и вне ее, с уважением и благодарностью, с особой теплотой вспоминают этого доброжелательного, доступного в общении, интеллигентного человека, неизменно сдержанного, справедливого, для которого честь и достоинство, верность присяге были превыше всего. Таким он был на полях сражений и таким продолжал оставаться, надев погоны воина правопорядка.

Встречи с ним, беседы навсегда остались в моей памяти, и я по сей день горжусь тем, что мне выпала честь какое-то время находиться с ним в одном милицеевском строю, иметь счастливую возможность общаться, учиться жизненной мудрости, перенимать опыт, повышать профессиональное мастерство.

Герой Советского Союза Мехти Кулиев – один из миллионов тех отважных воинов, кто в тяжелейшей борьбе с опаснейшим врагом заслонил собою мир во имя счастливой жизни будущих поколений. О нем помнят и гордятся. У его скромного бронзового бюста в Гедабекском районе всегда много живых цветов.

Снайпер воздушного боя

С годами о Великой Отечественной войне писать становится все сложнее, чему есть немало причин. В последние десятилетия то и дело появляются псевдонаучные труды, основанные на исследованиях сомнительного, претенциозного характера о событиях далекого прошлого. На различных уровнях делаются скандальные, кощунственные, откровенно провокационные заявления. Палачей и нацистов не просто оправдывают, но, более того, героизируют. Фашистов и их прихвостней, коллаборационистов, карателей разных мастей пытаются превратить в борцов за идеи демократии.

Вместе с тем подвиг тех, кто самоотверженно противостоял фашизму с его античеловеческой сущностью, пытаются принизить любым путем, самыми грязными средствами, неприкрытым глумлением, очернительством, недопустимыми аналогиями, искажением очевидных исторических фактов, осквернением могил, демонтажем памятников павшим.

На долю поколения фронтовиков выпало немало тяжелейших испытаний, кровопролитная война, трудные послевоенные годы, восстановление страны, бытовая неустроенность, материальная нужда. Но они, несмотря ни на что, выстояли, выдержали, жили по совести, скромно, никогда не жаловались. Им были чужды накопительство, мелочные амбиции, лицемерие. Они не роптали, сталкиваясь с провокационными выпадами неонацистов, моральными обидами, злословием, потому что всегда были намного нравственно выше тех, кто их обижал.

Ветераны дорожили такими понятиями, как честь, человечность, воинский долг, интернационализм, фронтовое братство. Они оставались подлинными носителями традиционных нравственных устоев, глубокой духовности, истинной культуры, хранителями общественных, религиозных и семейных ценностей.

И сегодня, когда подавляющее большинство из них, к сожалению, ушли из жизни, с особой пронзительностью и щемящей душевной болью вспоминаешь их, неустанно благодаришь судьбу, щедро одарившую счастливой возможностью жить рядом с ними, общаться, перенимать их духовные ценности и богатый человеческий опыт.

Герой Советского Союза Адиль Гусейнович Кулиев – представитель поколения 1920-1925 годов рождения, о которых маршал Советского Союза К.Рокоссовский писал в книге «Солдатский долг», что из числа призывников этой возрастной категории в

живых оставалось только четверо-пятеро из ста. И именно они, молодые солдаты и офицеры, составили более половины от общего числа Героев Советского Союза.

Стать летчиком Адиль Кулиев мечтал с детства, и первым шагом на пути достижения заветной цели стало поступление в Бакинский аэроклуб, оснащенный очень хорошей по тому времени материально-технической базой и проводивший целенаправленную учебную подготовку сотен юношей и девушек. Под руководством опытных наставников учебный процесс проходил интересно, сочетая в себе теоретические и практические занятия. Но грянула война, и Адиль, как и многие его друзья, стал курсантом Сталинградского военного авиационного училища.

Известно, что в первый год войны гитлеровские захватчики имели явное преимущество в воздухе. Миллионы советских пехотинцев, артиллеристов, танкистов, саперов ощутили на себе губительные результаты почти безнаказанных авианалетов фашистских стервятников. Курсанты, зная о таком положении на фронтах, рвались на передовую. Занимались почти круглые сутки, стремясь сократить и без того предельно ускоренный курс подготовки. Они настойчиво изучали материальную часть самолета, его тактико-технические данные, особенности и специфику ведения воздушных боев.

И вот, наконец, долгожданный досрочный выпуск. Осенью 42-го года Адиль Кулиев прибыл на передовую и был зачислен в истребительный полк. Молодое пополнение заступило на боевую вахту, уверенно и надежно подставив свое плечо старшим товарищам. Как раз в этот период под Сталинградом произошли важнейшие события, повлиявшие в дальнейшем на ход войны. Была разгромлена и пленена огромная группировка вермахта, основательно подорвана его мощь, невосполнимый урон понес их хваленый люфтваффе.

В ноябре-декабре 1942 года под Сталинградом, как в небе, так и на аэродромах, было уничтожено около трех тысяч самолетов врага. Воздушные сражения того периода стали суровым экзаменом на зрелость для молодых пилотов. И они показали, что у нас появились блестящие дарования, настоящие воздушные «асы». Истребители нещадно крушили воздушный мост, по которому Гитлер пытался снабжать окруженную армию Паулюса. Господству фашистской авиации в воздухе был положен конец. Это означало значительное повышение безопасности советских наземных войск при проведении как оборонительных, так и наступательных операций.

Лейтенант Кулиев с головой окунулся во фронтовые будни, до предела заполненные регулярными боевыми вылетами, патрулированием, сопровождением на цели бомбардировщиков и штурмовиков, защитой полетов транспортной авиации. Он неоднократно участвовал в групповых воздушных боях, в которых, благодаря в том числе его удачным действиям, истребителями были сбиты несколько самолетов врага. Но ему как можно быстрее хотелось открыть личный счет уничтоженных машин противника. И вскоре в одном из боев ему это удалось. Гитлеровский «Мессершмитт» был пойман в прицел и подбит его метким выстрелом, загорелся и рухнул на землю. Первая красная звездочка появилась на борту его истребителя.

В начале июля 1943 года гитлеровское командование заявило о том, что приступает к проведению крупных наступательных действий, исход которых решит войну, а советским войскам будет нанесен мощный удар, который потрясет их до основания.

5 июля началась историческая битва на Курской дуге. Фашисты в отчаянной попытке переломить ход войны сконцентрировали здесь огромные силы пехоты, артиллерии, бронетехники. Для поддержки своих наступательных действий они запланировали массированные удары авиации. Усиленные группы бомбардировщиков и штурмовиков в сопровождении «Мессершмиттов» и «Фокке-Вульфов» поднялись в воздух, но были встречены советскими истребителями и мощным зенитным огнем с земли.

В ожесточенных сражениях ценою огромных усилий советские войска добились перелома в битве и перешли в наступление. Было разгромлено до тридцати вражеских дивизий, в том числе семь танковых, уничтожено свыше 3500 самолетов. Наша авиация прочно захватила господство в воздухе и удерживала его до Победы.

Непосредственно в боях Кулиев перенимал боевой опыт у старших товарищей, особенно в части тактики ведения группового боя, в атаке истребителями значительно превосходящего по численности противника. Молодой пилот обращал особое внимание на слаженность действий ведущего и ведомого, а также маневрирование в составе звена или эскадрильи. В целях повышения эффективности атакующих возможностей он стремился максимально использовать летно-боевые, скоростные качества своего «ЯКа», его маневренность, другие технические достоинства, огневой ресурс.

Летчик-истребитель с момента взлета включается в одновременное решение целого ряда задач: четко контролировать воздушную обстановку, внимательно следить за показаниями приборов двигателя, поддерживать постоянную связь с напарником и землей, настойчиво искать противника и обнаружив его, не упуская из виду, занять выгодную для атаки позицию, подготовиться к ней и точным огнем пушек и пулеметов уничтожить врага.

Как подчеркивал в своей книге «Цель жизни» выдающийся авиаконструктор А.Яковлев, «Летчику-истребителю свойственна не только личная отвага, но и молниеносная быстрота ориентировки, необычная находчивость. Он должен обладать железной выносливостью; ни на одном другом типе самолета летчику не приходится испытывать такое физическое напряжение, такую перегрузку организма, как на истребителе при выполнении им «горки», пикирования, виража и других маневров при высоких скоростях полета».

Как показала жизнь, Адиль Кулиев обладал всеми этими качествами в полной мере. Росло число боевых вылетов, а с ними и количество сбитых самолетов врага. Настойчиво совершенствуя свое летное мастерство, он стал подлинным снайпером воздушного боя. Ему довелось в жестоких схватках встречаться с представителями элитного 8-го корпуса люфтваффе, подчинявшегося непосредственно Герингу, теми самыми хвалеными истребителями широко разрекламированной группы Рихтгофена, которые разрисовывали свои самолеты драконами и другой подобной устрашающей всячиной. Их он сбивал столь же спокойно и уверенно.

В воздушном бою Адиль чувствовал себя единым целым с самолетом, тот был послушен каждому движению пилота. Стремительные наборы высоты, вертикальные маневры и резкие уходы в пике, высокая маневренность, использование облаков, учет направления солнечных лучей для выбора безошибочного момента атаки, хладнокровие, точный расчет и мгновенная реакция становились фундаментом и залогом успеха.

Истребители часто использовали излюбленный тактический прием, так называемую «воздушную этажерку». Для этого несколько их пар занимали позиции на разных высотах, блокировали воздушное пространство и, контролируя его, вели поиск врага. При обнаружении они его атаковали, не оставляя ему шансов на спасение.

Адиль Кулиев в свои двадцать с небольшим лет считался одним из опытейших пилотов, настоящим «асом». Его никогда не покидала уверенность в своих силах, даже когда приходилось одному атаковать группу фашистских истребителей. И все же в одном из боев его самолет был подбит. Сохраняя хладнокровие, он сумел дотянуть до нейтральной полосы и на парашюте покинул загоревшийся самолет. Когда он приземлился, к нему пробрались разведчики и помогли добраться до наших траншей.

Адиль Гусейнович с доброй улыбкой рассказывал, с какой радостью встречали его однополчане, когда он вернулся в полк.

– У истребителей очень крепкие дружеские отношения, – говорил он. – И, надо сказать, к пилотам истребительной авиации всегда было особое отношение. К нам во всех родах войск относились очень тепло, в том числе в самой авиации, будь то штурмовая, бомбардировочная или транспортная. Мы же их сопровождали, защищая от налетов «Мессеров» и «Фокке-Вульфов». Ну, а те, кто сражался на земле, не раз видели, как бесстрашно и отчаянно бьются в небе с врагом наши «ястребки», как сбивают фашистов и как героически на глазах у всех принимают смерть в небе, защищая тех, кто на земле.

Счет сбитых самолетов врага Кулиев продолжал увеличивать в небе Белоруссии, Прибалтики, Восточной Пруссии. Входивший в состав третьей воздушной армии его 65-й гвардейский истребительный полк встретил Победу в Германии. Адиль Кулиев был уже капитаном, командиром эскадрильи. На его счету было 265 боевых вылетов, он участвовал в 64 воздушных боях, лично сбил 18 самолетов врага. Грудь летчика-истребителя украшали звезда Героя Советского Союза, ордена Ленина, «Александра Невского», три «Красного Знамени», два «Отечественной войны» 1-й степени, «Красной Звезды» и многие медали.

После войны прославленный «ас» более двадцати лет продолжал службу в авиации, с отличием окончил Академию Военно-воздушных сил. Служил на различных командных должностях, являл собой образец воина-фронтовика, воспитал не одно поколение военных летчиков.

После увольнения в запас работал в гражданской авиации, но всегда поддерживал тесную связь с воинскими коллективами, передавал молодым солдатам и офицерам эстафету мужества и верности долгу.

Адиль Гусейнович Кулиев являлся примером для подражания, всем, кто его знал, запомнился душевной щедростью, добротой, готовностью поддержать в трудную минуту, помочь советом и делом. Именно таким он остался в нашей памяти.

Вечная слава

75-летие Победы над гитлеровской Германией – поистине знаменательное событие глобального масштаба. Подвиг тех, кто самоотверженно противостоял фашистским захватчикам, в тяжелейшей, бескомпромиссной борьбе остановил коричневую чуму, стал бесценным достоянием потомков.

Наши отцы и деды не щадили себя и своих жизней, героически сражаясь с опаснейшим, жестоким врагом. Они делали это во имя счастья будущих поколений. И не числом наград на мундирах и звезд на погонах измеряли свой личный вклад в Победу, а глубочайшим осознанием безупречно выполненного воинского долга, возможностью сказать себе – я сделал все, что мог!

В своем движении время неумолимо. К величайшему сожалению, поколение победителей уходит, но святая память о нем остается и будет продолжать объединять тех, кто называет себя благодарными потомками.

В славном боевом строю фронтовиков, воинов-победителей, которых мы традиционно чествуем и которыми гордимся, достойно занимают свое место сотни тысяч наших земляков. Их ратные подвиги по праву вошли в летопись Великой Отечественной войны.

Вечная им Слава!

ШИРИН МАНАФОВ

РАШИД МЕДЖИДОВ – ЗАМ.КОМЕНДАНТА БЕРЛИНА

В апреле 1945 года в составе 5-ой гвардейской ударной армии 416-я стрелковая Таганрогская Краснознамённая Ордена Суворова дивизия¹ участвовала в штурме Берлина. 26 апреля она вела бои за взятие Силезского вокзала и пробивала дорогу на рейхстаг.

Май 1945 года. Самый укрепленный район Берлина – центральную улицу города Унтер-ден-Линден (Под липами) – советское командование поручило взять под контроль 416-й стрелковой азербайджанской дивизии.

Знаменитые Бранденбургские ворота, десятки административных зданий, в частности, Военная комендатура и Цейхгауз (Арсенал) располагались на этой улице. Сломить сопротивление немцев и овладеть этим укрепрайоном означало полностью подчинить себе все районы города, так как улица Унтер-ден-Линден соединяла восточный Берлин с западным.

Это была улица триумфальных шествий, по ней бегуны проносили олимпийский огонь, доставленный самолетом из Греции.

Сам Гитлер, возглавляя шествие олимпийского огня, ехал в открытом «мерседесе», наслаждаясь ликованием толпы.

Для Сталина было принципиально важно взять центральную улицу Берлина, овладеть проспектом триумфа фашистской амбициозности и не отдать эту важнейшую артерию города американцам.

Одно из ключевых зданий на Унтер-ден-Линден – бывшее здание советского посольства – атаковал отряд под командованием нашего земляка, полковника Рашида Меджидова.

Захват центральной улицы Берлина имел целью разрушить координацию и пути снабжения противника, изолировать районы рейхстага и имперской канцелярии, обороняемые отборными частями СС, и разгромить их по отдельности. Естественно, за каждый дом на Унтер-ден-Линден немцы бились отчаянно, здесь решалась судьба Берлина. 416-ая, сокрушив сопротивление, подготовила плацдарм для штурма и рейхстага, и имперской канцелярии.

О подвиге 416-ой азербайджанской дивизии в Берлинской операции наши историки писали в книгах о славном пути знаменитой Таганрогской дивизии.

¹ Приказом командующего войсками Закавказского военного округа от 22 февраля 1942 года начинается формирование 416-й стрелковой дивизии со штабом в городе Уджар в Азербайджанской ССР. 1054-й и 1374-й полки были сформированы в Агдаме, 1373-й полк в Гейчае, 1368-й полк – в Сумгайыте. 22 марта того же года личный состав дивизии принял военную присягу. В составе дивизии было 11 050 азербайджанцев, 291 русских, 225 армян, 110 грузин, 99 украинцев, 72 татарина, 28 евреев, 23 белоруса, а также военнослужащие других национальностей.

Член военного совета 5-ой Ударной армии генерал Федор Боков в своих воспоминаниях подробно рассказал о боевых эпизодах при взятии Берлина.

На рассвете 2 мая 1945 года под прикрытием дымовой завесы бойцы 416-й стрелковой дивизии, укомплектованной, как писали в политдонесениях Красной Армии, «сынами солнечного Азербайджана», переправились по обломкам моста через реку Шпрее. Начался последний из сотен миништурмов – штурм главной улицы столицы Третьего Рейха Унтер-ден-Линден.

Передовой 1373-й полк полковника Сеидбадалова при поддержке артиллеристов капитана Эфендиева захватил здание Военной комендатуры. Сразу после этого саперы капитана Анисимова восстановили мост, и по Унтер-ден-Линден или, как эту улицу называли во времена Рейха, via Triumphalis пошли танки.

После восьмичасового боя, овладев зданием Оперы и другими опорными пунктами, наши войска вышли к дому №63 по Унтер-ден-Линден.

– Чтобы ни один снаряд туда не попал! В этом здании располагалось советское посольство! – приказал замполит 416-й дивизии бывший первый секретарь ЦК комсомола Азербайджана полковник Рашид Асадоглу Меджидов. Артиллеристам пришлось «окаймить» здание разрывами, и пехота 416-й дивизии пошла в рукопашную – на лестницы, в кабинеты и коридоры. Рашид Меджидов лично водрузил на крыше этого дома знамя победы. Водрузил только тогда, когда батальон полковника Гюльмамедова уже прорвался по этой улице значительно дальше, до самой Паризерплац (Парижская площадь), и приступил к атаке Бранденбургских ворот.

В том бою на помощь бойцам полковника Гюльмамедова вскоре подоспели батальоны пехоты, взявшие двумя часами раньше здание советского посольства. Бранденбургские ворота немцы обороняли с особым рвением, и погибли все, никто не сдался, хотя защитники видели, как пал находящийся за их спиной Рейхстаг.

Взятию Рейхстага и Бранденбургских ворот в советской историографии придается ключевое значение во всей берлинской операции. Именно взятием Унтер-ден-Линден – главного транспортного коридора, соединяющего западную и восточную части Берлина, было окончательно сломлено сопротивление фашистов и удалось овладеть центром Берлина. Система обороны Берлина была полностью парализована и распалась на отдельные зоны сопротивления.

Из книги маршала Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления»:

«Первыми ворвались в Берлин с востока 94, 89, 60-е гвардейские дивизии, 416 дивизия (командир – генерал Д. М. Сызранев, начальник политотдела – полковник Р. А. Меджидов).

С утра 29 апреля и всю ночь на 30 шли ожесточенные бои вблизи рейхстага. Части 151 и 170 стрелковых дивизий готовились к штурму рейхстага».

Маршал Жуков пишет:

«Как участник Берлинской операции, должен сказать, что это была одна из труднейших операций второй мировой войны. Группировка противника общим числом миллион человек дралась ожесточенно. Советские войска в той завершающей операции понесли большие потери – около трехсот тысяч убитых и раненых».

Взятие центральной улицы Берлина было ключевым моментом этого плана. Уничтожив очаги сопротивления на этой улице, 416 дивизия тем самым создала плацдарм для штурма рейхстага.

5-ой армии под командованием генерала Берзарина, в составе которой была 416 дивизия, было поручено овладение наиболее обороняемыми зданиями.

После взятия Берлина именно генерала Берзарина Жуков назначает комендантом Берлина, а тот берет в помощники полковника Рашида Меджидова.

Маршал Жуков отметил в своей книге, что взятию Бранденбургских ворот придавалось особое значение. Эти ворота – символ многочисленных побед Германии над своими врагами со времен кайзера Бисмарка.

Неслучайно в июне 1945 года командующий английскими войсками фельдмаршал Б. Монтгомери предложил вручить награды ряду маршалов Советской армии именно у Бранденбургских ворот.

Сразу после взятия Цейхгауза – в нем располагался имперский военный музей – здание было по приказу начальника политотдела 416-й дивизии Р. Меджидова взято под стражу. Это было своевременное решение, музей обладал одной из лучших коллекций оружия в мире. Позднее приказом Союзной комиссии военный музей был упразднен как символ прусского милитаризма, и многие экспонаты были вывезены в СССР. Самым ценным приобретением московского Исторического музея оказались тогда личные ордена Наполеона, захваченные немецким генералом Блюхером после победы над Наполеоном при Ватерлоо. С 1945 года по настоящее время ордена Наполеона хранятся в музее на Красной площади в Москве. Благодаря грамотно проведенной атаке здание Военного музея не подверглось разрушению, и Советскому Союзу достался ценный трофей – экспонаты имперского военного музея.

Приказ Р. Меджидова сохранить здание бывшего советского посольства спас тысячи секретных документов. В этом здании с 1941 по 1945 годы находилось Имперское министерство по делам восточных территорий, то есть оккупированной части СССР. Здесь были обнаружены важные секретные документы, позднее использованные советской делегацией на Нюрнбергском процессе.

В конце 1945 года здание было взорвано, и по приказу Сталина на его месте была построена громадина в стиле сталинского ампира. Сталин пожелал продемонстрировать, кто хозяин Берлина, и на месте взятого солдатами 416 дивизии здания возведен был громадный претенциозный куб с до сих пор поражающими размерами залами для собраний. По замыслу Сталина новое здание советского посольства было видно с любой точки Берлина. Громадное здание стоит на острие триумфальной улицы как стрела, вонзившаяся в самое сердце западного Берлина.

После подписания акта о капитуляции начался новый этап в жизни полковника Рашида Меджидова. Членом Военного совета советской администрации стал непосредственный командир Рашида по 5-ой ударной армии генерал-лейтенант Ф. Боков, который и рекомендовал Р. Меджидова на самый важный и сложный участок работы администрации – восстановление промышленности и городов создаваемой ГДР. С 1945 по 1950 годы Р. Меджидов восстанавливал предприятия разрушенных войной городов восточной Германии.

Военный комендант Берлина Герой Советского Союза генерал-полковник Н. Берзарин пятью днями позже издает приказ о переходе всей полноты власти в Берлине в руки советской военной комендатуры.

«Уже 14 мая комендант Берлина вместе с новой дирекцией метро открыл движение на первой линии метрополитена, – пишет маршал Жуков, – а к концу мая было введено в эксплуатацию пять линий общей протяженностью в 61 км».

В мае возобновились занятия в 580 школах, в них училось 233 тысячи детей, и открыто 88 детских домов.

Враг был везде, акты саботажа происходили постоянно. Ежедневно во всех частях Берлина и многих других городов велись локальные бои с перешедшими к подпольной войне фашистами.

В таких сложных условиях военной администрации надо было привлечь на свою сторону мирное население и приступить к возрождению инфраструктуры городов восточной Германии.

В самые сложные первые пять лет восстановления Германии под руководством Р. Меджидова из руин возрождался промышленный комплекс восточной Германии. По заданию командования Р. Меджидов одновременно должен был организовать вывоз из Германии в СССР станков, кораблей, сырья для промышленности, ценного оборудования и конструкторских чертежей ведущих немецких военных компаний в СССР.

Неудивительно, что Р. Меджидов был все эти пять лет в Германии под прицелом как фашистского подполья, так и разведок союзников, стремившихся помешать вывозу из Германии в СССР передовых технологий и ценного оборудования, в первую очередь военных заводов.

Борьба разведок началась с первых дней после окончания войны.

Р. Меджидов одним из первых выявил истинные задачи союзников. Слишком нагло, открыто действовали разведки американцев и англичан. Под видом поиска военных преступников искали и вывозили в свои страны инженеров ведущих предприятий Германии.

Р. Меджидов наладил сотрудничество с рядом немецких специалистов для обнаружения скрываемых от советской администрации современных достижений немецкой военной промышленности.

Не менее важной частью его работы было вовлечение в возрождение немецкой промышленности немецких технических кадров, из-за американской пропаганды массово покидавших восточную, то есть советскую часть Германии. Р. Меджидов не только остановил утечку ценных кадров, но и создал оптимальные условия для участия немецких технических специалистов в возрождении заводов и конструкторских бюро в восточной зоне. Благодаря гибкой тактике Р. Меджидова резко сократилось бегство из советской зоны Германии специалистов в зоны, контролируемые союзниками. Он настоял перед командованием на максимальном привлечении к работе предприятий всех кадров, независимо от их партийной принадлежности и их работы на военных предприятиях рейха во время войны.

Позиция Р. Меджидова изменила отношение немецкой технической интеллигенции к советскому командованию и привлекла к сотрудничеству с советской военной администрацией тысячи конструкторов и рабочих предприятий. Пять лет работы Р. Меджидова на посту куратора экономики определили тактику строительства ГДР и заложили основы бурного развития промышленности ГДР в 1950-80 годы. Если в возрождении экономики западной Германии ведущую роль сыграл план Маршалла, то в восточной Германии – стратегия полковника Р. Меджидова.

Не отталкивать техническую интеллигенцию, а привлекать к работе и делать участницей процесса возрождения Германии, – на этом настаивал Р. Меджидов. В первую очередь – всех тех, кто работал на оборонных заводах рейха. Тем самым нейтрализовать пропаганду союзников, пугающих заявлениями о том, что все, не перешедшие в западную зону Германии, будут расстреляны как военные преступники.

Р. Меджидов убедил советское руководство в важности для СССР противостоять американско-английской пропагандистской кампании по привлечению ведущих немецких спецов на предприятия в своих странах.

В отношении целей союзников у Р. Меджидова быстро сложилось четкое мнение. Союзники искали и заманивали в свои страны выдающихся немецких изобретателей и ученых. Специалисты германского военно-промышленного комплекса высоко котируются в Англии, Франции, США. Благодаря оперативности Р. Меджидова советская администрация, быстро усвоив методы союзников, включилась в охоту за немецкими «мозгами» и технологиями. Эти пять лет работы Р. Меджидова на посту зама по экономике военной советской администрации дали СССР не только сотни заводов и передовых технологий, вывезенных из Германии. После себя он оставил налаженную сеть обнаружения секретных предприятий по производству современного оружия в западной зоне.

Еще не отгремели салюты, как разведки союзников попытались создать агентурную сеть именно в советской зоне Германии, в первую очередь в центрах военной промышленности. Рашид Меджидов создал свою контрразведку и сыграл значительную роль в привлечении военной разведки к сбору информации о научно-технических достижениях по всей Германии. Надо отметить, что уже в середине мая 1945 года

между английской, советской, американской и французской зонами возникла острая конкуренция в сфере привлечения в свои зоны научно-технической элиты.

Вопреки решениям Потсдамской конференции о роспуске вермахта, в английской зоне в боевой форме сохранены были полки и дивизии фашистов общей численностью до миллиона солдат и офицеров. Англичане и американцы стремились сорвать мероприятия по уничтожению германского военного потенциала. Дав согласие на передачу СССР в качестве репараций предприятий военной промышленности западной части Германии, Черчилль и президент Трумэн так и не передали эти предприятия.

Развернутая Рашидом Меджидовым пропагандистская работа среди населения стала быстро давать плоды и остановила отток спецов с военных заводов из восточной Германии в западную. Он принимал активное участие в открытии газеты «Ежедневное обозрение» на немецком языке, которая освещала мероприятия по восстановлению Германии и способствовала сплочению антифашистских сил. Оперативные доклады Р. Меджидова имели и другое следствие – советская администрация признала правоту тактики Р. Меджидова – победить пропагандистскую машину союзников, остановить бегство немецких ученых и инженеров на запад. С мая 1945 года советская разведка занимается не только сбором военных разведданных, выявлением секретных объектов в западной зоне, но и поиском технических достижений и научных разработок по всей Германии.

Самым эффективным методом разведки были так называемые военные миссии связи. Официальный статус этих миссий был закреплен соглашением 1946 года. Германию разделили на 4 зоны оккупации. Самой значительной по территории была британская, там дислоцировались дивизии общей численностью до 200 тысяч человек.

При Главном командовании советских войск были сформированы американские, британские и французские военные миссии. В свою очередь советские миссии действовали во всех зонах союзников. Сотрудники миссий, в сотрудничестве с советской военной комендатурой, принимали участие в разоружении германских частей, в обнаружении и аресте военных преступников, активной работе с бывшими сотрудниками вермахта, оказывали помощь освобожденным из концлагерей.

Но очень скоро главной задачей военных миссий стала разведка. За один только год офицеры американской миссии были 38 раз задержаны за шпионаж в зоне советских военных объектов. Генерал армии США Норстад в письме госсекретарю США Джону Даллесу отмечал, что 90% всех точных сведений о секретных объектах Группы советских войск в Германии добыты именно военными миссиями. Р. Меджидов организовал эффективную защиту от назойливого интереса разведчиков союзников к деятельности комиссии по восстановлению экономики восточной Германии и вывозу в СССР передовых технологий.

Охота велась за изобретателями – разработчиками нового оружия. Ставки были высоки, достаточно напомнить, что изобретатель ракет ФАУ Вернер фон Браун был вывезен в США и стал отцом американской космической отрасли. 1945-1950 годы – пик конкурентной борьбы за богатейшее достояние Германии: технические разработки и носители прорывного знания. Такие специалисты, как фон Браун, и дали ускорение развитию советской и американской военно-космической отрасли после войны. Благодаря оперативности Р. Меджидова этап благодущия и эйфории у советского командования завершился намного быстрее, чем этого хотели союзники. Оборудование, станки, денежные контрибуции – все это не столь значительно по сравнению с опережающими время достижениями немецкого ракетостроения, технологиями ведущих немецких военных концернов Круппа и Сименса.

Требовалось отличное знание методов работы ведущих разведок запада, чтобы их нейтрализовать в самом активном направлении их деятельности – промышленном шпионаже в советской зоне Германии.

В битве за немецкие технологии и лучших специалистов Р. Меджидов очень сильно нарушил планы союзников. С большим уважением о нем отзывался военный комендант генерал-полковник Н. Берзарин.

Р. Меджидов – один из первых советских военспецов, создавших в 1945 году в Германии системы противостояния военно-промышленному шпионажу западных стран. В отношении союзников у него не было никаких иллюзий, он стал создавать в восточном секторе, в первую очередь в Берлине, надежную систему противодействия разведкам союзников.

Из книги Жукова: «Черчилль направил секретную телеграмму Монтгомери с предписанием: «тщательно собирать германское оружие и боевую технику и складывать ее, чтобы легко можно было раздать вооружение германским частям, с которыми нам пришлось бы сотрудничать в случае, если бы советское наступление продолжилось».

Монтгомери собрал даже слишком много. Жуков сообщает, что в «английской зоне находилось пять полков связи и танковые части, истребительные, штурмовые и бомбардировочные эскадры, развернута сеть госпиталей. В провинции Шлезвиг-Гольштейн находится около миллиона немецких солдат и офицеров, не переведенных на положение военнопленных, с которыми проводятся занятия по военной подготовке». Содержание этих войск, – подчеркивает маршал Жуков, – «противоречит решениям Потсдамской конференции и Декларации о поражении Германии». Он приводит слова Монтгомери о согласованности с американцами, «так как линия поведения, которой мы следуем, была с самого начала установлена во время объединенного командования под руководством генерала Эйзенхауэра».

Р. Меджидов с самого начала определил четыре главных направления деятельности: новые органы власти, восстановление жилого фонда и инфраструктуры советского сектора Германии, борьба с саботажниками – фашистским подпольем, выявление военных преступников и борьба с промышленным шпионажем.

Последнее направление он отстоял перед советским командованием, в первое время после 9 мая 1945 года пребывавшего в эйфории от победы и питающего иллюзии в отношении союзников – англичан и американцев. Отстоял таким образом: собрал данные о роли западных разведок в привлечении к саботажу в советской зоне Берлина фашистских преступников, бывших военных вермахта. В этой среде западные разведки находили самых преданных, фанатично настроенных диверсантов.

Еще на стадии общих застолий с союзниками, когда праздновали общую победу, Р. Меджидов доказывал на фактах – разведка союзников активно действует именно в восточной зоне. В первую очередь речь идет о промышленном шпионаже и вывозе за границу лучших спецов с военных предприятий.

У Рашида Меджидова большие заслуги перед ГДР. Экономика и промышленность ГДР не могла бы стать одной из самых быстро развивающихся в мире в 1960-80 годы, если бы не удалось в первые послевоенные годы советской администрации привлечь к сотрудничеству немецких инженеров и строителей. Не менее значимая заслуга – с первых дней службы замначальника военной администрации Р. Меджидов организовал круглосуточную охрану как важных промышленных объектов, так и музеев Берлина, Лейпцига. Грабителей среди солдат союзников с автоматами, входящими в музеи, было немало.

В 1945 году полковника Рашида Меджидова в руководстве советской военной администрации многие не понимали. Было мнение: слишком активно пресекает Меджидов организованный разведками союзников вывоз за границу немецких военных технологий и специалистов. Как бы он не испортил отношения СССР с союзниками. Но он доказал: важнейшая задача советской администрации – остановить утечку технических кадров из восточной Германии, так как запад придает первостепенное значение превращению восточной Германии в страну с отсталой промышленностью.

Экономическому превосходству ФРГ над ГДР придавалось первостепенное значение. Пять лет работы Р. Меджидова в Германии во многом нарушили эти планы.

Оставляя после себя налаженную систему в 1950 году, Р. Меджидов передал своей смене: строительство нового немецкого государства начинается с создания обаятельного образа ГДР. Ему было очень трудно: в первые годы после войны эта тактика вызывала протест у многих в советской военной администрации. Большинство было за жесткую позицию – всем, кто сотрудничал с фашистами, служил на военных заводах, – не давать работы, выгонять из восточной зоны. ГДР – это только военные советские базы и немецкие фермеры – поставщики мяса и молока. Только легкая промышленность.

Позиция Р. Меджидова: привлекать к сотрудничеству техническую элиту, отнять у союзников их главный аргумент против советской армии – страх немцев. Это необходимое условие в конкурентной борьбе ГДР с ФРГ, и СССР с западом. Вся Германия уже до войны была военным технополисом, передовой технологичной державой, Силиконовой долиной новаторских разработок сверхоружия. По ряду направлений немцы достигли опережения на 10 и более лет. Р. Меджидов настаивал – нельзя отдавать союзникам немецких спецов. В Германии с приходом фашистов активно развивалась то, что было под запретом в СССР, что было востребовано по окончании II Мировой войны и стало еще более актуально в XXI веке – рискованные поисковые исследования для создания наступательного оружия.

Эта тема абсолютно не исследована нашими историками, хотя благодаря Р. Меджидову имеет прямое отношение к азербайджанской истории.

Успех тактики Р. Меджидова в том, что ему удалось убедить немецких специалистов, что СССР строит в восточной Германии не колонию с примитивной экономикой, как планировала Германия сделать с СССР, а современную промышленность, передовое государство. Это спасло от бегства на запад тысячи спецов, которые внесли свой вклад в подъем экономики ГДР. Обогащение немецкими инновациями советской военной науки позволила СССР достойно конкурировать в сфере оборонных технологий.

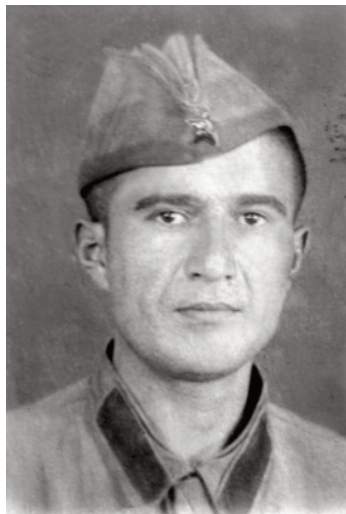
Опыт 1945 года востребован и сейчас – идет поиск рискованных прорывных технологий. Если в 2017 году на фундаментальную науку РФ выделила 117 млрд. рублей, то на прикладные оборонные – 270 млрд. рублей. Большая часть – на рискованные разработки.

Громадный свой опыт полковник Меджидов передал своим сыновьям. В Германии у супругов Рашида и Марины родилось трое сыновей, двое из которых в 1991 – 94 годах стали героями гарабахской войны.

Старший – Владислав – на посту начальника штаба спецназа, Микаил – в качестве нейрохирурга Агдамского военно-полевого госпиталя.

Их отец, ушедший от нас в 1970 году, абсолютно не сомневался, что именно так проявят себя его сыновья, защищая родину.

ЭНАР ГАДЖИЕВ

**Моему отцу –
гвардии рядовому
Энверу Гаджиеву**

*Отец мой не стяжал наград
В кровавом том бою,
Но он не отдал Сталинград
И отстоял Москву.*

«ЗДРАВСТВУЙТЕ, МОИ ДОРОГИЕ!»

Письма с фронта

В нашей семье хранится драгоценная реликвия – это военные письма молодого человека, моего будущего отца. Пожелтевшие от времени треугольники военно-полевой почты, стёртые на сгибах буквы, доносят до меня сквозь пороховой дым и разрывы снарядов негромкий, добрый голос родного человека, который, щадя чувства пожилых родителей, не упоминает сцен войны и боевых сражений, а лишь сообщает о своем здоровье и описывает великолепную природу, на фоне которой проходит его служба. А в это время Гаджиев Э., боец-прожекторист зенитного артдивизиона, был среди защитников Москвы, держа оборону в ближнем Подмосковье, затем участвовал в наступательной операции, в результате которой фашистские войска были разбиты и отброшены на запад. После отдыха и переформирования дивизия, теперь гвардейская, получила новую дислокацию, как стало известно позже – это был Сталинград. Но начну, пожалуй, сначала.

Итак, бакинские ребята, призванные в июне 1941-го, воинским эшелонам направляются в сторону Москвы. Энвер, находившийся с мая на военных сборах в Сальянских казармах, естественно, оказался в числе первопризванных, дата призыва в его красноармейской книжке – 22 июня 1941.

Несколько слов о семье Гаджиевых, тех, кому адресованы были письма с фронта. Глава семьи – Исмаил-ага, до революции имел собственное дело: торговый дом «Братья Гаджиевы» с отделениями в Керчи, Симферополе и Пятигорске, сам с семьей проживал в Керчи, в 1920 году все потерял, материальные потери воспринял достойно, без ожесточения, вернулся в Баку и стал работать простым советским служащим, отдавая свой опыт в финансовых учреждениях новой власти. Достоинство и порядочность считал главными ценностями в жизни.

Сидят Заида ханым, Исмаил-ага. Стоят Джевдет, Энвер, Сурайя, Джабир, Нури.

Хозяйка дома – Заида-ханым, хранительница семейного очага, происходила из духовного сословия, принадлежа к известному в Нухе (Шеки) роду Имам-заде. Кстати, у истоков этого рода стояла просвещенная женщина – Халиса Гары-заде, а ее внуком был известный просветитель и педагог XIX века Абдулгани Нухави, принимавший в своем доме в Нухе, в 1858 году, Александра Дюма, совершавшего путешествие по Кавказу. Заида-ханым была внучкой Абдулгани Нухави. Как говорили в семье, способности к музыке, рисованию, поэзии были унаследованы детьми от матери. А детей в семье было пятеро: Джабир, Сурайя, Энвер, Джевдет и Нури, самый младший, умерший в возрасте 12-и лет, любимец матери, ее неизбывная боль; говорят, он очень хорошо рисовал и писал стихи. Об остальных членах этой некогда большой семьи будет рассказано по мере чтения писем.

А теперь пусть говорят письма.

Письмо первое, отправлено из Махачкалы, с дороги.

10.VII.41

Здравствуйте, мои дорогие!

Мое самочувствие отличное. Очень жалею, что при отъезде не смог увидеть Мустафу. Сурайя и мама пусть особенно не беспокоятся, надеюсь еще вернуться к вам и обязательно невредимым и с победой.

К сожалению, времени мало, и потому письмо получилось коротенькое. Возможно, напишу еще раз с пути.

А пока всего хорошего, жду писем.

Ваш Энвер

(адреса у Энвера ещё не было, так что ожидание писем было просьбой на будущее, и вообще все эти письма без обратного адреса были сообщениями о себе для успокоения родных).

Письмо второе – с дороги.

11.VII.41

Здравствуйте, мои дорогие!

Жив и здоров, шлю вам свой сердечный привет. Скоро будем в Сталинграде. Напишу вам оттуда более подробное письмо. Может быть, придется ехать еще долго, тогда напишу еще два-три письма с дороги.

Обо мне, прошу вас, не беспокойтесь. Самочувствие мое отличное, питаюсь хорошо. Как только напишу вам с места назначения, прошу сразу же ответить о вашем житье-бытье, здоровье мамы, папы и детишек. Вашу заботу обо мне никогда и нигде не забуду.

А пока всего наилучшего, ждите писем.

Ваш Энвер

12.VII.41

Здравствуйте, мои дорогие!

Пишу вам третье письмо с пути. Следуя вашим просьбам, по мере возможности буду стараться возможно чаще давать о себе известия.

Только прошу вас всех, в особенности маму, не удручать себя различными предчувствиями.

Еду спокойно, никаких происшествий по дороге не было и, уверен, не будет до самой Москвы. Мыслями и чувствами всегда с вами. Привет всем, целую детишек: Сеярку, Юзика, Антошку.

Как только будет возможность – напишу подробное письмо.

Ваш Энвер.

Примечание: Сеяра, Антошка (он же Джангир) – дети сестры Сурайи. Любопытна история имени Антошка. Трёхлетней Сеярочке её мама читает неприятный детский стишок:

**Я умница-разумница,
Знает об этом вся улица
И кот Антошка,
И я немножко.**

На вопрос дочки: «А где же кот Антошка?» мама похлопывала себя по округлившемуся животу. Так что когда мальчик появился на свет, несмотря на данное ему при рождении имени Джангир, он так и остался на всю жизнь Антошкой, Антошей, Антоном.

Юзик (он же Юсиф) – сын старшего брата Джабира.

14.VII.41

Здравствуйте!

Пишу вам четвертое письмо с дороги. Сейчас нахожусь на станции Грязи. Вероятно, числа 18-го буду в Москве. Привет вам всем, целую всех. Ждите дальнейших писем. Энвер.

Примечание: штемпель – ст.Грязи Ворон.обл.

16.VII.41

Здравствуйте, мои дорогие!

Пишу вам пятое письмо. Привет всем, целую крепко, крепко. Сегодня утром прибыл в Москву; о дальнейшем своем местонахождении сообщу в следующем письме, когда будет известен мой точный адрес. Пока же ограничиваюсь тем, что сообщаю о своем полном здоровье. Как только будет возможность, разыщу своих старых друзей, если только они здесь.

Пока всего наилучшего, еще раз целую вас всех.

Привет Саибе, Февзи, Асабали, Алиашрафу и всем родственникам.

Энвер

Примечание: Перед войной Энвер закончил Московский институт гидротехники, ирригации и мелиорации им. Вильямса и надеялся, что кто-нибудь из однокашников пока еще в Москве.

19.VII.41

Здравствуйте, мои дорогие!

Жив и здоров, целую всех. Пока еще не имею окончательного адреса, поэтому не пишу его в своих письмах. Нахожусь уже 4-ые сутки в Сокольниках, в карантине, сегодня, наверное, поеду на место назначения. Небо Москвы защищают надежно. Здесь все спокойно, но я очень теперь беспокоюсь о вашей судьбе, и вообще, бог его знает, увидимся мы еще или нет?

Джевдет, береги маму, папу, на тебя теперь ложатся все заботы о семье, но что поделаешь.

Пока, всего хорошего.

Ваш Энвер

20.VII.41

Здравствуйте!

Пишу в теплушке, отправляясь на позиции. Погрузились на Савеловском вокзале. До этого колонной шли через всю Москву, по Садовому кольцу. Москвичи провожали нас молча. Старики, женщины, дети. Я с грустью вспоминал свои веселые студенческие годы. Эшелон идет на запад. Письмо, если удастся, отправлю со станции разгрузки.

Привет, родные мои, целую всех.

Я обязательно вернусь.

Энвер.

Примечание: штемпель на треугольнике: ст. Наро-Фоминск.

22.VIII.41

Здравствуйте, мои дорогие!

Вот уже два месяца, как идет война. Я догадываюсь, что не все мои письма доходят до вас. Но вы не беспокойтесь. Я нахожусь в дер. Бирюлево Наро-Фоминского района. Это – Подмоскowie, здесь, рядом с нашим расположением, дачный поселок москвичей: речка Нара, березовая роща, сосновый бор. Левитан и Шишкин на одном полотне. Немного подкачала погода – идут затяжные дожди. Но я знаю, что в сентябре еще будут золотые денечки. Мое самочувствие отличное. Я ни в чем не нуждаюсь. Паек хороший, табак бесплатный. Что касается боевых действий, то на нашем участке спокойно. Правда, пролетают вражеские самолеты бомбить Москву, но наши летчики их встречают на дальних подступах и успешно сбивают. Я, в качестве бойца – прожекториста зенитного артдивизиона, также принимаю в этом участие.

А вообще, как вы понимаете, все это – глубокий тыл, и фронт от нас в нескольких сотнях километров (*святая ложь!! – примечание моё, Э.Г.*).

Больше всего меня беспокоит отсутствие известий от вас. Очень скучаю по племянникам, поздравляю с днем рождения Антошку. Передавайте привет всем родственникам и знакомым в Баку и Нухе.

Возможно, некоторое время от меня не будет известий, но вы не беспокойтесь – это связано с перебоями в работе почты.

Пока всего наилучшего, целую всех,

Энвер

Антошке-Джангиру 14 августа 1941 года исполнилось 3 года и, находясь на передовом рубеже обороны Москвы, Энвер не забывает поздравить племянника и это психологически очень верно для душевного спокойствия родных.

После этого вестей с фронта не было, и семья Гаджиевых с глубокой тревогой и надеждой жила ожиданием писем. Для того, чтобы читателю спустя много лет стали понятны трагедийные события битвы за Москву, я решил ввести в повествование исторический экскурс об этом, итак:

Битва за Москву

В конце июля 1941 года, по решению Ставки Верховного Командования начались работы по созданию многополосной Можайской линии обороны, проходившей в 120-130 км от Москвы и прикрывавшей столицу с западного направления.

Одновременно с возведением полосы укрепления на данном участке были развёрнуты войска в составе трёх армий, численностью более 40 тыс. чел., состоявшие, в основном, из дивизий народного ополчения. Всего было создано 25 дивизий народного ополчения.

Наступление на Москву было предпринято в конце сентября, после того, как силы вермахта смогли сломить сопротивление частей Красной Армии под Смоленском, а в середине сентября 1941 года был утверждён план наступления на Москву – операция «Тайфун». В результате немцы смогли глубоко вклиниться в тыл советских войск и окружить 4 армии под Вязьмой и 2 – под Брянском. В окружение попало более 660 тыс. советских солдат. Только героическое сопротивление дивизий народного ополчения и окружённых советских армий позволило сковать силы 28 немецких дивизий. Группа армий «Центр» имела в составе более 1 млн.чел., свыше 14 тыс. орудий и миномётов, 1600 танков и 950 самолётов.

В октябре в Москву были переброшены силы из глубины страны – из Сибири и с Дальнего Востока.

В этот сложнейший момент главнокомандующим Западным Фронтом был назначен генерал Г.К. Жуков. 8 октября 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования отправила в штаб Западного фронта радиogramму, подписанную Сталиным: «Из-за неприхода окружённых войск к Москве Москву защищать нечем и нечем. Потворяю: нечем и нечем».

Было принято решение об эвакуации предприятий и правительственных учреждений, город перешёл на осадное положение. Но несмотря на это на Красной Площади 7 ноября состоялся военный парад, на котором с речью выступил Сталин. Войска с Красной Площади шли прямо на передовую.

Фраза политрука В. Клочкова: «Велика Россия, а отступить некуда – позади – Москва» стала девизом обороны.

Красноармейцы изматывали нападающих оборонительными сражениями. К концу ноября 1941 года немцам удалось взять Клин, и на этом их дальнейшее продвижение было остановлено. Передовые германские части утратили пробивную способность в силу того, что фронт растянулся. А начавшиеся холода стали причиной частых отказов техники. К ведению боевых действий в столь сложных погодных условиях личный состав вермахта был не готов. К 5-му декабря, когда фронт проходил порой в 25-30 км от московских окраин, немецкое наступление окончательно «забуксовало». Ставке Верховного Главнокомандования за это время удалось сформировать три новых армии. Они предназначались для нанесения удара по немецким войскам в тот момент, когда они будут максимально измотаны.

Ранним утром 6 декабря после массовой артподготовки началось советское контрнаступление. Планирование этой операции началось в середине ноября, руководил операцией генерал Г.К. Жуков, командовавший Западным фронтом.

К началу января 1942 года соединения немецких армий Группы «Центр» были отброшены на 250-300 км от Москвы. Освобождены Калинин, Калуга, Наро-Фоминск, Можайск и ряд других населённых пунктов.

Вермахт потерял убитыми, ранеными и попавшими в плен более 600 тыс. чел.

Потери Красной Армии составили около 1 млн. чел. Всего этого рядовой красноармеец Гаджиев знать не мог, но он понимал, что с этого рубежа без приказа ему не сойти.

Через десяток лет отец, рассказывая мне о войне, объяснял, что письма, по причине секретности готовящегося контрнаступления, из укрепрайона осаждённой Москвы отправлять не разрешалось категорически, потому что, попав в руки германской разведки и будучи проанализированы, они могли раскрыть планы советского командования.

И вот наконец оно, долгожданное письмо!

22. I.42

Здравствуйте, мои дорогие!

Спешу сообщить всем!!! Я жив и здоров!!!

Был легко ранен, без госпитализации. Мое долгое молчание могу объяснить постоянными перебросками нашей части, а более подробно, может быть, сообщу в следующих письмах.

Погода морозная, сыплет сухим снегом, но не холодно. Мы движемся на запад походным порядком уже полтора месяца, и только сегодня почта нас догнала, но постоянного адреса все еще нет. Очень жаль, потому что хочется вестей из дома. По дороге проходим мимо развороченной немецкой техники. Это результат работы наших артиллеристов и авиации. Спасибо им, идем, как на марше. Я тороплюсь отправить письмо – почтальон нас покидает.

Пока, всего хорошего. Целую всех.

Энвер

23.II.42

Здравствуйте, мои дорогие!

Мама, папаша, Сурайя – Мустафа с детьми и Джевдет, если он в Баку. Первым долгом сообщаю вам, что я жив и здоров и прошу вас обо мне не беспокоиться. Пишу так, чтобы письма не задерживались, но все-таки идут, наверно, долго. Когда появится адрес моей полевой почты, можно будет и мне узнать срок доставки писем. Сегодня праздник – День Красной Армии. По этому поводу выдали доп. паек и наркомовские сто грамм.

Мы остановились в одной из деревень недалеко от Тарусы. Нам на смену подходят свежие части, чтоб продолжать гнать немцев, а нас отправят на отдых и перестроение. Мы изрядно подустали, но я окреп на морозе и даже поздоровел.

Целую моих дорогих племянников – Сейярочку, Юзика, Антошку.

Привет Алиашрафу, Алескеру, Умай, Афшан, Шафи, Шакир-даи с их семьями.

Пока, всего хорошего

Энвер

Примечание: Сурайя-ханым – сестра, врач-педиатр Мустафа – ее муж, доктор медицины, профессор.

15.III.42.

Здравствуйте, мои дорогие!

Поздравляю вас и себя с наступающим праздником. Вспоминаю, как все мы в прошлом году в это время сидели за столом, а смех и шутки не смолкали.

Уверен, что мы опять будем вместе, и Джабир будет с нами, но для этого надо с победой вернуться домой всем нам. Я жив и здоров. Наша часть находится на прежнем месте, но, похоже, что скоро будем менять место расположения. Места здесь хорошие, и люди к нам относятся тепло. К нам приехали операторы и показали кинохронику о событиях, участником которых я был. *(Вероятно, имеется в виду документальный фильм «Битва за Москву» – Э.Г.)*

Я очень надеюсь, что все вы здоровы. Я беспокоюсь о здоровье мамы. У меня все хорошо. Передаю привет родственникам и знакомым. Целую детишек.

Ваш сын Энвер

Примечание: штамп отпр. Таруса, Калужской обл.

20. IV.42

Дорогие мои родители – мама и папаша!

Длительное время не имея от вас известий, я пребываю в глубоком унынии, хотя прекрасно понимаю, что в этом нет ни вашей, ни моей вины. Спешу сообщить вам, что здоровье мое отличное. Нашу часть перебросили на другой участок фронта, и мы ведем затяжные оборонительные бои.

В бинокль наблюдаем передовые позиции противника, наши траншеи хорошо укреплены, а отдыхаем мы в землянках, крытых тесом в три наката (это крепкое военно-инженерное сооружение, выдерживающее прямое попадание снарядов).

Я сейчас из такой землянки пишу эти строки, а перед моими глазами проходят ваши родные лица, а по гостиной и по веранде бегают хохочущие детишки.

Передавайте всем мой большой привет.

Обнимаю, целую Сейярку, Юзика, Антошку.

Энвер

10.V.42

Здравствуйте, мои дорогие

Сурайя, Мустафа и дети!

Спешу сообщить вам – я жив, здоров. На нашем участке идут позиционные оборонительные бои. Прямо в укреплениях, в траншеях зачитывали праздничный Первомайский приказ Сталина, в котором Красной Армии ставится задача в течение текущего года изгнать немецких захватчиков с нашей земли.

Я думаю, что так и будет. Наше дело правое – победа будет за нами.

А повсюду весна. В окопах и блиндажах из каждой щели растет трава и даже маленькие кустики.

В Баку, наверное, совсем тепло. Девушки ходят в легких платьях. Сурайя, если увидишь Таировских девочек, передавай от меня большой привет Асюше. Скажи ей, что я помню наш последний разговор.

Обними за меня маму и папу.

Поцелуй детишек.

Твой брат Энвер

Примечание автора публикации: Письмо адресовано сестре Сурайе, перед войной Энвер познакомился с Асией Таировой и вплоть до ухода на фронт встречался с ней, Асюша обещала ждать. У Аси было две сестры: старшая – Лейла и младшая – Валида, Лиля и Валюша. Лейла Таирова закончила медицинский и работала педиатром под руководством опытного детского врача – Сурайи Гаджиевой, т.е. она была в курсе сердечного увлечения брата. У сестёр Таировых была своя печальная история. Тридцать седьмой размазал своим сапогом и эту семью. Отец девочек – Юсуф Таиров – был расстрелян в январе 1938, а мать – Мариам Таирова – была арестована 31 декабря 1937г. и сослана на долгие семнадцать лет, как оказалось потом, на один из островов Архипелага Гулаг – Инталаг

1.VII.42

Здравствуй, Джевет!

Я жив и здоров. Самочувствие хорошее; в прошлом письме я написал вам свой адрес. Повторяю его еще раз:

Москва, 164, почтовый ящик 3718, подразделение 12.

Живем хорошо, вот только погода подкачала: со дня приезда в Москву все время идут дожди. Я ни в чем не нуждаюсь. Паек здесь хороший, табак выдают бесплатно. Денег мне присылать не надо, потому что все равно на них нечего покупать.

К сожалению, я не смог еще связаться письменно со своими и твоими друзьями по Москве. Сегодня напишу, если будет время, письма Асабали и в Кучино.

Пока, всего хорошего. Целую всех.

Энвер

Примечание: письмо адресовано младшему брату Джевдету – в будущем выдающемуся азербайджанскому композитору, автору оперы «Вэтэн» (совм. с К. Караевым), симфон. поэмы «За мир», 9-и симфоний и целого ряда музыкальных произведений малых форм. Он был дважды удостоен Сталинской премии, являлся кавалером высших советских и азербайджанских орденов, Асабали Ибрагимов служил во время войны порученцем генерала Грачёва, личного пилота Сталина. Кучино – пригород Москвы, где во время учебы в Московской Консерватории снимал комнату Джевдет.

Слева направо Джевдет Гаджиев, Асабали Ибрагимов, Кара Караев

19.VII.42

Здравствуйте, мои дорогие!

До сих пор не имею от вас ни одного письма, я же за это время написал довольно много писем вам, не знаю, чем объяснить ваше молчание, очень беспокоюсь о здоровье мамы, папы. Некоторые из моих товарищей-бакинцев уже получили ответы на свои письма. Правда, таковых мало, двое или трое, и я поэтому успокаиваю себя тем, что мои письма идут медленно.

Получил от Асабали ответ на свое письмо и написал ему вторично, чтоб он перед отъездом в Баку увиделся бы со мной, но пока что он не приехал, очевидно, ему не дали отпуска. Получил также ответ от Анны Даниловны (*Анна Даниловна – квартирная хозяйка брата Джевдета во время его учёбы в Московской Консерватории*). Но я жду с нетерпением писем от вас, вполне естественно, поэтому прошу вас возможно чаще писать мне. Я нахожусь сейчас в другой деревне, но адрес мой тот же: Москва, 164, почтовый ящик 3718, подразделение 12, Гаджиев Э.И.

О себе могу сообщить, что жив и здоров, ни в чем не нуждаюсь (за исключением ваших писем). Скучаю по детишкам (целую Сейярочку, Юзика, Антошку), пусть ждут своего дядю Васю с победой и скорым возвращением в Баку. Привет всем родственникам и знакомым. Ну, пока всего хорошего. Берегите маму – пусть не очень грустит, не треплет свои нервы. Я оставил папу больным – как он сейчас себя чувствует? Напишите обо всем. Ваш Энвер

P.S. Если маме по состоянию здоровья необходимо длительное лечение, то, конечно, лучше всего ей будет в Нухе, за зиму она там хорошо поправится.

26.VII.42

Здравствуйте, мои дорогие!

Получил первый ответ от Джевдета на мои письма, несказанно обрадовался всему-всему – тому, что вы все здоровы, работаете, помните меня, собравшись вечером за нашим традиционным столом. Я живо вспоминаю всю обстановку, кто где сидит, и мне делается очень приятно на душе, детишки, их шум и гомон стоят в ушах, как будто я сам там же нахожусь вместе с вами. Ну, я думаю не за горами день, когда мы все-все – и Джабир, и я, и вы все встретимся за этим же столом, и будем вспоминать грозные дни 1942 года.

Привет вам всем, мои дорогие, целую всех.

Ваш Энвер

Примечание: Джабир Гаджи-заде, старший брат Энвера, стал жертвой репрессий 1937 года, в ответ на запросы НКВД отвечал: сослан на 25 лет без права переписки, а на самом деле он был расстрелян 4.01.38 года.

17.IX.42

Здравствуйте, мои дорогие!

Чем объяснить ваше столь длительное молчание, не могу понять. 10.IX.42 послал две телеграммы: вам, одновременно Алескеру с просьбой сообщить ваше местонахождение (я уж думаю не выехали ли вы куда-нибудь). От Алескера получил ответную телеграмму, и я немного успокоился, но почему-то от вас все-таки нет ответа. Пусть Джевдет, как только получите это письмо, напишет ответ, если возможно, воздушной почтой. Адрес мой прежний.

Как здоровье мамы, папы? Пусть мама также напишет мне. Очень жду ваших писем, хоть несколько строк. Ваш Энвер

Сообщите адрес Сурайи, я его утерял и не могу вспомнить.

2.X.42

Здравствуйте, мои дорогие!

Привет. Целую всех. Вашу телеграмму, а также письмо папы от 6 сентября получил 24. IX. Очень рад, что все вы здоровы, работаете, как и раньше, особенно рад за Джевдета и его оперу. Как только будет поставлена на сцене, напишите мне. Я жив и здоров. Недавно написал вам письмо, а также Сурайе и Мустафе. Пусть Сурайа также напишет мне пару строк. Привет всем родственникам, целую детишек.

Отдельный привет Алескеру, Ашрафу, Шакир-даи, Ширин-ханым и их семьям. Пока, всего.

Энвер

На днях вышлю вам свои фотокарточки, вышлите также мне ваши.

3.X.1942

Здравствуй, Джевдет!

Привет всем. Целую. Получил письмо папы от 6.IX, а также вырезку из газеты, где сообщается о подготовке к постановке твоей и Карика оперы (см.комм.к письму от 1.07.42). Как жаль, что я не могу присутствовать в этот день вместе с вами и радоваться твоему успеху.

Я служу все там же, здоров, не болею, даже несколько пополнел. Пользуясь случаем, снялся и вот посылаю вам свои фотоснимки. Как жаль, что при отъезде я не захватил с собой ваших карточек, ведь возможно, что мы нес скоро еще увидимся.

Нахожусь я недалеко от гор. Пушкино Моск. обл. в Новой деревне. Когда-нибудь, после победы, может быть, мы проведем здесь дачный сезон всей семьей, здесь прекрасная природа.

Как только будет поставлена ваша опера, пришли мне обязательно отзывы и др. заметки, касающиеся музыкальной жизни Азербайджана.

Недавно мне посчастливилось прослушать Седьмую симфонию Шостаковича (первую часть и финал) по радио в исполнении оркестра Радиокomiteта под управлением Элиасберга.

Мне очень понравилось, я слушал, оцепенев, со слезами на глазах, горло перехватывало. Эта симфония – оптимистическая трагедия! Это – увертюра Нашей Победы!

Джевдет, как только у тебя будет свободное время, напиши мне. Целую детейшек, Сурайю, Мустафу.

Привет всем родственникам – Алескеру, Ашрафу, Шакир-даи Шафи, Абдулкериму, Саибе и другим.

Пока, Энвер

9.XI.42

Здравствуйте, мои дорогие!

В последний раз я вам телеграфировал из Рязска, проездом на новое место службы. Еще до того я послал телеграмму из г. Москвы. За это время я очутился далеко от Москвы, да и к вам неблизко.

В настоящее время нахожусь *(далее зачеркнута строчка)*

Живем в избе одной колхозницы, со мной несколько ребят из Азербайджана. Хозяева дома очень хорошие люди. Отношение к нам великолепное!

Уже наступили морозы. Выпал первый снег. Чувствую себя хорошо, обо мне не беспокойтесь.

Как вы живете? Как дела у Сурайи, Джевдета, Мустафы? Недавно в газете «Правда» (кажется, от 24 или 25 октября) прочел заметку, написанную Гаджибековым.

Там упоминается о Джевдете и его работе над новой оперой. Кроме того, недавно получил письмо (еще будучи в Москве) от Асабали. В его письмо было вложено также и письмо Джевдета. Узнал, что Карик болен. Как теперь его здоровье?

Немного о своей службе. Все время я был под Москвой. Недавно нас расформировали, и вот в настоящее время нахожусь в одной из гвардейских стрелковых частей. Пока ничего о себе сообщить не могу.

Пишите мне письма по следующему адресу:

Полевая почта 2144, часть 240, гвардии кр-цу Гаджиеву Э.И.

Перед отъездом из Москвы был у Муси, провел у них вечер, переночевал. Вспомнили прошедшие дни 30-х годов. Я оставил у Муси наш адрес, она напишет Сурайе. Таким образом, еще одна памятная дата ко многим, не менее памятным.

Как здоровье мамы, папы? Как детишки? У хозяев избы трое внуков. Из них младший, Ваня, такой же шалун, как Юзик, глядя на него, всегда вспоминаю Юзика. Не болеет ли он? А как Сейярочка и Антошка? Как бы хотел я видеть их и всех вас, мои дорогие. Думаю, что скоро увидимся, когда вернусь к вам с победой!

Пока, всего хорошего. Жду ваших писем.

Ваш Энвер

18.XI.42

Здравствуйте, мои дорогие!

Нахожусь все там же – село Бобылевка Саратовской обл. Моя жизнь бойца-прожекториста закончилась. Теперь я – стрелок, зачислен в одну из гвардейских стрелковых частей. Нас всех обмундировали на славу: теплые ватные брюки, куртка, меховая шапка-ушанка и т.д. Очевидно, после окончательного сформирования вновь выступим в поход на передовые, но на какой именно фронт – пока не знаю. Чувствую себя хорошо, правда, некоторое время болел гриппом, но сейчас выздоровел. За время с 9.XI был в командировке. Ехал туда больным, выздоровел по дороге – это просто удивительно – в холодных вагонах с бесконечными пересадками и ночевками где попало. Но организм человека – это чудо, он может выдержать любые испытания. А был я в командировке недалеко от Воронежа. Я теперь знаком с рядом областей – Саратовская, Тамбовская, Воронежская. Куда еще загонит меня судьба – не знаю, но я чувствую себя крепко и уверен, что рано или поздно мы увидимся. Как вы живете? К сожалению, в прошлом письме и в телеграмме я указал не совсем правильный адрес.

Мой окончательный адрес: Полевая почта 2144, часть 220.

Если представится возможность, pošлю телеграмму. Жду от вас писем, хоть и знаю, что слишком трудно получить ответ в теперешних условиях.

Целую вас всех. Буду стараться писать вам возможно чаще.

Привет всем родственникам и знакомым.

Энвер

22.XI.42

Здравствуйте, мама, папа, Джемдет, Юзик!

Пишу вам третье письмо после прибытия на новое место службы. Не знаю, получили ли вы эти письма, кроме них я отправил вам телеграмму.

Вчера мы снялись из села, в котором находились последнее время. Сегодня отправляемся на фронт, пожелайте мне всего наилучшего, чтобы целым и невредимым после нашей Большой Победы вернуться мне к вам и зажечь новой, счастливой жизнью. Есть у меня большая вера в это и настоящая воля к жизни, которые дают мне возможность вынести все испытания, а их уже за это время было немало: и много бессонных ночей при обороне Москвы, и переходы в морозные ночи по колено в снегу, и бесконечные переезды с места на место, но, конечно, главные трудности и испытания еще впереди.

Но, как говорят, «перемелется – мука будет», пройдем через все. Прожил я не так много, прожил, пожалуй, бестолково, сейчас, когда вспоминаю отдельные поворотные этапы своей жизни, делается на душе не совсем приятно, но я ни о чем не жалею, ведь это были весна и лето моего «Я». А теперь глубокая осень. Надо пройти через все. За это время я видел много людей, узнал еще больше, люди всегда лучше, чем о них думаешь. Большая любовь у наших людей к нам, бойцам, где бы мы ни были, нас радушно принимают, обогревают, проявляют всяческую заботу.

Вот, например, вчера ночью, по пути на станцию, остановились в деревне, нас разместили по домам. Семья сразу взялась за нас: тут и обогревание, и подсушка портянок, и угощение по принципу «чем богаты, тем и рады» – тут и пышки, и печеная тыква, и картошка в мундире, и семечки – и все это от чистой души – никто не заставляет, никто не принуждает. Это – любовь к своим бойцам, ведь у каждого кто-нибудь на фронте. Я думаю, и вы так поступаете. О чем еще писать? Да, пожалуй, всего в одном письме не уложишь. Будут свободные часы – напишу.

До скорого свидания.

Энвер

22.XI.42

Здравствуйте, мои дорогие Сурайя, Мустафа и дети!
Сейярочку, Антошку, целую 1000 раз!
Не знаю, скоро ли мы увидимся, но каждый раз, когда я представляю себе нашу встречу, этот момент преломляется во мне, как огромный радостный праздник. У Маяковского это получилось так:
«...Там, за горами горя,
Солнечный край непечатый.
За голод, за мора море
Шаг миллионный печатай...»
Отправляюсь на фронт.
Не прощаюсь, а произношу лишь – До Свидания!
До хорошего свидания, мои дорогие!

Ваш Энвер

Привет Ами, Хала и Мамеду.

Комментарий к письму: Уважаемый читатель этих строк, цитата из ныне непопулярного «Левого марша» очень естественна для автора письма и чувств, охвативших его в эти минуты.

Здесь стоит отметить, что Энвер Гаджиев был с юности и до последних дней жизни влюблён в поэзию Владимира Маяковского, Бориса Пастернака и Эдуарда Багрицкого. Он мог часами читать наизусть стихи этих поэтов, а также Пушкина и Лермонтова. Очень любил восточную и современную азербайджанскую поэзию: Самеда Вургуня и Расула Рза. В последние годы не расставался со сборником газелей Вахида. Своё влюблённое и трепетное отношение к поэзии, как к чистому роднику, Энвер передал своим сыновьям – Энару и Эльдару.

Это было последнее письмо гвардии красноармейца Энвера Гаджиева с фронта. Он участвовал в окружении армий фельдмаршала фон Паулюса под Сталинградом, и это были тяжёлые кровопролитные бои. В одном из сражений, 17 декабря, Энвер был тяжело ранен. В полевом медсанбате, 2 января, в связи с гангреной и угрозой общего заражения ему ампутировали обе голени ниже колен. Последующие письма приходили в Баку из госпиталей: полевого передвижного медсанбата, затем из стационарных – армейских и фронтовых – и, наконец, тылового в Казани. Я приглашаю возможного читателя обратить внимание на содержание и тон этих писем – ни в одном из них нет ни слова, ни намёка, что пишет человек без ног! Да, без ног, сказал бы я, но с красивой и доброй душой, светлыми и чистыми мыслями и настоящим мужским характером.

А теперь обратимся к воспоминаниям Гаджиева Энвера, опубликованным в 1975 году во Всесоюзном отраслевом журнале «Гидротехника и мелиорация», в выпуске издания, посвященного 30-летию Победы. Эти записки дополняют картину событий Сталинградской битвы, рассказывают о деталях, о которых нельзя было писать в письмах с фронта.

Из воспоминаний:

«С мая 1942 года нас переформировали и направили в Саратовскую область, где была сформирована 41-ая Краснознамённая гвардейская стрелковая дивизия, в частях которой я продолжил службу на передовых позициях Донского фронта.

Нашу дивизию направили на участок фронта, который назывался тогда «Среднее течение Дона», помню, это было в конце ноября – начале декабря 1942 года.

Роту, в которой я воевал, перебросили в числе передовых подразделений 41-ой дивизии на плацдарм («малую землю») на правом берегу Дона. Нашей роте дана была задача разведать боем, т.е. демаскировать ДОТы и ДЗОТы и прочие огневые точки противника на высотах, прилегавших к нашему плацдарму. Мы разведали эти точки, заставив противника, открывая огонь, проявить себя и после мощного артобстрела подоспевшие части нашей дивизии и другие соединения Красной Армии подавили огневые точки и укрепления противника, разгромив и прорвав их оборону, и таким образом послужили одним из десятка звеньев, окруживших фашистскую группировку войск под Сталинградом.

17 декабря 1942 года я получил ранение тяжёлого характера и был доставлен по карточке передового района вначале в медсанбат, оттуда в ППГ, а затем в эвакуационный госпиталь».

Очень буднично и без пафоса вспоминает автор о грозном и кровавом сражении, в котором погибло и получило тяжкие ранения больше половины роты. Сначала по ним стреляли из огневых точек противника, а затем своя артиллерия накрыла огнём эти укрепления, конечно, стреляя по верх головы своих солдат, но...

А теперь снова письма, но теперь из госпиталей.

Первое письмо из полевого передвижного госпиталя (медсанбата) села Нижний Мамон Воронежской области написано через две недели после ампутации ног, о чём даже полслова или намёка нет ни в первом, ни в последующих письмах из госпиталей.

15.I.43 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

Не имея от меня давно писем, вы, естественно, очень беспокоитесь, но в своём последнем письме я предупреждал вас, что вестей от меня частых ждать не придётся.

Я жив, нахожусь на излечении в полевом госпитале. Дело идёт к медленному, но неуклонному выздоровлению. Очевидно, в скором времени эвакуируюсь в стационарный госпиталь в каком-либо городе, а пока нахожусь в селе Нижний Мамон (*далее зачёркнуто*). В последний раз писал вам перед отправкой на Донской Фронт из Романовки, не знаю, получили ли вы то письмо.

За это время я участвовал в 4-х боях. Из газет вы знаете о направлении (*далее зачёркнуто*). Это были жаркие сражения. Мы здесь успешно гнали и продолжаем гнать фрицев.

Не знаю, дойдёт ли до вас это письмо, так как здесь почты нет, а лишь через случайную оказию. Пока, всего, целую всех, напишу подробнее из стационарного госпиталя.

Ваш Энвер

P.S. По моим расчётам, к концу мая месяца я уже буду в Баку в отпуску. Как видите, ждать осталось недолго.

Следующее письмо уже из стационарного госпиталя г. Пенза

Sevgili anam, atam və uşaqlar!

Bərk, bərk öpüp qucaqlıyırım. Çox zamandan bəri sizi görmədiyim üçün hər bir dəqiqə, hər bir saat siz mənim fikrimdən çıxmırsınız. Digər tərəfdən sizdən bir xəbər olmadığına görə olduxca darıxıram, onunda səbəbi mənim tez-tez yerimin dəyişilməsidir. Əlbəttəki bir hospitalda çox vaxt qalsa idim sizdən cavab ala bilərdim. İmdidə məni Penza şəhərindəki hospitalların birisinə evakuasiya ediblər. Bilmirəm burada neçə vaxtı qalacağam.

Mənim halımı xəbər alsanız – allaha şükür – imdi lap yaxşıyam, get-gedə halım yaxşılaşır. Məndən nigaran olmayın, hər halda mənə bir məktub yazın, ola bilsin ki mən buradan xaric olanacan, məktubunuz mənə yetişib çatar. İmdiki adresim budur:

гор.Пенза, в/ часть 280, школа №4, 1-ое отделение

Sürəyyə, Mustafa, Səyyaroçkaya, Çahangirə, Miroçkiyə, Məhəmmədə, əmiyə və xalaya çoxlu salamlar, hamını öpüp, qucaqlıyırım. Sizin Ənvər

Перевод:

Любимые мои мама, папа и племянники!

Крепко-крепко целую, обнимаю вас. Оттого, что долго вас не видел, каждую минуту, каждый час я думаю о вас. Кроме того, я очень соскучился, не имея от вас известий, причиной же этого являются мои постоянные перемещения. Конечно, если бы я длительное время находился в одном госпитале, я мог бы получать от вас ответы.

В настоящее время меня эвакуировали в один из госпиталей Пензы. Не знаю, сколько я здесь пробуду. Что касается моего здоровья – слава аллаху, сейчас я в очень хорошем состоянии, и постепенно моё здоровье улучшается, обо мне не беспокойтесь, во всяком случае, напишите мне письмо, может быть, пока меня отсюда не переведут, ваше письмо догонит меня. Вот мой нынешний адрес:

гор.Пенза, в/часть 280, школа № 4, 1-ое отделение.

Далее следуют приветы родственникам.

Комментарий к двум последним письмам

Много лет спустя, вспоминая эти грозные годы, отец рассказал мне и об ампутации, и о полугодовом излечении в различных госпиталях. Мне было 12-13 лет, и для меня во внешнем облике отца на протезах не было ничего необычного – я его другим не знал и не видел. Я слушал его, широко раскрыв рот, но не более того. Меня больше восхищали рассказы о переходах по колено в снегу вдоль линии фронта, о рейдах в тыл врага, которые отец называл «разведка боем», о боях по замыканию кольца армии фельдмаршала фон Паулюса, в одном из которых, вблизи хутора Новый Лиман, излучины среднего Дона, 17 декабря 1942 года отец был тяжело ранен, шёл 544 день войны, но для отца война уже закончилась.

Осколком мины ему оторвало ступню правой ноги, и пока он ползком двое суток добирался до своих, отморозил и пальцы левой ступни. Первая помощь отцу была оказана 19 декабря в М.С.Б (медсанбате), где были обработаны раны на ногах – удалены раздробленные остатки правой ступни и пальцы левой ступни, обмороженные и почерневшие.

Лишь через много лет я понял, что настоящий подвиг отца – это вся его дальнейшая жизнь, а начало этого подвига – его письма из госпиталя, ни в одном из которых он не говорит о тяжести своего ранения. Лишь в первом письме из госпиталя он вскользь сообщает, что будет в Баку в отпуску.

Продолжим читать письма:

20/III-43

Здравствуйте, мои дорогие!

Пишу вам третье письмо из Казани. Первое было отправлено 4/III, вероятно, вы уже написали на него ответ, но пока что, на сегодняшний день, я не имею от вас никаких известий – жду с величайшим нетерпением.

Чувствую себя отлично. Раны заживают – в общем, всё идёт нормально. Как дела у вас? Прошу в своих письмах подробнейшим образом описать всё, что касается семьи после моего отъезда. Как дела у Джевдета? От него жду отдельного письма.

Если он в армии, перешлите мне его адрес. Как Сурайя, Мустафа, дети? Не болеет ли мама? Как здоровье папы? Он ведь болел, когда я уезжал.

Ходят ли Юзик и Сейярка в школу? В общем, опишите всё. Имеете ли вести от Февзи, Асабали и других ребят? Как живут Саибе, Мамед-ага, Гасым-ага, Пепе-джи, Ширин-ханым и их дети? Всем им мой большой привет.

Что слышно о моих товарищах по работе? Обо всём этом напишите. Если Джевет дома – пусть напишет о своих музыкальных делах. Как его опера? Привет Карику (*Карик – это друг Джевдета, выдающийся композитор – Кара Караев*).

Жду также отдельного письма от Сурайи.

Пока, всего хорошего. Целую всех. Энвер.

Обр. адрес: гор. Казань, 21, часть 70

Комментарий к письму: Вероятно, первые два письма просто не дошли до Баку, такое бывает не только в войну.

10/IV-43

гор. Казань, 21, часть 70.

Здравствуйте, мои дорогие!

Пишу вам четвёртое письмо из Казани, к сожалению, до сих пор не имею от вас никаких вестей.

Очевидно, письма идут очень медленно. Писать письма, не получая на них ответа, очень трудно, не знаешь даже, о чём писать.

Как вы все живёте? Здоровы ли? Как мама и папа?

Как дела у Джевдета, Сурайи, Мустафы? Жду от всех них письма.

Что же касается меня, то я поправляюсь, чувствую себя хорошо, но ввиду медленного застывания ран на ноге предстоит ещё маленькая операция на этих днях. После этой операции заживление пойдёт значительно быстрее.

Можно было бы и не оперироваться, но это исключительно в моих же интересах и сократит срок лечения месяца на полтора. В общем, чувствую себя хорошо. Только пишите почаще письма. Привет всем, всем. Целую детишек.

Ваш Энвер

Комментарий к письму: предстоящая операция, о которой пишет отец – это ещё одна ампутация обеих ног на середине голени в связи с опасностью гангрены.

Для того, чтобы сохранить хронологию и порядок переписки, я включил в свою документальную сагу письмо деда от 25/IV-43 года, не меняя стиля и орфографии его письма, которое Энвер получил 21/V-43.

Итак, Исмаил-ага пишет сыну Энверу.

Дорогой мой любимый сын Энверь!

Мы всей семью с родственниками и знакомыми живы здоровы жидомъ с безъ граничнымъ трепениемъ твой приездъ, мы кагда получили твой писемъ прошлый годъ отъ 22 ноября что ты писалъ выступишь в походъ едишь снова на фронт после того прошло падрядъ три месяцы не палучилъ некакихъ письма и известия а патаму мы на-ходилис в плачевнымъ состояние.

Наконецъ твой 1-й письмо отъ 15 января 43 года мы палучили в канцу февраля из полевой госпиталя, радость нашъ былъ безъ гранично тотъ дня у нас былъ большой праздникъ, после таго чрезъ каждый месяца или сорокъ дня прашло мы палучили тваи письма т.е 3 письма изъ города Балашова, один письмо изъ гор.Пенза, три письмо изъ гор.Казань (*прим.составителя: 3 письма из Балашова и 2 письма из Казани не сохранились*). Теперь дорогой мой Герой сынъ Энверъ мы совершенно спокойно ждомъ с большой нетрепениемъ твой приездъ в Баку.

Теперь пишу тебя что как мы живемъ: у насъ не какой изменение не прашло. Джевдетъ имеетъ бронь, так как он пишеть опера подъ называниемъ «Родина» (Вэ-тэнь) и работаетъ фларамоние руководителемъ художественнымъ частемъ, акладъ жалованя два тысяча рублей месяць.

Кроми таго прикипленъ в продактовы магазинъ, палучаемъ по душовый цена всей не обходимы продакты, живемъ нечего, Сурая и Мустафа работаетъ на при-ждномъ месте.

Алиаскеръ и Алиашраф тоже, Магомедъ, Касумъ, Саиба тоже в Нуху, Юзикъ нашъ любимый, с прошлаго года начало октября, Шура (*прим. составителя: Алек-сандра – жена Джабира, мать Юзика, сосланная как член семьи изменника родины в 1937 году, пять лет отсидела в ПотьмаЛог, в Мордовии, в 1942 году освобождена без права проживания в столицах и крупных городах, поселилась в Кировобаде\Гяндже\, работала медсестрой в госпитале*) приехала и взяла собой Юзика в Кировобад, мы хотим к твоему приезду привозить в Баку. Как тебе известно, Асабали находится в Москве (*см. примечание к письму от 01.07.42*), он былъ начало февраля в Баку и Нуха, отъ него часта палучаемъ письмо.

Фовзи находится в Калининском область в гор.Торопецъ, а Мабуд в Ивано-Воз-несинскомъ область, получаемъ письма (Февзи и Мабуд – двоюродные братья, оба воен.врачи, хирурги во фронтовых госпиталях), твой дядин сына Абдуль Керима три сына в Армия: старший сына уже пачти полтара года прашло – нетъ известия, вто-рой сынъ в Эриване, третий сынъ в Кубани а дядя твой Хакки с начала войны нетъ известия, братъ Асабали Тофикъ находился в Литве с началъ войны – нетъ известия, Юсифъ сынъ Ширали – онъ былъ Баку прошлый годъ – его отправили в Севастополь – до сихъ поръ отъ него нетъ известия, мужъ Инаят, т.е. дочь твоей Дерё биби, Ханъ-Мамедъ находилъ прошломъ году в Керчи, былъ ранинь, приехалъ Баку, лечилъ в госпитали, выздоровиль – отправили в Тифлисъ, такъ онъ тамъ.

Твой товарищи по службе все в Армия, где как не знаю. Мой Дорогой Энвер со-общу тебя что я послалъ тебя две посылки в январе 12-го по Адресу полевая почта 2144, часть 220. 1 посылка весомъ 6 килограмма 430 грамма

2-я посылка весомъ килограмма.

1-й посылке находится

2 Банки мясная консервы 1 Банка топлено масла кг прибизително гогарга т. е. жаринный пишница с кишмишомъ и Арехомъ смешено

1 пар. теплой обмотка

1 пар.щерст. носок

(Энвер не сообщал домой об ампутации, поэтому в посылке тёплые обмотки и носки)

1 пар. шерст. перчатки
Во 2-м посылке находится:
1шт. телогрейка
2 кило домашний халва 1 бутылка конякъ
1 карубка канфеть 200 граммъ табакъ

Посылки этихъ посланъ чрезъ твоего учреждения на твой как подарокъ отъ твоего учреждения патаму что индивидални пасылки почта не принималъ ты старайся ихъ получить ты можий ли обращайся по тому адресу что тогда ты числился ? Я начало апреля посылалъ две телеграммы с ответъ уплаченнымъ гор.Пенза и сообщалъ тебе на счетъ эти посылки и посылалъ письмо по адресу каторые ты намъ сообщилъ, вероятно ты начало апреля эвакуировался в Казань, я в том письме тоже написалъ подробно все. Мой дорогой сын Энвер ждуть с не трепениемъ тебя, я приметилъ девашки для тебя женется, как приедий будо тебе женится выберишь какая тебе паниравится. Одной имя Шукуфа, другая Азиза, свадьба будо устуруеть не поже начало июля 43 год, т.е. в этотъ годъ мы ждомъ тебя. Мы думаемъ что ты приедий по Вольгу чрез Астарханъ – эта дорога билиже или чрезъ Чикалово – Ташкентъ – Красноводскъ – Баку. Однимъ словомъ старайся поскорее мой герой дорогой сынъ за тобой силно скучаем. Еще пишу что Мустафа Бейтулаев при тебе как его атправили в направлении Сибирь такъ досих поръ онъ тамъ работаетъ, писемъ Айша от него ни получаеть.

Я канчаю письмо, кажится ты будийшь ужъ удовольтеронъ этомъ письма осталное как и что приедийшь узнаешь.

Пака. Досвиданя мой любимый Герой дорогой сынъ.

Все наши родствинники и изнакомы тебя приветствуетъ кланится пожелаетъ твой скорого выздоровленя и приезду в Баку.

Тебя безгранично любящий отец Исмаиль

Апреля 25-го 1943 год.

Хочу еще писать что отъ тебя письмо доходить до насъ 40 дня или 11/2 месяца. Сегодня я посылалъ Казань телеграмма срочно, сообщилъ тебе наши здоровья и адресу куда посланъ две посылки, старайся ихъ получить.

Забыйъ тебе написать что Сеярачка и Антоша здаровя хороший растеть асобинно Антошка большой, ростомъ отецъ пахоже.

Мама твой была все веремя больная какъ ана узнали что ты едийшь на фронтъ ана все веремя была не здарова теперь ея харашо. Не было трехъ месяць отъ тебя письмо ана подумала что с тобой не харашо случился ...

Какъ твою перваю писемъ получила ана успакоилас и начала выздороветь.

Последние строки письма Исмаил-ага – это как бы дополнение к основному тексту, но в нём самое главное для сына – несколько слов о здоровье матери.

Следующее письмо отправлено Энвером ещё до получения письма от отца.

4 мая 43 г. Казань.

Здравствуйте, мои дорогие!

Вашу телеграмму получил 28 апреля, но писем от вас до сих пор не имею. Здоровье мое хорошее, операция, как я вам уже писал, прошла благополучно, всё идёт хорошо. Скоро буду ходить. Думаю, что месяца через два выпишут из госпиталя, таким образом, увидимся в самом ближайшем будущем.

Только отсутствие от вас подробных писем меня беспокоит.

Джевдет! Прошу тебя почаще писать мне.

Здесь есть ещё бакинцы. Один из них регулярно получает письма примерно через месяц со дня отправки, а другой, семья которого живёт в Баладжарах, также до сих пор не получает писем. Думаю, что на днях уже должен получить от вас новое письмо.

Как здоровье мамы, папы? Как детишки? Обо всём напишите подробно. Посылок, к сожалению, не получил. Ну, не беда!

В Баку, наверно, уже жарко. Здесь погода пока переменчивая, но уже выдаются и солнечные денёчки. В общем, всё идёт к лучшему. Вот разобьём скоро проклятого немца и заживём тогда новой, хорошей жизнью, как до войны.

Пока всего хорошего, жду ваших писем.

Ваш Энвер

А следующее письмо – ответ на письмо отца:

Здравствуйте, папаша!

21 мая 43г.

Ваше письмо от 25 апреля 43г. получил сегодня и очень обрадовался, что наконец-то подробно описали всё положение семьи и каждого в отдельности. Я очень беспокоился, не зная о том, как вы живёте, каково ваше материальное положение, как здоровье всех, теперь я спокоен относительно всех этих вопросов и также, как и вы, с нетерпением жду окончательного выздоровления, чтобы приехать в Баку.

Как я уже вам сообщал в предыдущих письмах, была операция, прошедшая благополучно, чувствую сейчас себя отлично. Очень обрадовался, узнав, что Джевдет работает над новой патриотической оперой, я думаю, к моему приезду она уже будет поставлена на сцене.

Обрадовался, что от некоторых моих племянников и двоюродных братьев, находящихся на фронтах, имеются известия, и жаль, что от детей Абдул-Керима нет никаких известий. Рад, что Сурайя и Мустафа живут хорошо, а детишки растут, с какой радостью я их расцеловал бы. Жаль, что Юзика нет в Баку, но я думаю, к моему приезду вы его привезёте в Баку. И, конечно, папа, я не мог удержаться, чтоб не засмеяться (вы, конечно, меня простите), прочитав в Вашем письме о Ваших планах насчёт моей женитьбы, это Ваше новое увлечение, я уверен в этом, скоро пройдёт, Вы, конечно, не обижайтесь. Приеду, и тогда увидим, как построить свою дальнейшую жизнь.

Что ж касается посылок, то их навряд ли теперь разыщешь, мне только жаль, что ваши хлопоты в отношении их пропали даром. Из всех предметов я только пожалел насчёт бутылки коньяка и говурга.

Приеду я в Баку, очевидно, не раньше начала или середины июля месяца, так как я должен пройти комиссию и оформить все необходимые документы.

Пока, всего хорошего, целую всех

Ваш сын Энвер

Казань 21, часть 70, 1-ое отделение

Письмо Энвера матери, Заиде-ханым

3/VI-43

Sevgilim anam!

Bu məktubla özümün sağ və səlamət olduğumu sizə bildirirəm. Haman məktubu sizə təqdim edən bənimlə burada yatan yoldaş Paşayev mənim halımdan sizə məlumat verər.

Sizə keçmiş ayda yazdığım məktublarda mənə operasiya olunduğunu xəbər etdim. İmdi özümü yaxşı hiss edirəm. Sizdən cəmisi bir teleqrama, bir otkritka və, atam yazan, məktubu almışam. Sizin məktublarımız bir aya gəlib çatır.

Hələlik bu qədər. Hamıya bəndən salam. Uşaqları çox-çox öpürəm. İyul ayının ortalarında məni gözləyin.

Oğlun Ənvər.

Перевод:

Любимая мама!

Этим письмом я сообщаю вам, что жив и здоров. Сведения о моём здоровье сообщит вам товарищ Пашаев, принёсший вам письмо и находившийся на излечении вместе со мной. В письмах, отправленных вам в прошлом месяце, я сообщал о моей операции. Сейчас я чувствую себя хорошо. От вас я получил всего одну телеграмму, открытку и письмо от папы. Ваши письма доходят за месяц.

На этом закругляюсь, пока. Всем от меня привет.

Крепко-крепко целую детишек. Ждите меня в середине июля.

А вот и последнее письмо из госпиталя, переданное с оказией:

6 июля 43. Казань.

Здравствуйте, мои дорогие!

Это письмо передаст вам тов.Петраковский, который лечился со мной в одном госпитале. От вас давно не имею писем: всего получил одну открытку от мамы и письмо от папы. Я скоро также приеду.

Возможно, даже раньше, чем писал вам в последней открытке: а именно – в первой половине августа.

Пока, всего хорошего, целую всех

Энвер

Это было последнее письмо из казанского госпиталя, так как в августе 1943 года демобилизованный и комиссованный красноармеец возвращался домой, в родной Баку.

Из Казани Энвер по Волге прибыл в Астрахань, оттуда по Каспию – в Баку, как и предполагал Исмаил-ага, прокладывая на карте Советского Союза маршрут возвращения сына.

В морском порту к приходу парохода с ранеными и направлявшимися на излечение домой дежурили санитарные машины, развозившие раненых по госпиталям, а бакинцев – по их бакинским адресам.

Часть2. А жизнь всё-таки удалась

Продолжение следует....

СЛОВО ДРУЗЬЯМ ИЗ БЕЛАРУСИ

РАИСА ДЕЙКУН

Журналист, писатель. Родилась на станции Авраамовская (д. Партизанская) Хойникского р-на Гомельской обл. (Беларусь). Окончила Белорусский государственный университет (ф-т журналистики). Пишет на белорусском, русском и украинском языках. Автор книг на правовые и социальные темы (например, книга-исповедь «Мой Чернобыль, або Я боль людскі кранаў ... рукамі»).

Работает над имиджем... картошки в рамках проекта «Я тебе, картошка, кла-няюсь в ножки!». Выпустила в стихотворной форме книжки-сказки для детей «Пры-годы Бульбаёсціка», «Компания Артём и К*», «БульбаЁсцева сямейка», сборник прозы «Картошка – хлебу и любви присошка», который стал Лауреатом Международного конкурса «Книга года 2014» (Берлин). Главный герой «бульбяных» сказок, Бульбаё-стик, уже воплощён в одноименных игрушке-сувенире, значке-магните, в названии смотра-конкурса детского творчества, а также в рубрике журнала «Мир животных» (Беларусь).

Лауреат Всероссийского литконкурса «ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ – 2015». Се-ребряный лауреат «ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ-2017». Победитель областной литпремии им. К. Туровского (книга «І тут жывуць людзі», 2017). Активный автор и дипломант белорусских журналов «Метаморфозы», «Мир животных», «Эколог и Я». Член Союза писателей Беларуси.

Сплотка¹

Рассказ

«Железным людям железных дорог» посвящается

*На станции каждой
Живут патриоты,
Герои отважной
И четкой работы.
Они не сдаются
Врагу никогда
И твердой рукою
Ведут поезда!*

*«Железные люди железных дорог»
В. И. Лебедев-Кумач*

Деревенька на белорусском Полесье была маленькая, старинная, впервые упо-минавшаяся ещё в XIV веке. Состояла она из двух параллельных улиц, соединенных дорогой. Дорога вела в районный центр, а из него – в областной. Кроме небольшой церквушки, народной училища и винной лавки, в деревушке был ещё трактир. Вот и все, считай, достопримечательности на время организации в ней первого колхоза.

¹Сплотка, как объясняют толковые словари, это ряд присоединенных друг к другу предметов. Иными словами – связка, соединение, спайка, сплоченность. Например, из бревен в виде плотов. Оказывается, «сплотка» бывает и другой – из паровозов и вагонов.

Получив паспорт, одна из жительниц этой деревеньки, юная Маня Денисова, горячо откликнулась на призыв комсомола и отправилась работать на железную дорогу в тот самый областной центр. Её не остановили ни горячие уговоры матери, остающейся после умершего отца одной с двумя младшими детьми на руках, ни подруги, которые в один голос твердили, что «не женское это дело».

«Не женским делом» была мечта Мани стать машинистом паровоза.

Устроившись подсобной рабочей на станцию, она, отработав смену, мчалась в вечернюю школу – железнодорожную. В ней и на практике Маня обрела знания стрелочницы. Проработав в этом качестве пару лет, она, как бывалая железнодорожница, была отправлена учиться в местный техникум железнодорожного транспорта на долгожданные курсы помощников машиниста.

Было лето 1938 года, когда после курсов девушку зачислили помощником машиниста на маневровый паровоз. Конечно, это было «не то», о чём она мечтала. Мани сразу хотелось встать за рычаги управления настоящего, большого паровоза, типа ФД (Феликс Дзержинский) или ИС (Иосиф Сталин). На таком «мастодонте», как называли их сами паровозники, она бы объехала всю огромную страну, мчала бы на нём так, чтобы ветер свистел в ушах в унисон с его мощным гудком!

А тут?.. Паровоз-малютка из серии «К», получивший у железнодорожников прозвище «кукушка» за характерные отрывистые (кукушинные) сигналы-свистки, снующий челноком по станции туда-сюда, перетаскивая вагоны с места на место, формируя, таким образом, из них составы. И так – 12 часов в сутки.

Закусив губу от обиды, прозвав маленький юркий паровозик «кукушонком», Маня вновь усердно училась, внимательно следя за каждым выверенным и отточенным до механизма движением своего наставника Василия Ивановича, которого все в депо звали просто Иванович. Тот не выпускал из рук колесо реверса, вертел головой во все стороны, чтобы мгновенно и своевременно затормозить и не раздавить сцепщика, когда тот орудовал тяжеловесными цепями в момент соприкосновения вагонных буферов.

Спустя полгода Маню перевели на паровоз посolidнее – серии СО (Серго Орджоникидзе), на котором она, в роли того же помощника, поездила-побывала в соседних областях – российских и украинских.

В июне 1941 года за примерную работу Маню поощрили путёвкой в дом отдыха, который находился недалеко, в небольшом российском городке. Путёвка была «горячая», и Маня не успела получить отпускные. Пробыв пару недель в доме отдыха, она в прекрасном настроении вернулась за ними в город.

Было чему радоваться в жизни: после отпуска ей светила смена маршрутов с ближнего следования на дальние. Правда, пока опять в качестве помощника, но после такой практики она уже выходила напрямую к осуществлению своей мечты. В городе Маня планировала часть отпускных потратить на обзоры матери и младшим сестрёнке с братом, навестить их, вместе порадоваться предстоящим перспективам.

Не зря говорят: человек предполагает, а Бог располагает...

Вот и у Мани не так случилось, как мечталось.

Тот злопамятный день выпал на 22 июня, после которого жизнь девушки превратилась в один сплошной экстренный вызов на работу. Она снова оказалась в паре со своим наставником Ивановичем, который к этому времени вышел на пенсию, но в первый же день войны сам явился в депо и снова встал за рычаги своей бывшей «кукушки».

Они работали без какой-либо подмены. В редкие минуты отдыха по очереди с Ивановичем спали урывками прямо на своих рабочих местах. День и ночь без усталости кружили по станции, формируя составы, отправляемые в тыл, заменяя повреждённые паровозы, развороченные вагоны.

«Кукушка» в этих операциях была просто незаменима. Маленькая, шустрая – она одинаково без проблем сновала по рельсам передним и задним ходом до того дня, пока на одной из железнодорожных веток не раздались взрывы, и рельсы на глазах людей в паровозной будке вдруг превратились в туго закрученные спирали. Вставшие дыбом впереди и сзади их «кукушонка», они его, таким образом, обездвижили.

В тот раз Маня со старым машинистом чудом остались в живых.

Восстанавливать искореженные рельсы было некогда и некому – «кукушка» так и осталась в своеобразном плену.

Маню с Ивановичем тут же перебросили на «живой» паровоз, на котором они должны были собрать по всем закоулкам станционных путей остатки подвижного состава.

До войны этот город являлся крупным железнодорожным центром. С первых её дней он превратился в один из узловых пунктов обороны на западном направлении, на станции которого разгружались и выдвигались к линии фронта крупные соединения Красной Армии, день и ночь шла эвакуация людей, оборудования, транспорта.

Об этом фашисты были хорошо осведомлены, и вскоре город стал мишенью для гитлеровской авиации. В августе 41-го он подвергся очередной жесточайшей бомбёжке. Бомбы рвались одна за другой без передышки, земля и небо сотрясались от взрывов и воя сирен. Фашистские стервятники старались разбомбить оставшиеся важные стратегические объекты. Среди них были железнодорожная станция и вагоноремонтное депо – цели для вражеской авиации архиважные.

Грохот шальных осколков, содрогание земли, запах тола и дыма... Казалось, что этому не будет конца, и что наступил конец света. А ещё – что в этом адском грохоте в городе уже не могло остаться ничего живого и целого, потому что фашистские стервятники гонялись за любой двигающейся целью – будь то одинокий грузовик или гужева повозка.

В один из таких дней, делая очередной круг-заход, вражеские самолёты заметили куда более заманчивую и значительную цель – целый поезд! Да какой!

Это была сплотка из уцелевших после предыдущих ураганных бомбёжек паровозов и вагонов. До последнего они исполняли свой долг, пока их было кому водить. Но наступил такой день и час, когда эти трудяги железных дорог остались без своих механиков-машинистов – одни из них с первых дней войны записались в срочно сформированный истребительный батальон по борьбе с диверсантами, другие влились в полк народного ополчения, который сдерживал непрекращающиеся яростные атаки противника, давая возможность выполнять задания по эвакуационным перевозкам.

Вот эти оставшиеся без машинистов и чудом уцелевшие паровозы и несколько вагонов старый машинист Иванович со своей помощницей Маней и собрали в кучу, именуемую сплоткой. И тут же получили приказ-крик начальника депо «немедленно уводить сплотку из города, в который вот-вот ворвутся фашисты».

Путь для этого необычного поезда теперь оставался только один – в противоположную от наступавших немцев сторону, к соседям-украинцам, на другой берег реки.

Второпях двинулись из города. А вот и мост через реку. Семафор на въезд был открыт, и они на мост въехали, но дальше путь преградил снова семафор – закрытый.

Сплотка оказалась в ловушке. Над мостом тут же закружили вражеские бомбардировщики и, как заведённые, начали сбрасывать бомбы. Они падали в воду, поднимая вверх огромные водяные столбы. Вода и рушащиеся металлические пролёты моста – все вокруг перемешалось и представляло кромешный ад.

«Неужели впереди колея взорвана?», – одновременно подумали два человека в паровозной будке. У них уже такое было с «кукушкой». Не доверяя молодой по-

мощнице, или считая, что в будке Мане будет безопаснее, Иванович соскочил вниз и сам побежал к дежурному.

Минуты ожидания показались Мане часами, полными ужаса. Она так и не дождалась своего старшего товарища. Вместо него спустя десяток минут к правой стороне головного паровоза под парами подбежал дежурный и прокричал ей, высунувшейся из будки:

– Семафор я открыл. Гони на Украину, мост будут взрывать!

– А куда делся Иванович? Машинист где? Как я погоню без него, без кочегара? Я же одна не справлюсь!

– Убит он! Давай, гони!

Их отчаянный перекрик потонул в грохоте приближающихся новых взрывов. Неведомая сила бросила-подтолкнула девушку к рабочему месту машиниста – тормозному крану и рычагу скорости. Машинально её левая рука убрала-выключила тормозную систему (в случае ее повреждения от бомбы или снаряда она не сработает и не остановит состав), правая – легла на рычаг и поддала пара. Огромная махина, называемая сплоткой, вздрогнув вслед за головным паровозом, пришла в движение.

Стронув сплотку с места, девушка по привычке кинулась к угольному совку, открыла топку и стала яростно кидать в неё уголь.

Не так она представляла себе начало работы в качестве машиниста у правого окна паровоза.

Именно у правого: весь железнодорожный люд — от стрелочницы с путейскими рабочими до начальников депо, станций, дистанций и ещё выше — знал, что у правого окна паровоза находится главный его водитель-механик – машинист, а у левого – помощник.

Занять место у правого окна было её давней заветной мечтой. И неважно, что оно постоянно находилось под пронизывающими сквозняками, под одинаково больно обжигающими лицо жгучими ветром, морозом и слепящим солнцем – неизменными спутниками машиниста и помощника. Ведь и один, и другой, только полагаясь на своё внимание и собственное зрение, наощупь, должны были на протяжении рейса, высунувшись из окон будки, смотреть вперёд, чтобы не проглядеть запрещающие сигналы. А они могли появиться в любую минуту впереди поезда в виде путевого обходчика с красными флажком или фонарём (ночью), семафора или преграды вроде крестьянской повозки, а то и застрявшего на переезде трактора.

До исполнения желанной мечты оставалось совсем немного. Три года после окончания курсов, включая работу на «кукушке», она проходила «обкатку» в качестве помощника у опытейших машинистов, накатала с ними в целом не один десяток тысяч километров, перекинула-перелопатила тяжеленным совком вручную из тендера в угольную топку не одну тонну угля. Железный конь пожирал его, как не в себя: одного тендера (27 тонн) хватало лишь на 300 километров пробега.

Всякого нагляделась за это время, многому научилась-переняла у своих старших товарищей. Бывало, что бригаде приходилось выходить в рейс без кочегара, а при движении без остановки на некоторых станциях на ходу, перегнувшись-высунувшись из паровозной будки, перехватывать жезл, дававший разрешение на право проезда перегона. Пару раз она промахивалась и не могла подхватить тот жезл – рука проскакивала не в кольцо, а мимо. Вот стыда-то было! Машинистам-наставникам приходилось снова включать тормоз, дежурному бежать вслед за паровозом и опять протягивать вверх жезл. Над её неуклюжестью скалили зубы чумазые кочегары, с неммым отеческим укором смотрели машинисты-наставники, как бы говоря ей: «Ну, что, убедилась, что не женское это дело?»...

Сплотка тем временем, покачиваясь и вздрагивая на стыках рельс, медленно, но упрямо двинулась вперёд, вынырнула из металлических пролётов-ограждений моста. Она, словно живое существо, вроде как почувствовала, что надо уходить от

зловещих стальных птиц с пауками чёрных крестов на жёлтых крыльях, атакующих поезд, для которых сплотка стала открытой со всех сторон и совершенно незащищённой живой мишенью. Теперь и холодные паровозы, которые были прицеплены к головному, и ряд вагонов за ними полностью зависели от своего ведущего собрата. Вся их надежда была сейчас на него, своего вожака, и на неё – шуплую девчущку с бледным вытянутым лицом и полными смертельного страха глазами.

Как стая стервятников, завидев убегающую добычу, бомбардировщики устремились-погнались, словно соревнуясь, за сплоткой на выходе её из пролётов моста. Маленькие чёрные точки, похожие на зёрна семян, веером так и сыпались с неба. Да только семена эти, соприкоснувшись с землёй и тем, что на ней было, взрывались, сея вокруг себя не жизнь, а смерть.

Откуда Мане было знать, что за каждый подбитый паровоз летчики «Люфт-ваффе» награждались рыцарским крестом? А тут их они разглядели не один и не два – целых шесть да плюс вагоны!

От ужаса девушка сжалась в комок и прилипла к рычагам управления.

Была бы она за баранкой автомобиля, пусть бы самого огромного, тяжёлого и неповоротливого, так уклонилась бы, петляя, как заяц, от налетавших стервятников в сторону, скорее всего, в ближайший лес, под его укрытие. А как ты увернёшься на рельсах, к которым ты словно приклеен и с которых не соскочить? Разве что под откос? И руля, как у автомобиля, у тебя нет, а есть только рычаг скорости (больше или меньше пара), тормозной кран и колесо реверса (устройство для перемещения золотников с целью изменения направления движения)? И ты одна со всей этой машиной! Одна! Без положенной по инструкции бригады (машинист, помощник, кочегар). Некому слово сказать, не у кого совета спросить, некому пожаловаться, некому уголь бросать в топку, наконец! А скорость у сплотки — черепашня. По инструкции полагается не более 20 км/час. Как тут увернёшься, как убежишь от падающей с неба смерти?

– Боже правый, милосердный, спаси, помилуй, помоги! Мамочка, родненькая, помолись за меня, – помимо воли перекрестилась девушка-комсомолка и в панике на миг закрыла глаза.

«Держись! Держись! Держись!» – вдруг почудилось ей.

Открыв глаза, она услышала извечную песню железной дороги, вселяющий веру родной и знакомый перестук – ей пела песню её сплотка?! Не веря собственным ушам, она прислушалась и – точно! – в перестуке вновь услышала те удивительные слова.

Девушка распрямилась.

– Да что же это я раскудаhtалась? А ещё машинистом мечтала стать, правую сторону занять? Да какой же из меня механик выйдет? Не машинист, а курица-наседка, которую и на дух нельзя подпускать к железной машине. А ну, Маняша (так звали ей в родной деревне), возьми себя в руки! – прикрикнула-приказала сама себе. – Давай, моя дорогая (сплотка), вместе петь, – и чтобы прогнать страх и не дать захватить себя панике запела-закричала во весь голос:

Наш паровоз, вперёд лети.

В Коммуне остановка.

Другого нет у нас пути —

В руках у нас винтовка...

А стервятники, словно играя в забавную игру «догонялки», не отставали.

Тяжёлой волной воздуха от совсем близкого взрыва Маню в очередной раз бросило от рычагов управления к тендеру и обратно. Чтобы устоять на ногах, девушка бессознательно ухватилась за ручки-краны котла. Молниеносно что-то вспомнив, от-

чаянным рывком она открыла его продувальные краны. Подчиняясь воле человека, огромная струя пара, с шипением и устрашающим свистом вырвавшись из котла, взмыла вверх, закружилась-завихрилась и словно покрывало из облаков опустилась и укрыла-обволокла сплотку. В этот момент Маня всё ещё стояла у кранов, как прикованная, не в силах от них оторваться и только безмолвно шевелила губами. Казалось, что девушка и громадина паровоз слились воедино.

«Ну, вот и всё! Фашистам вы не достанетесь ни за что!», – отрешённо и обречённо подумала она.

Но вдруг снова в её сознание проник уверенный волшебный перестук:

«Прорвёмся, прорвёмся, прорвёмся! – теперь обещающе твердила ей сплотка, нырнув под паровую завесу.

Маня не видела, как уверовавшие в свою безнаказанность фашистские летуны, видимо, решив, что это от их смертоносного бомбопада взорвался состав, и от него остались лишь облака дыма, не пошли на очередной круг, а, взмыв от ими же устроенного ада на земле, улетели туда, откуда прилетели. Очевидно, за крестами-наградами.

После отчаянного своего маневра девушка вдруг почувствовала, что в ушах нет сплошного гула бомбёжки, что вокруг наступила... тишина, и она слышит только мерный перестук своего паровоза-вожака, которому в такт вторят его собратья – холодные паровозы и вагоны.

Не веря своим глазам и ушам, она высунулась из будки и огляделась: сплотка двигалась в чистом поле и под чистым небом.

«Прорвались, прорвались, прорвались!» – уже торжествующе выстукивала пела и мчала вперёд сплотка, вынырнув из-под искусственного покрывала.

«Неужели и правда прорвались? А может, у них закончились бомбы? А может, в её родной деревушке, в её маленькой церквушке в эти ужасные часы и минуты за неё горячо молилась мать, и потому силы небесные уберегли и её, и сплотку? Значит, она родилась под счастливой звездой и ей ещё рано умирать! Она же ещё не успела сдать экзамен на машиниста, проехаться по всей огромной стране на великане типа ИС, побывать в её столице, по-настоящему влюбиться, выйти замуж и родить детей! Значит, всё впереди?» – бились в голове Мани шальные радостные мысли.

– Паровозушка мой дорогой! Чудище моё ненаглядное! Железина моя золотая! А я уже приготовилась умереть вместе с тобой. А ты вон какой у меня! Родненький мой, на тебе хлебушка, – ласково приговаривала она своему спасителю-паровозу, ловко и привычно бросая совком-лопатой в его топку паровозный «корм» – уголь, чтобы он набрал-накопил новую порцию пара.

По чумазым запавшим щекам девушки, прокладывая по ним светлые бороздки, катились прозрачные ручейки радостных и счастливых слёз.

«Ух-ты, ух-ты, ух-ты!» – довольно сопя, что не подвёл её, своего машиниста, отдуваясь клубами дыма из широкой трубы, спуская набранный от новых порций угля пар, с чувством исполненного долга усталый паровоз-вожак, победно трубя, приближался к крупной украинской станции, по перрону которой ему навстречу бежали военные с красными пятиконечными звёздочками на фуражках...

Вот из таких, маленьких, на первый взгляд, побед начиналась и зарождалась уже в начале войны та, пока ещё далёкая, но неотвратимая великая Победа.

ВЛАДИМИР МОРОЗ

Красная строка

Красную строку своей жизни
Кладешь на белый лист бумаги
И жаждешь
Отзыва из Вселенной.

Но через страниц пять
Оказывается, что приоткрывшиеся было двери заперты,
И ты в полутемном коридоре
Оглядываешься, как маленький мальчик.

И вдруг видишь себя в белорусском поле,
Пашешь и сеешь, как твои прадеды, веря, что жито – будет.

Твои сомнения и тревоги – не их заботы и доля,
Их жизнь – не твоя жизнь...

Улица Горести

И ты пылинкой прошелестел по скрижалям Времени
И отозвался в слабом слове.
По улице Горести
Еле-еле бредешь под тяжестью креста
Под палящим солнцем.

А вокруг галдящий народ,
Но каждый одинок, как и ты.
По улице Божьего Сына
Господь дал тебе пройти
Метров триста.

Тебе открываются неизвестные миры
Дверь за дверью –
Вдруг на улице Веры
Ты узнаешь ответы на все вопросы?

Ты ведь, собственно, и не отчаивался в жизни,
Просто не хватало этой дороги.
По туманной улице Надежды,
Возможно, придешь к какой-то истине.

Но вот поворот на улицу Любви –
Улицу страданий, низости и нежности,
Может, станешь иным,
Пройдя её?

Выйдя на улицу Радости,
Не успеешь поднять глаза к воссиянному солнцу,
Как уже ступишь на первый брусчатый камень
Улицы Горести.

Голгофа

Где дольные и горние дороги
Сходятся в одну безмерную, –
Голгофа на сквозняке, –
В третьем измерении, неподвластна векам.

Изнеможенный, восходил Он сюда,
Неся тяжкий крест,
Толпа кипела, как стадо вшей,
Топча его последние следы.

Толпа кричала: – Распни его! Пусть умрет!
Крови! Крови!
Если он – сын Божий, пускай спасет хотя бы сам себя.

Он знал, что спасает мир,
Он знал, что показывает дорогу.
Задрожала Земля, встала тьма –
Так начался
Отсчет
Нового Завета.

Кровоточит Голгофа
На вековом сквозняке.
Колелблется зябкий огонек свечи.
Дорога восходит в небесное никуда.
У Богородицы горе в глазах.

Чудо в Кане Галилейской

Первое чудо – ожидаемо:
Вскорости вода станет вином.
Ты сегодня избран на праздник,
Сидишь за свадебным столом жизни.

Вспомнишь себя, молодого,
Ночи, рассветы, закаты, мосты над темными реками,
И еще раз попросишь у Господа счастья земного,
Чтобы венец клался к венцу,
Как в белорусском срубе.

Все, – живые и умершие, – позваны на эту свадьбу,
Нескончаем их хоровод,
Со смутной улыбкой глядит на них моя королевна,
Конечно же, я буду счастлив.

Надеюсь, что и Он пройдет здесь тенью,
Взглянув на нас.
И вино не кончится на празднике жизни.

Горняя пряжа ткется меж нами – людьми, нелюдьми –
Под бликами гроз.

Не знаю, приду ли я, наконец, домой
Припасть к родному порогу.

Давай же выпьем, родная,
Вина, рожденного из воды,
Как юные, как с рассветами, закатами, мостами над темными реками...

Ключарь

Стою один
пред соблазном одиночества.
Как часовой, поставленный когда-то
и всеми забытый.
К тесным вратам приставленный,
ведущим в жизнь,
в Царство Небесное,
к истокам своим, к Отчизне любимой.
Немногие находят этот путь,
еле слышимый гул свидетельствует –
мирские забавы проносят людей
мимо – широкой дорогой,
напиханной авто,
мчащимися беспрестанно
навстречу обманному блеску городов,
где всё ради утехи плоти:
ресторации, игрища, музыка,
бьющая ритмами в голову
и вышибающая последние мысли.
К чему искать веры,
если можно усладить плоть?
Широкие двери отворены настежь,
зовут, зовут неверным светом
отдаться радости бытия.
На стремительной скорости
не заметишь узкой тропинки,
ведущей от железных и асфальтовых лент,
перепоясавших тело Отчизны,
тропинки – к истинной цели,
к вечной жизни,
а не в погибель.
Тропинки
с крестом в устье,
не заросшей лишь
из-за следов немногих,
идущих тропюю узкою,
стучащих в тесные врата,
и я отворяю им.
Всем, кто дойдет, отворено будет.
Отворятся поля нашей Отчизны,
отворится свет доброты Его
над Беларусью,
её людьми,
её прошлым и будущим,
знамениями столетий.

Пройти вратами памяти,
понять эти знаки –
и сплетутся в одну суровую нить
прошлое и будущее,
и будет ясным лик Беларуси.
И если придет Господь с вопросом,
куда подевали мы добродетель,
где зарыли таланты свои? –
сможем ли мы ответить?
Я не знаю,
когда придет хозяин дома –
ночью ли, вечером, с первыми петухами?
и спросит: Откуда вы? кто вы? зачем вы пришли к этим вратам?
Ищите ж пути горние,
тропинки узкие и тесные врата,
ведущие в жизнь.
Стучите – и будет открыто.

Сеятель

Сеем разумное, доброе, вечное.
Сеем любовь к Батьковщине своей.
Жаль, урожай небогатый.
Ибо не знаем, куда
падают семена,
и не радеем об этом.
Клюют семена придорожные птицы.
Места каменистые, где чуть земли, не дают плодов.
А если клочок плодородный –
его чужаки сорняками засеют,
и трудно потом собирать урожай – зерно с сорняками.
Сеятель сеет слово.
Но многие ли поймут его?
Придет недобрый и тихо скрадет ростки их сердец.
Многие тянутся к слову,
но слово сочтется кровью –
многим ли это под силу?
Иные услышат,
но суета и жажда богатства
слово затмят,
оставят бесплодным.
Лишь немногие избранные,
слыша горние литания и понимая их,
взрастят из слова плод,
найдя поле с вратами
в Царство Небесное.
Их удел
искать это поле ради Отчизны своей,
чтобы продлилась история наша,
чтобы не стали мы сами
могильщиками Отчизны.

Хватает, хватает недобрых,
только и ждущих, когда
забудем мы свои корни,
забудем свои истоки...
Если соль потеряет силу –
чем ты осодишь землю,
какие взойдут плоды?
Пустыня одна останется
на месте наших полей и лесов.
Найди это поле,
вспаши его,
освободи от чёрных камней.
Сей вечное,
как сеяли предки,
заботясь об Отчизне.
Пускай и трудно
отделить рожь от сорняков, сжечь их в печи,
а рожь ссыпать в сокровищницу Батьковщины.
Но мы заботимся боле –
что есть нам и пить,
во что одеться,
беспокоимся днем сегодняшним.
Не просим у Господа пути
стране своей,
не ищем зерна надежды,
что вырастет выше травы,
сделавшись деревом,
в ветках которого птицы небесные
совьют гнезда.
Продолжим заботы шедших пред нами,
вскормлявших ниву Отчизны –
и встанет с молитвою Беларусь,
и всколосится нива,
запламенеет рожь,
дадут семена плоды.
И сам Господь пошлет
на жатву
работников своих,
и будут пахарь, сеятель и жнец – как одно,
и радость грядет великая,
и Божий свет пробежит по земле.

Монолог Второго

Усердствуешь, поганец?
Злые слова бросаешь Ему:
если ты Христос, спаси себя и нас?
Ты не боишься Бога, раз сам с ним на кресте?
Нас-то осудили справедливо,
потому что мы выжгли свои поля и луга, вырубili свои леса,
такие величественные и приветные, шелестящие и задумчивые,
богатые и беззащитные.

Мы выкалывали голубые глаза земли нашей – озёра,
заполняли их, и реки, и речушки нечистотами нашими.
Мы алчно высасывали воздух Отчизны,
и восходил смрад над частоколом труб-башен.
Мы резали могучими железными плугами
плоть земли нашей –
дабы иссякла живородность её,
дабы не стало хлеба насущного...
Мы испакостили всё.
Но самое страшное –
мы забрали у народа нашего
его песни, его праздники,
его память,
его прошлое,
зарыв историю нашу чужими лопатами.
Мы сгубили лучших белорусов,
не оставив даже эха их голосов.
И, наконец, –
мы вырвали с корнем душу народа –
его речь,
и лишь немногие взмолятся ею,
болея Отчизной.
Жгли наши книги,
чтобы и буквы родной не осталось.
Преступления наши неизмеримы.
Так будем же мы распяты – по нашим делам, по справедливости.
Есть она,
ведь сейчас на Голгофе
не белорусский народ, нами преданный,
который тянули сюда что есть силы,
а мы – убийцы и пакостники, воры и клятвопреступники.
А Он? –
Он ничего плохого не делал,
разве что принимал на себя наши грехи...
Так покайся, поганец!
Ведь скоро тьма покроет нашу землю.
За три часа долгожданный свет
зальет измученную Батьковщину...
но мы уже не увидим его...
О Боже, прими моё покаяние!
Поздно открылось мне,
что не может никто превозмочь свой народ и землю его.
Помяни меня, Господи,
когда вернешься в Царство Своё!

Перевод с белорусского языка
Петра КОШЕЛЯ

МИХАИЛ ДЕДОВЕЦ

Михаил Иванович Дедовец родился в древнем городе Туров (Гомельская область). Окончил Ленинградскую высшую профсоюзную школу культуры, Академию МВД Республики Беларусь, стажировался в Ленинградском политическом училище МВД СССР и Академии МВД СССР. Прошел путь от инструктора политотдела до начальника Гомельского ОВДТ, отличник милиции. За активное участие в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС награжден медалью «За трудовое отличие». Подполковник милиции в отставке. Председатель Гомельского областного Совета ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск. Автор книг «Ветеранское движение Гомельщины», «Солдаты Победы», «Солдаты правопорядка», «Охотничьи просторы», «Испытание Чернобылем», «Рассвет над Припятью», «Зов природы». Им подготовлены сценарии ряда документальных и учебных фильмов для сотрудников ОВД. Лауреат 3-го областного литконкурса им. Кириллы Туровского (2009). Победитель литконкурсов в жанре эссе «Моя милиция», проводимых газетами «На страже Октября», «Гомельская праўда», и литературных конкурсов МВД Республики Беларусь (номинация «Нам по наследству от отцов досталось святое дело – Родину беречь»). Серебряный Лауреат Международного конкурса Национальная литературная премия «Золотое перо Руси» (номинация «Экология», 2017) и мн. др. Активный автор и дипломант белорусских журналов «Метаморфозы», «Мир животных», «Эколог и Я». Член Союза журналистов и Союза писателей Республики Беларусь.

ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ

Ранняя теплая осень не переставала удивлять своей красотой. С каждым днем все ярче золотисто-желтый цвет проявлялся на листьях стройных берез и осин, крепких дубов и кленов высокого смешанного леса около известного охотнику озера. Кое-где радовали глаз красным цветом тяжелые кисти рябины, чуть реже – калины. Сплошь и рядом земля устлана сухими разноцветными листьями. Немного раньше осень нанесла желтизну и на большую плантацию озерного камыша, излюбленного места гнездования диких уток. А их под древним Туровом этим летом развелось множество, и приглянувшееся озеро так и манило земляка в знакомые с самого детства места. Обнадежило и областное радио, пообещав на ближайшую неделю теплую погоду без дождя.

В свой редкий выходной гомельчанин сумел вырваться на Туровщину, прихватив с собой резиновую надувную лодку и пару подсадных уток в переносной клетке. И лодка, и утки свободно разместились в багажнике его автомобиля. Утки после весенней охоты на селезня вывели утят, и в дневное время скучали от безделья в своем отдельном вольере. Зато каждое утро, в любую погоду, встречали громким криканьем. Им тут же отвечали утки с соседнего вольера. Робко пробовали свой голос выводки этого года, но на фоне опытных уток они, по меньшей мере, выглядели неубедительно.

На подворье занимали достойное положение породистые охотничьи собаки Булька и Лара. По мелодичности и громкости их дуэт перекрывал птичий хор. Криканье и специфический запах уток подогревал их охотничий инстинкт и азарт на дичь. Собаки рвались на волю, в охотугодья, где вдоволь можно погонять дикого зверя и поднять на крыло утиную стаю. Пока же Булька и Лара выполняли роль сторожевых собак, без усталости бегая вдоль сетки-рабицы просторного вольера, крепкими зубами и мощными лапами проверяя на прочность это добротное строение.

Жене охотника изрядно надоел постоянный шум и гам во дворе, но она до поры, до времени терпела увлечение мужа охотой. Иногда, правда, корила его за расход семейного бюджета на корм своим питомцам. Уход за ними стоит немалых денег. Успокаивало лишь одно: их трехлетний сын Ванюша любил наблюдать за ум-

ными собаками и маленькими утятами. Постоянно крутился около их вольеров. Через металлические сетки бросал в вольеры кусочки хлеба и пучки тут же сорванной сочной зеленой травы.

Полезь общения с животным миром была налицо: Ванюша стал послушнее, с аппетитом кушал, крепче спал, пытался помочь родителям по хозяйству. Больше всего отцу – при кормежке собак, утят и кошки Мани.

Собираясь на Туровщину, охотник взял с собой самых лучших уток: Катю и Фросю. Без дела они могут зажиреть, потерять навыки вабить селезней. Да и на природе не один, с ними веселее, рядом хоть какое-то живое существо. Осенью ночи длинные, после хорошей дневной нагрузки можно легко проспать утреннюю зорьку, а утки, словно громкий будильник, любого любителя сна поднимут вовремя.

Осмотрев в бинокль озеро, наш герой определил место своего расположения и предполагаемые маршруты лета диких уток около его засады. Как правило, птицы чаще всего держатся центра любого водоёма. Там они чувствуют себя в большей безопасности: с берега выстрелом не достать, да и возможность быстрее обнаружить опасность со стороны хищных птиц. Чаще всего утки остерегаются коршунов и ястребов-тетеревятников. Размах крыльев последних порой достигает около полутора метров. Однажды охотник видел, как хищная птица в своих острых когтях несла по воздуху зайца. Утки, мелкие грызуны, пойманная на отмели рыба – любимое лакомство этого умного и умелого пернатого охотника. На озере обитали и другие птицы. Было интересно наблюдать за лебедями. Вовсю рыбачили чайки, серые и белые цапли. Облюбовали это озеро и морские птицы – бакланы. Они больше других вредных птиц наносят урон рыбным запасам Беларуси. За один световой день баклан съедает до семисот граммов малька рыбы. А их ежедневно прилетает из Припятского заповедника, где они гнездятся на высоких деревьях, до пятидесяти особей. Не зря на некоторых рыбхозах Беларуси разрешен их отстрел.

А солнце поднималось все выше и выше, подходило к зениту. Не по-осеннему стало жарко. Нет ни облачка, ни тени. Воздух как будто струится. Вскоре охотник разделся до пояса, подставляя свое мускулистое тело сентябрьскому светилу. Для него полной неожиданностью стало появление маленьких рыжих комариков. «Вот так осень, как все меняется в последнее время в природе, – размышлял он. – Раньше в сентябре этих злых и кусачих кровососов и в помине не было».

Вокруг же пахло травой, дикими цветами и какой-то свежестью от росших по берегу озера густых кустов лозы. На душе спокойно и радостно.

Где ещё в наше время можно найти такой райский уголок природы?! А какой воздух! Им можно круглосуточно упиваться, даже ночуя в автомашине. Такого крепкого и здорового сна в городской квартире не получишь. Рядом лес, вода, травы, цветы и певчие птицы... Ради этого стоит жить!

Восхищаясь окружающей красотой, запрокинув голову к небу, человек сидел в резиновой лодке на озере и с интересом наблюдал за парившими в воздухе чайками и чибисами. На огромной высоте в голубом небе, словно лыжники, оставляя за собой следы на чистейшем снегу, пролетали над Полесьем быстрокрылые военные истребители и вальжные пассажирские самолёты. Их можно легко отличить по набранной высоте и скоростным качествам.

– Пора и делом заняться! – промолвил вполголоса охотник.

Молчавшие до этого в клетке утки в подтверждение крякнули и дружно закивали головками. Не мешкая, охотник тут же рассадил их по намеченным точкам на озере. Сам на лодке скрылся в высокоом и густом камыше. Пришлось поработать перочинным ножом, висевшим на поясе, срезать добрую охапку камыша для маскировки лодки. Только после этого, удовлетворенно хмыкнув, приготовил ружьё к стрельбе. Делал все по-хозяйски, неспеша. Выработанная годами привычка все делать добротнo и с душой, как правило, давала положительные результаты на охоте.

До подсадных уток было метров двадцать. Самое оптимальное расстояние для эффективной стрельбы. Теперь замереть и ждать лёта стай диких уток. Перед вылетом в теплые страны они всегда в такое время проводят тренировочные перелёты на реку Припять и обратно. Вот тогда не зевай. Всё дальнейшее зависит от профессиональной подготовки охотника.

В ожидании лёта уток охотник не заметил, как со стороны леса незаметно подкралась огромная темная туча. Погода резко изменилась. Поднявшийся порывистый ветер почти до самой воды пригибал камыши, поднял большую волну на озере. Крупные холодные капли дождя забарабанили по упругим бортам и днищу резиновой лодки, заставили человека набросить на себя армейскую плащ-накидку, постоянную спутницу в его путешествиях. Осень, словно капризная дама, и сегодня показала свой норовистый характер: прогноз погоды слушай, а сам не плошай. В запасе должна быть одежда на все случаи жизни. Однажды в конце сентября в этом месте пришлось спастись от мороза и снега. Погода вскоре смилоствивилась над нашим героем. Через минут двадцать непрошенный дождь стих, ветер погнал тучу в сторону поселка Хвоенск. Как и прежде, ласково и тепло засветило солнце. Первым делом охотник своей непромокаемой камуфляжной шляпой вычерпал дождевую воду из лодки. Не без труда вытолкал её из камыша и опешил...

На своем месте плавала только утка Фрося. Катя же находилась в метрах ста от своей платформочки из пенопласта, покрашенной в зеленый цвет, одиноко покачивавшейся на мелкой волне. Рядом с Катей отдыхала на воде огромная стая диких уток. Наша героиня могла в любой момент раствориться среди собратьев и различить её в этой шевелящейся серой массе было бы практически невозможно.

Но Катя держалась в метрах в трёх от диких уток. Как ни в чем не бывало, размерно ныряла за моллюсками, каждый раз оглядываясь по сторонам. Наверняка она освободила свою лапку от размокшего и ставшего свободным кожаного хомутика (нагавки). Вырвавшись на волю, стала неподвластной хозяину. Теперь её дом озеро, а друзья – дикие утки.

А ведь это самая лучшая и дорогая крякуха. Она была приобретена за доллары на Брянщине два года назад у потомственных охотников, егерей князей Романовых. Можно представить в этот момент душевное состояние гомельчанина, потерявшего свою «царскую» утку.

Шансов поймать её равны нулю. Для этого с собой нет никаких приспособлений, которые смогли бы пригодиться для этих целей. У него и раньше был случай, когда маскировочной сетью он поймал убежавшего таким образом селезня Федю.

Настоящие охотники-утятники, как правило, держат и подсадных диких селезней. У нашего героя вот уже около пяти лет на подворье жили селезни Федя и Гриша. Но в тот раз гомельчанин охотился ранней весной, и лагерь его был разбит на краю леса, у самого озера. С вечерней темнотой селезень приплыл к берегу, по суше притопал к автомашине и рядом стоящей клетке с утками Катей и Фросей. Настолько сильна дружба и привязанность птиц к своей семье. «Вот так бы поступали люди», – размышлял опечаленный охотник.

Конечно, он мог тогда застрелить уплывающего прочь селезня, как и сегодня, – утку. Но разве поднимется рука на одомашненную дикую птицу. А они наверняка разучились летать на дальние расстояния, не смогут вместе с собратьями улететь на юг. И жить им останется до первых морозов, станут легкой добычей хищных птиц или зверей. За последнее время здесь развелось много лисиц и енотовидных собак. Многие из них болеют бешенством, и человеку следует их остерегаться. Охотникам же рекомендуется производить отстрел больших зверей и сдавать их представителям санэпидстанций для утилизации.

Больше часа охотник сидел в раздумьи, но нужного решения так и не нашел.

Из этого состояния его вывела утка Фрося. Она с таким надрывом, протяжно-

жалобно крикая стала звать подружку, что у него похолодело в груди, и на глаза накатилась скупая мужская слеза. Неужели свою любимицу он оставит погибать в дикой природе?..

Но что это?..

Утка, похожая на Катю, отделилась от стаи диких уток, весело крикая, стала быстро подплывать к утке Фросе и его месту засады.

«Наверное, направляется попрощаться с подружкой», – горестно подумал охотник. Все-таки два года вместе находились в одном вольере, вместе там выводили утят, в одной клетке не раз выезжали на природу. За это время привыкли друг к другу, стали лучшими подружками.

Пока охотник рассуждал, утка Катя подплыла к Фросе, и они вместе стали клевать траву-ряску, любимый корм всех водоплавающих. Охота для бывшего туровца потеряла всякий интерес. Ружьё отложено в сторону, в голове только одна мысль: как поймать свою утку. Пару раз пробовал подозвать птицу к лодке. Был момент, когда она осторожно подплывала на вытянутую руку. Но как только человек пытался пошевелиться, Катя тут же отплывала в сторону. Чтобы не вспугнуть её, решил ждать сумерек. Он хорошо знал, что с темнотой и куры садятся на седало. Одомашненные утки придерживались тех же правил. Поэтому он терпеливо ждал заката солнца. А на это ушло около пяти часов.

От долгого сидения в резиновой лодке болела спина, затекли ноги, но охотник ждал своего часа. Для этого в клетку посадил покорную утку Фросю, которая с радостью покинула воду, тут же энергично закрикала, зазывая свою подружку.

Та, оставшись одна, забеспокоилась, закружилась на месте, подгоняемая темнотой, подплыла к корме лодки, где стояла клетка, взмахнула крыльями, взлетела над водой и смело села на борт суденышка. Не обращая никакого внимания на человека, тут же стала энергично чистить и сушить красноватым клювом намокшие пёрышки. Вначале на крыльях, затем на брюшке.

Охотник видел подобную картину впервые: получившая свободу дикая утка снова возвратилась к людям.

Он сидел, боясь пошевелиться. От волнения учащенно билось сердце, на лбу выступила испарина.

Человек прекрасно понимал: это последняя возможность поймать беглянку. Ошибиться нельзя. Одно неверное движение – и он потеряет любимицу навсегда. Поэтому свои действия просчитал до секунды. Вот когда пригодилась реакция, выработанная годами тренировок боксом и настольным теннисом. Риск и продуманный расчет оказались верными.

Как только головка утки оказалась под левым крылом, охотник быстрым движением схватил утку за правое крыло, бережно посадил её в клетку. Оказавшись вместе, утки радостно закрикали, стали дружно собирать зерна пшеницы и кусочки хлеба на днище их временного домика.

Не веря своему счастью, охотник с облегчением вздохнул полной грудью.

Наконец-то все переживания и волнения остались позади. Вся семейка в сборе. И ничего, что за весь день ни разу не выстрелил. Ведь не в этом заключается увлечение охотой. Главное – побыть на природе, в родных местах, пополнить свой запас знаний о флоре и фауне, принять участие в защите от грубого и невежественного вмешательства человека в их жизнь.

Уже сидя у костра, уроженец Турова почувствовал приятную усталость, разливавшуюся по всему телу. Его в этот момент наполняло радостное чувство единения с природой.

Анализируя проведенный короткий сентябрьский день, сделал вывод: на этот день он готов сменить целый год жизни в блочной многоэтажке города, ведь он помог человеку открыть новые тайны великолепия яркой осени белорусского Полесья.

ВИДАДИ БАБАНЛЫ

ТРИ НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Перевод Эльмиры АХУНДОВОЙ

У меня в жизни было всего три встречи с этим Человеком – выдающейся личностью, основоположником и первостроителем нашей государственной независимости. Однако эти встречи навсегда запечатлелись в моей памяти.

Первая состоялась в жаркие дни конца августа 1982 года. В один из душных, изнурительных вечеров мне позвонили из Отдела культуры Центрального Комитета Компартии Азербайджана. Незнакомый мне партийный функционер, представившись, сообщил, что завтра я должен выехать в Бардинский район, где под руководством Гейдара Алиева состоится совещание в связи с началом сезона сбора хлопка. Я несколько замаялся. Где я, а где совещание по хлопководству! Мне вспомнилось, что подобные совещания уже не раз проводились в хлопководческих районах, и на эти мероприятия, а также для встреч с колхозниками приглашались представители творческих союзов. Я ничего не сказал. А замешательство сменилось внутренним напряжением. Дело в том, что дома у меня был тяжелобольной. Я должен бы отвезти его в больницу, заняться лечением. Почувствовав мои сомнения, ответработник пояснил:

– Ехать следует непременно. Ваше имя в список участников включил лично Гейдар Алиевич. Просим вас быть завтра к десяти часам вечера в «Депутатской комнате» железнодорожного вокзала.

На следующий день в условленный час, в специально оборудованном, просторном и красивом зале вокзала, именуемом «Депутатской комнатой», собрались все участники будущего совещания. Среди художников, композиторов, журналистов, фотокорреспондентов, работников радио и телевидения было немало знакомых мне лиц. В том числе и мой студенческий товарищ, писатель-публицист Нуреддин Бабаев. Значит, из нашего «сословия» нас на сей раз двое. Это меня немного успокоило.

Гейдар Алиев подъехал в 11 часам вечера. Несколько бледное лицо выдавало усталость. Наверное, проводил какое-то важное совещание или заседание Бюро. Войдя в зал, он сразу же заулыбался. Приятная улыбка, осветив усталое лицо, не смогла стереть до конца следы дневного напряжения. Пройдя вперед, он поздоровался со всеми сразу и тут же попросил извинить его за опоздание. А потом, переведя дух, предложил выйти на открытый воздух.

– Как вы думаете, может, выйдем на перрон? Здесь работает кондиционер, и все же там воздух почище, чем здесь, – сказал он. – Голос также явственно выдавал общую усталость.

Снаружи действительно стояла приятная погода. Дул легкий ветерок. Дневная жара наконец немного спала. К тому же перрон основательно вымыли, асфальтовое покрытие было еще влажным, и это также смягчило жару...

Мы окружили Гейдара Алиева на просторном перроне. Он подал руку и лично поздоровался с каждым, пройдя вдоль ряда собравшихся до самого конца. Подойдя ко мне, замедлил шаг. Внимательно всмотрелся в лицо. Полушутя-полусерьезно упрекнул меня:

– Ты чего нас избегаешь? Я тебя на мероприятиях редко вижу. Приглашения не посылают или тебе твое время дорого?

Я промолчал, так как на самом деле был немного обижен. Еще до того, как Гейдар Алиев был избран Первым секретарем Центрального Комитета Компартии Азербайджана (как говорят сегодня, главой), некоторые высокопоставленные функционеры довольно долго держали меня за закрытыми дверями. Да и после его избрания не слишком привечали.

Гейдар Алиев не стал вникать в причину моего молчания. То ли от нехватки времени, то ли по другой причине он повернулся и обратился к следующим товарищам. В конце он пожелал всем доброй ночи и хорошего отдыха. А сам неторопливым, размашистым шагом направился к своему вагону спецпоезда.

Спецпоезд состоял всего из трех вагонов. Нас разместили в последнем вагоне. Все здесь радовало глаз: чистота, порядок, новенькое оборудование. В вагоне было прохладно, работали кондиционеры. Белоснежное, отглаженное и накрахмаленное постельное белье навевало сладкий сон. Мы с Нуреддином Бабаевым попали в одно купе. Он сказал мне, что днем очень устал, было много беготни. Поэтому, как только лег на полку, сразу засопел. Я же был, как говорится, «ночной птицей». Привык к бессоннице. Из-за неблагоприятных жилищных условий работать мог только по ночам, когда засыпали дети и вокруг воцарялась относительная тишина. Поэтому рассвет нередко встречал бодрствующим. Так что даже уютная и спокойная обстановка вагона еще долго не могла навевать мне дремоту...

* * *

Мы прибыли в Евлах на рассвете. Вокзал был празднично украшен. Несмотря на раннее утро, учителя и школьники, ответственные работники района и сотрудники различных учреждений вышли встречать руководителя республики. В руках детей были яркие букеты цветов, которые они должны были преподнести Гейдару Алиеву в знак всенародной любви.

Как только Гейдар Алиев показался на ступеньках своего вагона, ряды дрогнули. Ребятишки с цветами пришли в движение. Подталкивая друг друга, они окружили Гейдара Алиева. По очереди преподнесли ему свои подарки. Он поцеловал самых маленьких, других погладил по голове. Вслед за детьми к руководителю страны поспешили главы районных организаций, аксакалы и учителя.

Гейдар Алиев явно не хотел продлевать пышность встречи. Коротко поздоровавшись со всеми, дал указание продолжить путь. Мы сели в закрепленные за нами машины – «Чайки», «Волги», «Газ-51» и «Жигули». Утреннюю тишину нарушил рев десятка моторов...

Неподалеку от въезда в Бардинский район, в каком-то живописном местечке караван машин остановился. Под шатром густых развесистых деревьев были рядами выставлены столы, на которых громоздились горы фруктов и минеральной воды.

Нас пригласили к завтраку. Мы утолили голод и жажду и через 15-20 минут вновь сели в машины.

В тот день до самого вечера мы объезжали хлопковые плантации пяти колхозов. Встречались с передовыми хлопкоробами. Интересовались тем, как идет сбор хлопка, какие есть проблемы. Писатели делали заметки в блокнотах, фотокорреспонденты – снимки. Журналисты брали интервью. Художники набрасывали эскизы. Даже композиторы что-то писали в своих нотных тетрадах.

Гейдар Алиев везде шел впереди нас. Не обращая внимания на пыль, которая садилась на его костюм, раздвигая хлопковые кусты, он шел вглубь плантаций, встречался с хлопкоробами, расспрашивал их о положении дел, решал на месте возникающие проблемы. А порой, не удовлетворившись разговорами, надевал фартук и сам занимался сбором хлопка. Таким образом он смягчал общую атмосферу и налаживал мосты для искреннего, доверительного общения.

После знакомства с участком под шатром каждой бригады начиналось своеобразное полевое совещание. И ходом этого совещания непосредственно руководил Гейдар Алиев. Он так строил свою беседу с колхозниками, что уже не было необходимости во вмешательстве местных властей для каких-либо пояснений. Бригадир, звеньевые или просто рядовые труженики выходили вперед и излагали свои соображения по существу дела. А в конце выступления, как правило, брали добровольные обязательства перевыполнить план на несколько процентов.

Довольный их трудовым энтузиазмом, Гейдар Алиев в конце произносил пламенную заключительную речь. Призывал людей работать с еще большей отдачей, собрать урожай без потерь и в намеченные сроки, желал им успеха, вдохновлял на новые победы. В тот день на полях царила удивительно доброжелательная и вместе с тем деловая атмосфера. На меня общение Гейдара Алиева с тружениками села произвело большое впечатление.

Обедали мы в районном центре. К тому времени уже наступили сумерки, становилось темно. Второпях ознакомившись с достопримечательностями древней Барды, мы поспешили в Дом культуры – на зональное совещание. Свободных мест не было, так как в зале собрались руководящие работники соседних хлопкосеющих районов, а также передовики производства – бригадир, звеньевые и пр. Совещание прошло очень оживленно. Выступления следовали одно за другим. Большинство ораторов говорили о недостатках, мешающих выполнению плана, особенно о материально-технических проблемах. В заключение Гейдар Алиев вновь выступил с обширной, содержательной речью. Тех, кто дремал, устав от однообразных речей, буквально разбудил его бодрый энергичный голос.

Он обстоятельно проанализировал проделанную работу, отметил успехи и достижения того или иного района. Однако не прошел и мимо допущенных недостатков.

Вернулись мы в Евлах глубокой ночью. Заснули, как убитые, в прохладном уютном вагоне и открыли глаза уже в Али-Байрамлы.

Поднялись снова на рассвете, когда горизонт едва окрасился багрянцем. Заночевавший над Муганской степью туман медленно поднимался вверх. На луга пала серебряная роса. А наш путь лежал в Сабирабад...

Здесь уже не было повторения пышной встречи в Барде. Во всяком случае, никто из местных жителей нас особо не привечал. Наверное, таким было указание сверху. Мы сразу отправились на плантации. Надо заметить, что сабирабадцы вырастили отменный урожай хлопка. Женщины-хлопкоробы уже с рассвета были на своих участках...

Здесь тоже все шло по программе: мы опять побывали в пяти крупных хлопководческих колхозах, снова встречи, обмен мнениями, совещания. Не знающий устал Гейдар Алиев произнес много речей, вдохновляя и поощряя тружеников на новые победы. Во всех пяти колхозах, которые мы в тот день посетили, нас поразила атмосфера подлинного энтузиазма. Однако зональное совещание не походило на вчерашнее. В самом начале мероприятия Гейдар Алиев казался чем-то расстроенным. Он сразу повернул заседание в критическое русло. Раскритиковал председателей колхозов, руководителей районов за неудовлетворительную организацию сбора хлопка, за случаи недисциплинированности, халатности. Он, например, говорил о том, что с таким трудом выращенная продукция валяется на земле, покрываясь пылью, смешиваясь с грязью. Он называл это настоящим вредительством. А когда глава района что-то хотел сказать в свое оправдание, он сердито оборвал его: «Ты не справляешься со своими обязанностями. Я очень недоволен твоей работой». Эти суровые упреки буквально потрясли главу района. До такой степени, что он побледнел, потерял равновесие и едва не упал с трибуны. Гейдар Алиев сразу же разрядил обстановку, сменив гнев на милость и даже пошутив с бедолагой.

После напряженных часов совещания нас пригласили на чай в отдельной комнате. Гейдар Алиев сидел в глубоком кресле, свесив обе руки вниз и склонив голову на правое плечо. На его почерневшем от солнца лице, в прищуренных глазах читалась безмерная усталость. Нелегкое ведь это дело – он уже двое суток работал и говорил без перерыва. При виде нас выпрямился и весело сказал:

– Ну что, друзья, вы, кажется, очень устали. Если вы устали, то представьте на мгновение мое состояние. Признаюсь, я совсем обессилел. Иначе встретил бы вас стоя.

Нуреддин Бабаев ответил быстрее всех, с речистостью настоящего учителя:

– Понятно, почему вы так устали, Гейдар-муаллим, вы два дня трудитесь без усталости. Общаетесь с людьми. На каждой встрече произносите убедительные речи, очень содержательные и глубокие. Я ведь, кроме писательства, еще и учитель. Читаю в университете лекции. И по своему опыту знаю, как изнуряет человека долгий разговор. К тому же мы, преподаватели, проводим лекции в аудиториях, закрытых помещениях. А вы – на открытом воздухе, под палящими лучами солнца, в окружении трудящихся ведете понятную всем беседу. Тут, конечно, устанешь...

Эти искренние слова вызвали у всех улыбку. И подняли Гейдару Алиеву настроение. Он поблагодарил Нуреддина Бабаева, выпрямился в кресле. Приподнял руки с подлокотников и скрестил их на груди. А затем бодрым голосом неторопливо перешел к сути дела:

– Уже полночь, времени у нас совсем мало. Перейдем к основному вопросу. Позвал я вас сюда для того, чтобы вы поделились со мной впечатлениями от поездки. Что вы увидели? Что услышали? Чему стали свидетелями? Мне это все очень интересно. Вы люди творческие, с ясным умом. Глаза у вас острые, наблюдения меткие. Прошу вас, не стесняйтесь, поделитесь своими наблюдениями.

И вновь вперед вышел Нуреддин Бабаев. Он был очеркистом. По заданию редакций газет и журналов часто посещал колхозы, промышленные предприятия. Затем писал очерки, статьи, репортажи. Так что в хозяйственных делах в определенной степени разбирался. Нуреддин сказал о том, что увиденные им хлопкоробы преданы своему делу, хорошо разбираются в профессии и питают к Гейдару Алиеву огромную любовь. Затем своими впечатлениями поделились другие участники поездки. В конце Гейдар Алиев посмотрел на меня. Я поднялся на ноги. По своему обыкновению, не смог произнести никаких пышных фраз, сказать что-то восторженное. Просто поделился некоторыми наблюдениями. Обратил, в частности, внимание на инцидент, произошедший на последнем зональном совещании. Вспомнил ситуацию, в которой оказался первый секретарь райкома. И то, как мастерски сумел Гейдар Алиев вывести этого секретаря из состояния психологического стресса. Я отметил это, как наиболее запомнившийся мне позитивный пример.

Не знаю, какое впечатление произвели на Гейдара Алиева мои слова. Сам я, честно говоря, находился в ожидании продолжения нашего разговора на бакинском вокзале, оставшегося неоконченным. Однако продолжения не последовало. Может, он посчитал его неуместным в данной обстановке.

...Через пять-шесть дней после возвращения из поездки на основе увиденного я написал большой очерк и опубликовал его в главной газете республики – «Коммунист».

* * *

...Вторая наша встреча состоялась три года спустя в Москве, в Кремлевском Дворце съездов. В то время Гейдар Алиев уже не работал в Азербайджане, и должность у него была еще выше. Его избрали членом Политбюро ЦК КПСС и назначили первым заместителем Председателя Совета Министров СССР.

В величественном Дворце съездов вот уже два дня как проходил съезд писателей РСФСР. Члены Политбюро участвовали в мероприятии. Гейдар Алиев в их числе находился в президиуме. Внимательно слушал порой резкие, порой спорные выступления писателей. Я присутствовал на съезде как представитель азербайджанских писателей.

Места во дворце были распределены согласно алфавиту. Поэтому сидел я впереди – в середине второго ряда – и отчетливо видел со своего места Гейдара Алиева. Я испытывал чувство гордости. Да и было от чего: выдающийся сын маленькой по территории республики был в одном ряду с самыми влиятельными руководителями огромной страны. По-моему, Гейдар Алиев тоже меня заметил. Он порой оборачивался и смотрел в мою сторону.

Утреннее заседание закончилось примерно в два часа. А после вечернего заседания все члены Политбюро отчего-то торопливо покинули президиум. Лишь Гейдар Алиев замедлил шаг. Обернувшись, вновь посмотрел в мою сторону. Я нерешительно, издали поздоровался с ним. Он приветливо улыбнулся и рукой позвал меня к себе. Только я сделал два-три шага навстречу, как путь мне преградили двое плечистых парней в гражданской одежде. Я понял, что это сотрудники охраны. В тот же миг послышался окрик Гейдара Алиева, обратившегося к ним по-русски:

– Пропустите его!

Охранники сразу попятились назад. Освободили мне место для прохода. Я прошел вперед, а Гейдар Алиев спустился на несколько ступенек вниз. Пожали друг другу руки, и он начал участливо меня расспрашивать:

– Ну как ты? Что делаешь?

Я смущенно ответил:

– Спасибо большое, неплохо.

По-видимому, я был не подготовлен к такой искренней беседе. Даже голос в какой-то момент дрогнул. Гейдар Алиев, конечно, почувствовал мое смущение. Как истинный политик, он обладал обостренным зрением и чувствами. Поэтому направил разговор в свободное русло:

– Чем заняты твои коллеги-писатели? Как идут ваши дела?

– Все в порядке, – ответил я. – Все передают вам большой привет.

По чуть похолодевшему взгляду Гейдара Алиев понял, что он остался недоволен моими ответами. Да и мне самому мои ответы не понравились. Слова будто тащили из меня клещами. Что поделать, если, в отличие от некоторых своих собратьев по писательскому цеху, я так и не научился лезть на глаза сильным мира сего, ментально налаживать теплые, доверительные отношения. В этом смысле мой язык никогда не приходил мне на помощь. Однако, несмотря на изменившееся выражение лица, тональность голоса Гейдара Алиева оставалась по-прежнему мягкой и ласковой.

– Ну хорошо, может, у тебя есть какая-то просьба? – спросил он.

Просьба, конечно, была. Жилищные условия нашей семьи были невыносимыми (они и сегодня оставляют желать лучшего). Я неоднократно обращался с письмами, заявлениями в соответствующие органы. Даже отправлял телеграммы на самый верх. Однако положительного ответа так и не получил.

И вот теперь у меня появился прекрасный шанс решить проблему. Но вот задача... у меня будто в горле пересохло.

Не потому, что я стеснялся или опасался чего-то. Просто не хотелось говорить о личных делах во время разговора «на ходу».

Гейдар Алиев не стал меня больше расспрашивать. Вытащил из кармана визитную карточку и протянул ее мне.

– Возьми, – сказал он, – если захочешь прийти ко мне, позвони. К телефону подойдет мой помощник. Скажешь ему, что я сам тебя вызвал.

Я с благодарностью взял карту. Мы снова обменялись рукопожатиями. Он сердечно попрощался со мной и ушел. А я еще долго стоял на месте, с изумлением глядя ему вслед...

На следующий день я позвонил по указанному номеру, уже внутренне подготовившись к предстоящему разговору. Основательно обдумал, что и как буду говорить. Трубку взял помощник. Выслушав меня, вежливо ответил, что Гейдар Алиевич отправился в командировку по очень важному вопросу. Вернется к концу недели. Я расстроился. Ожидать в Москве конца недели у меня не было возможности. Съезд уже завершал свою работу. И билеты на обратную дорогу всем делегатам были розданы. Если останусь в гостинице еще на несколько дней, вынужден буду платить за проживание из своего кармана. А я поиздержался в столице – купил обновки детям, запаса продуктами, которых не было в Баку. В общем, решил не дожидаться. Подумал, что позвоню попозже, из Баку. С этой надеждой и вернулся домой. После несколько раз пытался связаться с приемной Гейдара Алиева, говорил с помощником. Но наш разговор так и не состоялся...

* * *

И снова прошли годы. Рухнула советская система. Союз социалистических республик распался. Мы обрели независимость. Как говорил поэт злосчастной судьбы Мухаммед Хады, мы поставили свою подпись в ряду других весомых и важных подписей народов мира. Однако наша радость продолжалась недолго. Внутренние и внешние враги создали нам серьезные проблемы. Начались распри между властью и оппозицией, различные партии и группировки принялись перетягивать канат на себя. Воспользовавшись этим, враг начал опустошать наши села и города, которые почти без сопротивления сдавались вооруженным армянским формированиям. Мы уже ни на что не надеялись, потеряв веру даже во Всевышнего. Народ остро ощутил потребность в умном, волевом, обладающем богатым политическим опытом руководителе, который мог бы возглавить страну. И взоры всей нации обратились к Нахчывану, Верховным Меджлисом которого руководил Гейдар Алиев.

Вышедший из состава Политбюро, вернувшийся из Москвы, этот мудрый, обладающий колоссальным интеллектом человек отправился в Нахчыван, где за короткий срок завоевал большое доверие у народа, с которым наладил живое, искреннее общение. Это доверие и вознесло его вновь на вершину власти.

А «фронтовики» в самый напряженный и непредсказуемый момент были вынуждены обратиться к нему за помощью. Отправили в Нахчыван «просителей» из числа известных представителей интеллигенции, посылали за ним самолет. В конце концов получили согласие. Гейдар Алиев прибыл в Баку. Сперва был избран Председателем Верховного Совета, а после того, как Абульфаз Эльчибей обосновался в Келеки, Милли Меджлис передал Гейдару Алиеву президентские полномочия. Руль государственного управления оказался в надежных руках. В беспокойном, растревоженном внутренними распрями обществе постепенно восстановилась стабильность. Хотя положение на фронте, в местах кровавых боевых столкновений все еще оставалось тяжелым. Однажды вечером по телевидению показали очень впечатляющий, волнующий репортаж. Диктор сообщила, что некая пожилая женщина с оружием в руках отправляется на фронт. Ее единственный сын героически погиб в боях за родину. И вот теперь мать, надев солдатскую форму сына, идет на фронт, чтобы отомстить за его кровь.

Это событие меня крайне тронуло, просто до слез. Некоторое время я находился в состоянии душевного волнения. А потом в голове родился замысел повести «Мечь матери», и я тут же взялся за перо. Работал день и ночь. Через пару месяцев

повесть была закончена. Первое крупное произведение в нашей литературе о гарабахской войне, эта повесть была частями опубликована в самой читаемой газете того времени «Сяхяр» («Утро») и вызвала широкий интерес у читателей.

На следующий день по окончании публикации повести в газете мне позвонил директор и художественный руководитель Национального академического драматического театра, талантливый актер Гасанага Турабов, и попросил прислать рукопись повести «Мечь матери»: «Я не сумел до конца прочитать повесть в газете, – сказал он. – Однако коллеги мои прочитали. Повесть особенно запала в душу Лейле ханым (*Народная артистка Азербайджана Лейла Бедирбейли – В.Б.*). Она мечтает воплотить на сцене героический образ матери, заменившей сына на поле боя. Прошу, пришлите мне повесть, я ее почитаю. И подумаем над ее инсценировкой».

Конечно, я отправил Турабову экземпляр повести. Он прочитал ее за два-три дня и вызвал меня в театр. Определил мне в качестве консультанта режиссера Бахрама Османова. За лето пьеса была готова. Она прошла через художественный совет, и начались репетиции под руководством Османова.

Постановку завершили в течение месяца. После внутреннего просмотра Турабов, взяв меня под руку, повел в свой служебный кабинет. Хитро прищурился по своему обыкновению и сказал: «Постановка получилась неплохая. Верю, что и общественность примет ее тепло. А ты знаешь, что сделай: бери трубку моего официального телефона и звони напрямую господину Президенту. Приглашай его на премьеру. Он тебя знает и не откажет в просьбе».

Меня взяло сомнение. Не будет ли это выглядеть неэтичным? И потом, неужели Гейдар Алиев сможет прийти на представление в столь напряженное для республики время, когда проблем у него выше головы? Но Турабов всерьез настаивал: «Послушай меня! Ну что тебе стоит, ты же не делаешь ничего предосудительного. Написал произведение на важнейшую тему, на злобу дня. Отобразил, так сказать, смертельную схватку за Гарабах. А мы, в свою очередь, успешно воплотили твой замысел на сцене. Мне кажется, что это приглашение придется господину Президенту по душе. И хотя государственных дел у него действительно выше крыши, он найдет для этого время. Он очень любит театр».

Я продолжал колебаться. Молча пожал плечами. Турабов обиделся: «Не говори лишнего, просто сообщи о своей просьбе помощнику Президента. Говори от имени всего коллектива...»

И снова я не двинулся с места. А потом поведал причину, которая связывала мне руки.

– Понимаешь, боюсь, что мы вызовем его недовольство. Господин Президент может подумать, что в этот тяжелый, напряженный для республики час мы думаем о собственной славе. Что мы ожидаем от него некоего поощрения, премии.

Гасанага Турабов недовольно поморщился, покачал головой. Обиженно закричал. А потом заговорил с горячей убежденностью:

– Конечно, я сам могу пригласить господина Президента от имени нашего коллектива. Тут нет никакой проблемы. Однако твое обращение к нему, как автора, было бы более целесообразным.

Упорствовать далее было бессмысленно. Я подошел к телефону. Номер набрал сам Турабов. Помощник Президента узнал меня. И сказал, что непременно доведет мою просьбу до адресата. Мне почему-то в это мало поверилось.

Мы расстались с Турабовым, и я поехал домой. Только поставили передо мной стакан чая, как зазвонил телефон. Причем звонок был похож на звонок междугородней связи. Я ощутил волнение, с беспокойством поднял трубку.

Женский голос по ту сторону трубки произнес официальным тоном:

– С вами будет говорить помощник Президента. Пожалуйста, подождите немного.

Я подождал. На сердце сразу стало спокойно оттого, что я понял: этот звонок не предвещает плохой новости. Скорее, наоборот. Помощник поздоровался со мной и дал понять, что я буду говорить с господином Президентом.

– Вы пока положите трубку. Мы вам опять позвоним.

Опять ожидание. Опять звонок телефона. Тот же голос помощника в трубке.

– Видади-муаллим, будьте на связи, я сейчас соединю вас с господином Президентом.

Однако «соединение» растянулось надолго.

– Здравствуй, как поживаешь? – вдруг услышал я знакомый голос. – Говорят, ты мне звонил. Что за вопрос?

Я поблагодарил за внимание и повторил свою утреннюю просьбу. Наступила тишина. Гейдар Алиев задумчиво спросил:

– Когда состоится премьеры?

– 14 мая, – ответил я.

Он помолчал несколько мгновений, затем спросил:

– А почему выбрали именно эту дату?

Я ответил, что ничего не могу сказать по этому поводу. Наверное, так решило руководство театра вместе с Министерством культуры.

И вновь тишина. Голос Гейдара Алиев стал озабоченнее:

– В тот день у меня куча дел. Гости приедут из-за границы. Не знаю, получится ли. А вторая премьеры когда?

– Через два дня, 16-го, – сказал я.

В голосе Гейдара Алиева вдруг послышались бодрые нотки:

– Вот тогда я и приду, – сказал он. – Обязательно приду. У тебя ко мне еще что есть?

Его искренность развязала мне язык, я почувствовал себя увереннее.

– Да, господин Президент, я хотел бы с вами поговорить. Есть некоторые трудности...

Гейдар Алиев заторопился, оборвал меня.

– Ну вот и хорошо, у меня тоже есть, что тебе сказать. Приду, увидимся в театре, спокойно поговорим. До свидания! Товарищам от меня привет...

В трубке что-то щелкнуло. Связь прервалась. Я перевел дух и, радостный, позвонил Турабову. Гасанага закричал в трубку от восторга:

– Здорово! Ну, здорово! Ты меня просто окрылил этой новостью. Молодчина!

Потом, уже несколько успокоившись, добавил:

– Мы должны на второй премьеры выложиться до конца! Готовиться надо еще более тщательно, с большой ответственностью...

Мы оба ожидали того дня с великими надеждами. Однако... недаром же говорили отцы: человек предполагает, а Господь располагает. Мне опять не повезло. Случилась неожиданная трагедия. Внезапно скончался муж актрисы Лейлы ханым Бедирбейли, погиб в автокатастрофе. Понятно, что в таком состоянии Лейла ханым не могла выйти на сцену. Она и не вышла. В связи с тем, что не было дублера, спектакль отложили на сорок дней. А затем театр ушел на летние каникулы...

* * *

...Прошло еще два года. В Академическом драмтеатре проводили мой юбилей, отмечали 70-летие. В самый разгар вечера кто-то шепнул мне на ухо, что со мной хочет говорить господин Президент. Я поднялся с места и прошел за кулисы. Только поднес к уху трубку, как услышал ласковые интонации знакомого голоса. Поприветствовав меня, Гейдар Алиев стал извиняться:

– Прости, – сказал он, – мне поздно сообщили, и я не смог принять участие в твоём юбилее. Желаю тебе крепкого здоровья и новых творческих успехов! Пусть перо твоё будет ещё более острым!

Подобное внимание, забота о моей скромной персоне бесконечно растрогали меня. Какое приветливое, тёплое отношение! И разве это только ко мне? Конечно же, нет. В начале своих заметок я писал, что Гейдар Алиев всегда относился к интеллигенции – к деятелям культуры, науки, искусства – с особой симпатией. Каждому оказывал государственную заботу в соответствии с уровнем таланта, общественным весом и популярностью. Если мы испытывали экономические трудности, материальные проблемы, он предоставлял нам президентские стипендии, как это было сделано в отношении меня. И это тоже было проявлением той самой заботы.

В этой связи мне вспомнился эпизод, который прекрасно характеризует его как истинного руководителя, а также его высокие человеческие качества. Немного отвлекусь, чтобы донести до читателя свою мысль.

...Стояли жаркие дни июля 1995 года. Мы собрались, чтобы почтить память очень талантливого писателя и редкую, цельную личность, моего друга Исмаила Шихлы. Величественный Дворец культуры имени Шахрияра не вмещал всех участников прощальной церемонии. Прощание началось позже запланированного срока. Все ожидали Гейдара Алиева. Он сам дал указание, чтобы прощание не начинали без него. В эти дни Президент Украины Леонид Кучма находился в Баку с официальным визитом. Похороны Исмаила Шихлы случайно совпали с церемонией проводов украинского президента. Гейдар Алиев вернулся из аэропорта около пяти часов вечера. Несмотря на усталость, встал в почетный караул. А затем произнес горячую речь. Выразил глубокое уважение к личности Исмаила Шихлы.

Честно говоря, я был поражен. Поражен широтой души этого выдающегося человека, его искренним отношением к ведущим представителям нашей интеллигенции. Будь на его месте кто-нибудь другой, он, вполне вероятно, не пришел бы на церемонию прощания. Под предлогом важного государственного мероприятия не стал бы себя дополнительно утруждать. Но тогда бы он не был Гейдаром Алиевым. Каждый его шаг, каждый поступок – это большой жизненный урок. И те, кто в состоянии постичь эти уроки, никогда не останутся в проигрыше.

Я мало общался с этим выдающимся человеком, но уроки, которые он мне преподал, постиг навсегда.

Да упокоится навеки душа его!

15 июня 2018 года

ЛЯМАН БАГИРОВА

ДВА ЭССЕ

Сломанное копьё

Принято считать, что те, кто веселит других, сами люди угрюмые и мрачные. Не знаю...

Маленькая клоунесса Майя – далекое воспоминание, островок безграничного света и счастья в моей душе. Она и в жизни была такой же искрящейся и веселой, как на арене.

Кипарисовый воздух, низкие звезды, август в Феодосии – это мои десять лет. И маленькая клоунесса, приехавшая на отдых в Крым. Мы снимаем комнаты в большом доме: в одной – родители и я, в другой – Майя. И все дни проводим вместе!

Меня за уши не оттащить из ее комнаты! Ах, какое богатство: огромные театральные веера, шляпки, разноцветные костюмы (Бог знает, для чего она привезла их с собой), которые она беспрестанно чинила, тряпичные куклы и уйма мотков цветной пряжи – Майя каждую свободную минутку вяжет. Кофточки, шали, шарфы, скатерти. Вязание нарядное и ... неоконченное. Ни одно!

Майя хохочет, и развеселые слезы брызгают на короткий веснушчатый нос.

– Ну, такая уж я Пенелопка уродилась, – говорит она, – ничего не могу окончить. Скучно! А должно быть весело!

И она снова смеется. И кажется, что солнце смеется вместе с ней – солнцем залита ее комната!

– Нет, я не Пенелопка, – переводит она дух, – я чеховская Душечка!

Я не знаю, кто это такая, и Майя, стараясь быть серьезной, поясняет:

– Видишь, у меня все вещи – то там что-то оторвано, то здесь отломано. А у Чехова есть такой рассказ «Душечка», там героиня похожа на кресло с отломанной ножкой.

Это уже интереснее, чем веера и шали. Чтобы человек был похож на мебель – такого мне еще не приходилось слышать. Я распахиваю глаза пошире, а Майя, видя мое недоумение, снова смеется:

– Ей просто грустно, рядом с ней никого нет, и ей кажется, что она – как ненужное кресло без одной ножки.

Вдруг ее улыбка меркнет, и Майя произносит как бы внутрь себя:

– Поломанные вещи – как люди, у которых никого нет.

О том, что у самой Майи нет ни семьи, ни детей, ни близких, я не знаю. Да это и не волнует мое десятилетнее сердце. Ее облик не вяжется с тем, что люди называют печалью.

Майя на минуту умолкает и задумчиво постукивает по столу чайной ложкой. У той необычная ручка, длинная, в виде двух всадников – одного худого и длинного, на тощей кляче, и другого – толстенького, кругленького, на осле. У худого всадника в руках сломанное копьё.

– Даже Дон-Кихот мой инвалид, – роняет Майя и вновь улыбается.

Улыбка ее широкая, светлая, но мне почему-то уже не так весело.

Майя, резко встравнувшись, начинает негромко декламировать:

*Кто говорит, что умер Дон-Кихот?
Вы этому, пожалуйста, не верьте:
Он не подвластен времени и смерти,
Он в новый собирается поход.
Пусть жизнь его невзгодами полна –
Он носит раны, словно ордена!
А ветряные мельницы скрипят,
У Санчо Пансы равнодушный взгляд –
Ему-то совершенно не с руки
Большие, как медали, синяки.
И знает он, что испокон веков
На благородстве ловят чудаков,
Что прежде, чем кого-нибудь спасёшь,
Разбойничий получишь в спину нож...
К тому ж спокойней дома, чем в седле.
Но рыцари остались на земле!
Кто говорит, что умер Дон-Кихот?
Он в новый собирается поход!
Кто говорит, что умер Дон-Кихот?*

Я мало что понимаю. Но картинка навсегда отпечатывается в сердце: крымский август, светлая комната, на столе – персиковое варенье в вазочке и ложка с затейливой ручкой. Смешная клоунесса читает серьезные стихи. Это было мое первое знакомство с поэзией Юлии Друниной.

Это потом уже я узнала, что больше всего на свете Юлия Друнина любила старокрымские леса, а жили мы неподалеку от них. И в том, что впервые ее стихи прозвучали для меня именно в этих местах, я бы усмотрела особый знак Судьбы. Но тогда, в далеком 1979 году, ни о каких знаках судьбы вообще не думалось.

*Куры, яблони, белые хаты –
Старый Крым на деревню похож.
Неужели он звался Солхатом
И ввергал неприятеля в дрожь?*

*Современнику кажется странным,
Что когда-то, в былые года,
Здесь бессчетные шли караваны,
Золотая гуляла Орда.*

Второй раз стихи Юлии Друниной я открыла для себя уже в институте. Маленькая книжка в зеленом переплете. На обороте титульного листа изображена очень красивая женщина. Светлые локоны, изящный, но твердый овал лица, огромные лучистые глаза, аристократическая форма носа. Первое впечатление: волевая и хрупкая. Вглядевшись лучше, поняла – больше хрупкая. Пронзительно вспомнилась ложка с ручкой в виде всадников. Дон-Кихот с обломанным копьем. По сути, таким же Дон-Кихотом была она сама...

Ее стихи прицельны и лаконичны, лиричны и по-военному строги. Казалось бы, сама судьба готовила ее к солдатской доле, к войне, где нет полутонов – мир делится на черное и белое, на своих и чужих.

Юлия Владимировна Друнина родилась 10 мая 1924 года. День рождения стал для нее особенно дорогим после 1945 года, ведь праздновался он на следующий день после Победы. Победы, которую старшина Друнина по праву могла назвать своею.

*Нет, это не заслуга, а удача –
Стать девушке солдатом на войне,
Когда б сложилась жизнь моя иначе,
Как в День Победы стыдно было б мне!...*

Она родилась в Москве в семье педагога и библиотекаря. Училась в школе, где преподавал историю ее отец. Возвращалась в коммунальную квартиру, где они жили, и в которой мать после работы давала уроки музыки. С детства писала стихи и была уверена, что станет литератором.

«В школьные годы я была, так сказать, жрицей чистого искусства. Писала только о любви, преимущественно неземной, о природе, конечно, экзотической, хотя не выезжала никуда дальше дачного Подмосковья. Замки, рыцари, прекрасные дамы вперемешку с ковбоями, лампасами, пампасами и кабацкими забулдыгами – коктейль из Блока, Майна Рида и Есенина. Всё это мирно сосуществовало в этих ужасных виршах. Мы пришли на фронт прямо из детства. Из стихов моих сразу как ветром выдуло и цыганок, и ковбоев, и пампасы с лампасами, и прекрасных дам» (из воспоминаний Ю. Друниной).

Десятиклассницей она начала свой путь по дорогам войны. Первый шаг к фронту был сделан в глазном госпитале, где она работала по совету отца, затем, после эвакуации родителей, в сибирском военкомате («...Я видала один военкомат – / Свой дот, что взять упорным штурмом надо»), потом в хабаровской школе авиаспециалистов, где получила первую премию за литературную композицию. И, наконец, в звании санинструктора в 1943 году ее направили на Белорусский фронт.

В боях на территории Белоруссии близ поселка Озаричи погибла близкая подруга Юлии – медсестра Зинаида Самсонова, впоследствии Герой Советского Союза. Именно ей Друнина посвятила одно из проникновенных своих стихотворений «Зинка». Друнина видела, как гибли молодые ребята, которым не было еще и двадцати лет. В одном из стихотворений она приводит статистические данные: «По статистике, среди фронтовиков 1922, 1923 и 1924 годов рождения к концу войны в живых осталось три процента».

*Я только раз видала рукопашный,
Раз – наяву, и тысячу во сне,
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

В боях за Латвию она получила тяжелое ранение в шею. Осколок едва не перерезал сонную артерию, осталось всего два миллиметра. Из госпиталя Друнина вышла инвалидом. Вернулась в Москву, пыталась поступить в Литературный институт. Но неудачно, стихи ее называли незрелыми.

Инвалидность давала ей возможность не возвращаться на фронт, но она настояла на отправке в свой полк. Однако в одном из боев она была контужена и вскоре комиссована – 21 ноября 1944 года. (Спустя ровно 47 лет в этот же день Юлия Друнина трагически уйдет из жизни)

С фронта Друнина возвращалась с орденом Боевого Красного Знамени. И, как была – в сапогах и солдатской шинели, начала посещать занятия в Литературном институте. Выгнать инвалида войны никто уже не решился.

До конца своих дней она так и не смогла забыть военные годы. Все ярче и ярче становятся фронтовые образы. Они мучают ее, не дают покоя. Мерилом несчастий для нее на всю жизнь остается война. Она видела и слышала войну во всем – в шелесте подмосковной листвы, шуме московских улиц и грохоте крымского прибоя, который «звякает отстрелянными гильзами».

*Я порою себя ощущаю связанной
Между теми, кто жив
И кто отнят войной...
Я – связанная.
Бреду в партизанском лесу,
От живых
Донесенье погибшим несусь.*

Даже спустя десятилетия по военной привычке она делила окружающих на своих и чужих, чувства – на любовь и ненависть, а цвета – на черное и белое. И когда в начале 90-х перевернулось с ног на голову все, чем она жила, что любила, во что верила, поэтесса просто не смогла этого пережить: «*Как летит под откос Россия, не могу, не хочу смотреть*».

А еще Юлия Друнина не могла жить без любви. «*От первой любви до последней/ у каждого целая жизнь*», – писала она. Ее первой любовью был молодой комбат – учитель из Минска, погибший у нее на глазах.

*Убивали молодость мою
Из винтовки снайперской,
В бою,
При бомбежке
И при артобстреле...
Возвратилась с фронта я домой
Раненой, но сильной и прямой –
Пусть душа
Едва держалась в теле.*

Вторую любовь встретила она в Литинституте в 1944 году. Это был начинающий поэт Николай Старшинов. В этом же году Юлия и Николай поженились, и вскоре на свет появилась маленькая дочка Лена. События были радостными, но такими стремительными, что Юлия сразу ощутила бег времени. А мириться с этим она – красивая женщина – принципиально не хотела.

*Скажи мне, детство,
Разве не вчера
Гуляла я в пальтишке до колена?
А нынче дети нашего двора
Меня зовут с почтеньем
«мама Лены».*

Красота была одновременно ее счастьем и бедой одновременно. Очаровательна она была настолько, что однажды на вопрос американских журналистов, как ей удалось сохранить такую потрясающую женственность на фронте, Друнина с достоинством ответила, что на войне как раз и отдавали жизни во имя красоты, женственности и материнства, потому что на этом строится мир.

Но и страданий красота приносила ей немало. Один из конфликтов был с поэтом Павлом Антокольским, который тогда вел у нее семинар. Антокольский настойчиво и гадко приставал к Юлии, и свидетелем этой сцены стал Старшинов. Они повздорили, и учитель, который до этого всегда хвалил стихи своей студентки, отчислил ее с курса «за бездарность»... Вскоре Друниной разрешили перевестись на другой семинар. Но принципиальная и бескомпромиссная Юлия не забыла обиды и через какое-то время резко выступила на собрании в Союзе писателей против П. Ан-

токольского. Выступление совпало с тем временем, когда шел разгром так называемых космополитов и было воспринято не только как антисемитское. Некоторые литераторы долго помнили и не могли простить ей его. Приписывали Бог знает, какие грехи. А выступление против него можно оценить лишь как реакцию обиженной девочки на бесцеремонное обращение с ней. Не больше. Девочки, которую оскорбили...

Второй раз ей стал оказывать недвусмысленные знаки внимания поэт Степан Щипачев. Пригласил к себе в редакционный кабинет, чтобы отобрать что-то из ее стихов для печати в журнале «Октябрь». Муж проводил ее до редакции, но сам остался ждать на улице. Но не прошло и четверти часа, как она выбежала к Николаю вся раскрасневшаяся:

«Ты представляешь, что придумал этот старый дурак? Только я вошла к нему в кабинет, он весь расплылся в доброй улыбке: «Очень хорошо, Юля, что вы пришли. Садитесь, садитесь вот сюда, на диван. Я уже прочитал все ваши замечательные стихи. И мы их непременно напещатаем. (У Щипачева был дефект речи, он произносил вместо ч – щ)»

Он сел рядом со мной на диване. Я отодвинулась от него, а он снова сблизился и обнял меня за талию. Я стала отстраняться. И тогда он произнес такую дурацкую речь: *«Ну, щего вы боитесь, нашей близости? Но ведь об этом никто не узнает. А зато у вас на всю жизнь останутся воспоминания о том, что вы были близки с большим советским поэтом!..»*

Я вскочила с дивана и стрелой вылетела на улицу от «большого советского поэта...»

К этому остается добавить, что стихи Юлии не появились в «Октябре», ибо «большой советский поэт» был разгневан и так отреагировал на несговорчивость юного дарования.

Лишний раз ее твердость и принципиальность подтверждает событие, произошедшее в 1952 году. От журнала «Сельская молодежь» ее командировали в Белоруссию, в село Озаричи. Здесь работал заслуженный учитель-фронтвик, о котором нужно было написать очерк. В гостинице ее встретила приветливая девушка, найти орденосца помогли мальчик и его дедушка. Однако встреча с ветераном разочаровала: он оказался надменным, кичащимся своими заслугами стариком, к тому же постоянно заискивающим перед поэтессой. Друнина наотрез отказалась писать о нем, но с нежностью вспоминала мальчика и его дедушку.

Тяготы послевоенного быта Друнина переносила стойко. Никто не слышал от нее ни жалоб, ни упреков. Но постепенно накапливались усталость, изможденность, она искала поддержки и не могла ни в ком ее найти. К этому времени отношения с Николаем Старшиновым сошли на нет... Вскоре они разошлись.

И именно в это нелегкое для нее время она встретила третью и самую яркую свою любовь – человека, который удивительно трогательно и трепетно к ней относился: Алексея Яковлевича Каплера, знаменитого сценариста, ведущего «Кинопанорамы», первую любовь Светланы Алилуевой.

Юлия стала его последней любовью и последней женой. Он был старше Друниной на 20 лет, но никто этого не чувствовал. Алексей Яковлевич сумел окружить ее такой теплотой и заботой, что Юлия ощущала себя счастливой каждый час, каждую минуту. Он оградил ее от всех бытовых забот, и это было очень ценно и трогательно, потому что в быту Юлия Владимировна была совсем беспомощна. Он знал, что она нуждается в особых, небанальных и ярких знаках внимания, что каждую минуту ей надо говорить, что она красива, любима, талантлива и делал это. Мог, например, зная, что она возвращается из-за границы, поехать встречать ее из Москвы в Брест. Когда поезд остановился, все ахнули: на перроне стоял Алексей Яковлевич с огром-

ным букетом цветов. Или посылать ей в самолет телеграммы, просто чтобы сказать, как он ее любит. В то время, как люди вокруг расходились и разводились, их семья оставалась островком семейной стабильности. Он понимал каждое ее слово, каждое дыхание.

Когда Каплер заболел, Юлия забросила все – стихи, общественную работу – и занималась только им. Когда врачи сказали, что жить ему осталось недолго, сделала все, чтобы муж об этом не узнал. Возможно, он догадывался, что его дни сочтены, но Юлия ни словом, ни жестом не дала ему этого понять. В его присутствии она всегда держалась, а плакала только тогда, когда он не видел. Само присутствие Алексея Яковлевича как будто облагораживало людей, находящихся рядом с ним, и Юлию – тоже: без него она была бы другой – более жесткой, даже черствой. Муж во многом ее смягчал, делал добрее, нежнее.

Лишившись опоры, Юлия Владимировна осталась один на один с реальной жизнью:

*Как страшно теперь просыпаться!
Как тягостно из Небытия
В Отчаянье вновь возвращаться –
В страну, где прописана я.
Весь мир превратился в пустыню,
Все выжжено горем дотла.
Какой я счастливой доньше,
Какой я счастливой была!..*

Это строки из поэмы «03», посвященной Каплеру. Поэма звучит как реквием по самой себе, будто уже тогда она похоронила себя вместе с мужем под черной гранитной плитой на старокрымском кладбище...

Мир вокруг продолжает рушиться. Все, что было понятным, исчезает, разывается. Юлия Друнина оказывается лишним – беспомощным и беззащитным – существом.

В 1990 году Друнина была избрана депутатом Верховного Совета СССР, хотя не любила заседания и совещания... Хотела защитить интересы и права участников войны. Не могла видеть, как страдают фронтовики ее поколения, как просят милостыню в переходах покаленные в Афганистане мальчишки.

Когда Друнина поняла, что реально изменить ничего не может, она отказалась от депутатского мандата. Вечный Дон-Кихот, она обломала не одно копьё в политических битвах. Но слабели руки, ломались копья, а ветряные мельницы новой истории по-прежнему издевательски вертелись. И Юлии Друниной становилось страшно. Даже на войне не было так страшно – там, по крайней мере, все было понятно, где свои, где чужие. А сейчас в мире все перемешалось и в дьявольской этой мешанине маленькому Дон-Кихоту не было места...

У нее была еще одна фобия – она очень боялась стареть. Это, увы, беда всех женщин, но красивые переносят ее болезненно. Юлия Владимировна запрещала печатать поздравления, где указывался ее настоящий возраст. И в официальных биографиях долго отсутствовал год рождения Друниной. Ей хотелось выглядеть не просто молодой, но и молодой, но ведь время не обманешь.

Как потом выяснилось, она замыслила самоубийство чуть не за год до того, как совершила его, – продумала и предусмотрела каждую деталь. Да, она не могла принять новую страну и себя в ней. Но, возможно, будь рядом с ней любимый человек, и не было бы того ужасного ноябрьского дня 1991 года, когда Юлия Владимировна зашла в гараж, где стоял старый «москвич», и, выпив снотворное, отравилась выхлопными газами. Письма с объяснениями своего поступка она оставила дочери,

зятю, внучке и единственной подруге – вдове поэта-фронтовика Сергея Орлова – Виолетте. Также оставила письмо для милиции.

С зятем Юлию Владимировну связывали очень теплые, доверительные отношения, они питали друг к другу безграничное уважение. Именно ему была адресована прощальная записка, которую Друнина прикрепила к двери гаража: «*Андрюша, не пугайся! Вызови милицию и вскройте гараж!*». Подругу и дочь она попросила отвезти урну с ее прахом в Старый Крым и похоронить в одной могиле с Каплером, где в свое время оставила на могильном камне место и для ее имени.

«...Почему уйду? По-моему, оставаться в этом ужасном, передравшемся, созданном для дельцов с железными локтями мире, такому несовершенному существу, как я, можно, только имея крепкий личный тыл...», – писала Юлия Друнина в одном из последних писем.

Крепкого тыла у нее уже не было. Оставалась хрупкость и ранимость. Сломанное копьё одинокого Дон-Кихота.

В августе 1979 года я с родителями и Майей посетили могилу А.С.Грина на старокрымском кладбище. Никто не знал тогда, что всего через двадцать дней здесь найдет покой Алексей Каплер, а еще через 12 лет и его жена – поэт Юлия Друнина. На маленькой стеле их профили выбиты вместе.

*Ты – рядом, и все прекрасно:
И дождь, и холодный ветер.
Спасибо тебе, мой ясный,
За то, что ты есть на свете.
Спасибо за эти губы,
Спасибо за руки эти.
Спасибо тебе, мой любимый,
За то, что ты есть на свете.
Ты – рядом, а ведь могли бы
Друг друга совсем не встретить..
Единственный мой, спасибо
За то, что ты есть на свете!*

Свет далекой звезды

Запахи, звуки, краски. Три волшебных кита, на которых стоял Новый год. И сердце мое летело навстречу этим китам, вбирало их сердцем, распаханутыми от счастья глазами.

Запахи. На первом месте, конечно же, кухня! Царь ароматов – пражский торт. В кухне колдует мама, а значит, будут и салаты, и закуски, и жаркое, и среди них – царь ароматов, пражский торт, нежнейший, словно шоколадное облако. И, конечно же, из столовой плывет аромат елки – царицы праздника, настоящей, с темно-изумрудной хвоей!

Звуки. Шелест, шуршание и шорох. Изумительный – до дрожи в сердце! – шелест распаковываемых подарков. Шорох и шуршание нарядной бумаги и картонных коробок, из которых извлекается сверкающее чудо – елочные игрушки.

Краски. Боже, сколько их! Разноцветный карнавал жизни – зеленые плюшевые занавески, бордовый ковер, белая скатерть и красавица ель, вспыхивающая яркими огнями. Предвкушение праздника сильнее его самого. Кажется, что и жизнь надо прожить вот так, предвкушая праздник!

Но в 1981 году к трем волшебным китам прибавилась грустная акула по имени Болезнь. И мир запахов, звуков, красок сразу увеличился. Прибавился запах лекарств, звук шаркающих тапочек и приглушенные цветочные пятна. Ослабевший после тяжелого гриппа организм наотрез отказывался бегать, а глаза болели от яркого света. Но попробуй в 12 лет от роду не покидать кровать, когда всю ощущается праздник! Пытка! Даже книги любимые не спасали!

Чтобы как-то удержать меня в лежачем состоянии, мама поставила около кровати радиоприемник. Энтузиазма он у меня не вызвал.

– Зачем? – безучастно спросила я. – Концерт по заявкам слушать?

– Хотя что-нибудь! – вскипела мама. – Ты понимаешь, что тебе пока скакать нельзя? Целый месяц болела, еле оклемалась. Ходишь, держась за стенку, как тень. Надо ведь восстановиться, набраться сил. Понимаешь?!

Я не понимала. Зато ясно осознавала, что бесцельное валяние в кровати продолжится. Маме, очевидно, было немного стыдно передо мной, но, что поделать – режим есть режим! Она ретировалась на кухню, а я в мрачайших чувствах включила приемник. Пусть уж развлекает, раз поставили. В черной его утробе что-то булькнуло, и бодрый женский голос сообщил, что «... прозвучат в исполнении Алексея Баталова». Не успела я понять, **ЧТО** прозвучат, как полился бархатный баритон:

*Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.*

И, словно по волшебству, новогодние звуки, запахи и краски отступили. Не исчезли, нет, но будто деликатно ступевались перед стихотворными строками. Когда же прозвучала последняя строфа:

*А если это так, то что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?*

– хотелось только двух вещей – чтобы магия поэтического слова продолжалась, и чтобы назвали автора этой магии. И когда бодро было произнесено: «Вы прослушали литературно-музыкальную композицию на стихи Николая Заболоцкого», я не удивилась. Эти проникновенные строки могли принадлежать только ему, создавшему изумительное поэтическое переложение «Слова о полку Игореве» и жемчужину его – «Плач Ярославны». Как, затаив дыхание, слушали мы в школе полные любви и нежности слова:

*Возледей же князя, господине,
Сохрани на дальней стороне,
Чтоб забыла слёзы я отныне,
Чтобы жив вернулся он ко мне!*

Нет, я уже не жалела о бесцельно проведенных часах постельного режима. И даже любимый праздник заиграл для меня новыми красками. Одни только завораживающие строки:

*Очарована, околдована,
С ветром в поле когда-то повенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная ты моя женщина,*

– забирали сердце в сладкий плен. Обычные слова, переплавленные в горниле таланта и любви, являли миру чудо. И с ним не хотелось расставаться. И хотелось узнать об их авторе как можно больше. Так началось мое открытие мира Николая Заболоцкого. Мира сложного, путаного, не всегда понятного, но невероятно притягательного.

Николай Алексеевич Заболоцкий родился 7 мая 1903 года близ Казани. Отец его был крестьянин, выучившийся на агронома, а мама – учительница, приехавшая с мужем в деревню из города. В третьем классе сельской школы Николай Заболоцкий начал издавать свой рукописный журнал с собственными стихами и очень любил творчество Блока и Ахматовой.

В 1920 году Заболоцкий уехал в Москву и поступил одновременно на филологический и медицинский факультеты Московского университета. Он выбрал медицинский, но проучился всего семестр и, не выдержав студенческой нищеты, вернулся к родителям в город Уржум.

Потом он переехал в Петроград, где поступил на отделение языка и литературы Пединститута имени Герцена, которое окончил в 1925 году. За душой к тому времени он имел, по собственному признанию, «объемистую тетрадь плохих стихов». А в 1926 году он был призван на военную службу. Армейская служба с 1926 по 1927 год пошла ему на пользу – именно в эти годы он написал свои первые значимые поэтические произведения.

Очень любил живопись. Любимыми художниками его были Шагал и Брейгель. Умение видеть мир глазами художника осталось у поэта на всю жизнь и повлияло на своеобразие поэтической манеры.

В 1927 году вместе с Даниилом Хармсом, Александром Введенским и Игорем Бахтеревым Заболоцкий основал литературную футуристическую группу ОБЭРИУ. В том же году состоялось первое публичное выступление обэриутов «Три левых часа». Заболоцкий стал в одночасье известным.

«Заболоцкий был румяный блондин среднего роста, склонный к полноте, – вспоминал писатель Николай Корнеевич Чуковский, – с круглым лицом, в очках, с мягкими пухлыми губами. Наружность у него была самая, что ни на есть, бухгалтерская, совсем не поэтическая. Манеры у него смолоду были степенные, даже важные. Впоследствии я даже как-то сказал ему, что у него есть врожденный талант важности – талант, необходимый в жизни и избавляющий человека от многих напрасных унижений. Сам я этого таланта был начисто лишен, всегда завидовал людям, которые им обладали, и, быть может, поэтому так рано подметил его в Заболоцком. Странно было видеть такого степенного человека с важными медлительными интонациями басового голоса в беспардонном кругу обэриутов – Хармса, Введенского, Олейникова. Нужно было лучше знать его, чем знал его тогда я, чтобы понять, что важность эта картонная, бутафорская, прикрывающая целый вулкан озорного юмора, почти не отражающегося на его лице и лишь иногда зажигающего стекла очков особым блеском».

Первый сборник стихов «Столбцы» вызвал бурю восхищения и негодования одновременно. Начиналась борьба против формализма, рождался социалистический реализм, а «Столбцы» не вписывались в него оригинальной авторской философией. Заболоцкого начали травить, причем больше усердствовали ближайšie бывшие единомышленники. Но он не подавал виду, что ему тяжело или больно. Ведь *«душа обязана трудиться»* – этими своими почти предсмертными строчками он выразил жизненное кредо, сформированное в молодые годы. И он не позволял душе лениться, расслабляться, жалеть себя.

«Искусство похоже на монастырь, где людей любят абстрактно. Искусство – не жизнь. Мир особый. У него свои законы, и не надо его бранить за то, что они не помагают нам варить суп», – писал он одному из друзей.

На выпускнице Петербургского педагогического института Екатерине Клыковой Николай Заболоцкий женился в 1930 году. В этом браке у него родилось двое детей. С женой и детьми он жил в Ленинграде, в «писательской надстройке» на канале Грибоедова.

«Это была, прямо говоря, одна из лучших женщин, которых встречал я в жизни, – писал об Екатерине Васильевне, жене Заболоцкого, Евгений Шварц. – Познакомился я с ней в конце двадцатых годов, когда Заболоцкий угрюмо и вместе с тем как бы и торжественно, а во всяком случае солидно сообщил нам, что женился. Комнату снимали у хозяйки квартиры. И мебель была хозяйкина. Принимал нас Заболоцкий солидно, а вместе и весело, и Катерина Васильевна улыбалась нам, в разговоры не вмешивалась. Напомнила она мне бестужевскую курсистку. Темное платье. Худенькая. Глаза темные. И очень простая. И очень скромная. Впечатление произвела настолько благоприятное, что на всем длинном пути домой ни Хармс, ни Олейников (весьма острые на язык) ни слова о ней не сказали. Так мы и привыкли к тому, что Заболоцкий женат».

В 1933 году Заболоцкий написал поэму «Торжество земледелия». И сразу после ее выхода власти признали Заболоцкого «апологетом чуждой идеологии» и «поборником формализма». В этом же году должна была выйти книга его стихов, но ее издание притормозили. Чтобы заработать себе деньги на жизнь, Заболоцкий начал работать в детской литературе, писал стихи и прозу для детей.

В 1937 году был опубликован второй сборник стихов Заболоцкого под названием «Вторая книга», а 19 марта 1938 года поэт был арестован и осуждён за якобы антисоветскую пропаганду. От смертной казни его спасло то, что он не признал обвинения в создании контрреволюционной организации. Его приговорили к пяти годам заключения. В реальности отсидел семь, включая два года ссылки.

Представление о лагерной жизни даёт книга «Сто писем 1938 – 1944 годов». Она была подготовлена самим Николаем Алексеевичем. В нее были включены выдержки из его писем к жене и детям и мемуаров:

«Первые дни меня не били, стараясь разложить морально и физически. Мне не давали пищи. Не разрешали спать. Следователи сменяли друг друга, я же неподвижно сидел на стуле перед следовательским столом – сутки за сутками. За стеной, в соседнем кабинете, по временам слышались чьи-то неистовые вопли. Ноги мои стали отекать, и на третьи сутки мне пришлось разорвать ботинки, так как я не мог переносить боли в стопах. Сознание стало затуманиваться, и я все силы напрягал для того, чтобы отвечать разумно и не допустить какой-либо несправедливости в отношении тех людей, о которых меня спрашивали...».

Его мемуары «История моего заключения» были опубликованы за рубежом в 1981 году, а в России – лишь в 1988 году.

В лагере Заболоцкий закончил переложение «Слова о полку Игореве», начатое им в 1937 году, Это был не только творческий, но и нравственный подвиг. Создать в невыносимых условиях, на грани жизни смерти, замечательный поэтический перевод «Слова» – означало величайшую победу человеческого духа над низостью и подлостью окружающего мира. Перевод имел огромный успех. Это помогло Николаю Алексеевичу при помощи Фадеева добиться освобождения, и в 1946 году поэт вернулся в Москву.

В том же году Заболоцкий был восстановлен в Союзе писателей и получил разрешение жить в столице. Вроде бы, страдания остались позади, но жить его семье было негде. В первое время с риском для себя его приютили старые друзья Н.Степанов и И.Андроников.

«Н.А. пришлось спать на обеденном столе, так как на полу было холодно, – вспоминал Степанов. – Да и сами мы спали на каких-то ящиках. Н.А. педантично складывал на ночь свою одежду, а рано утром был уже такой же чистый, вымытый и розовый, как всегда...».

Позже писатель Василий Ильенков любезно предоставил Заболоцким свою дачу в Переделкино.

Николай Чуковский вспоминал: «Березовая роща неизъяснимой прелести, полная птиц, подступала к самой даче Ильенкова». Об этой березовой роще в 1946 году Заболоцкий написал полные неизбывной нежности строки:

*В этой роще березовой,
Вдалеке от страданий и бед,
Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиной
Льются листья с высоких ветвей, –
Спой мне, иволга, песню пустынную,
Песню жизни моей.*

На даче Ильенкова Заболоцкий трудолюбиво возделывал огород. «Положиться можно только на картошку», – сурово отвечал он тем, кто интересовался его литературными заработками.

«Вообще в нем в то время жило страстное желание уюта, покоя, мира, счастья, – вспоминал Николай Чуковский. – Он не знал, кончились ли уже его испытания, и не позволял себе в это верить. Он не смел надеяться, но надежда на счастье росла в нем бурно, неудержимо. Жил он на втором этаже, в самой маленькой комнатке дачи, почти чулане, где ничего не было, кроме стола, кровати и стула. Чистота и аккуратность царствовали в этой комнатке – кровать застелена по-девичьи, книги и бумаги разложены на столе с необыкновенной тщательностью. Окно выходило в молодую листву берез. Николай Алексеевич бесконечно любовался этой березовой рощей, улыбался, когда смотрел на нее.

...Это действительно был твердый и ясный человек, но в то же время человек, изнемогавший под тяжестью невзгод и забот. Бесправный, не имеющий постоянной московской прописки, с безнадежно испорченной анкетой, живущий из милости у чужих людей, он каждую минуту ждал, что его вышлют, – с женой и двумя детьми. Стихов его не печатали, зарабатывал он только случайными переводами, которых было мало и которые скудно оплачивались. Почти каждый день ездил он по делам в город – два километра пешком до станции, потом дачный паровозик. Эти поездки были для него изнурительны – все-таки шел ему уже пятый десяток».

В последнее десятилетие своей жизни Заболоцкий активно переводил произведения зарубежных поэтов и поэтов народов СССР, особенное предпочтение отдавая грузинской поэзии. С легкой руки Заболоцкого многие грузинские поэты обрели русского читателя.

О выполненном Заболоцким переводе «Слова о полку Игореве» Чуковский писал, что он «точнее всех наиболее точных подстрочников, так как в нём передано самое главное: поэтическое своеобразие подлинника, его очарование, его прелесть».

Сам же Заболоцкий сообщал в письме Степанову: «Сейчас, когда я вошёл в дух памятника, я преисполнен величайшего благоговения, удивления и благодарности судьбе за то, что из глубины веков донесла она до нас это чудо. В пустыне веков, где

камня на камне не осталось после войн, пожаров и лютого истребления, стоит этот одинокий, ни на что не похожий, собор нашей древней славы».

С молодыми поэтами Заболоцкий не общался, да и не стремился к этому. Вообще, производил впечатление человека замкнутого, будто застегнутого на все пуговицы. Уйдя раз и навсегда от новаторских экспериментов «Столбцов», с годами он принимал в поэзии только классические образцы.

За последние три года жизни Заболоцкий создал около половины всех своих стихотворений. В 1957 году вышел последний сборник Николая Заболоцкого, изданный при жизни автора. В него вошло 64 стихотворения и лучшие переводы.

И последние три года жизни подарили поэту невероятный калейдоскоп эмоций, от личных – самых тяжелых и даже унижительных, и до вершин его поэтического творчества. Именно в эти годы были созданы шедевры «Некрасивая девочка», «Есть лица, подобные пышным порталам», «Душа обязана трудиться», «Очарована, околдована», «Последняя любовь» и проч.

В 1955 году у Заболоцкого случился первый инфаркт. Жена его, Екатерина Васильевна, была готова ради него на любые лишения, на любой подвиг. В первые годы их совместной жизни Заболоцкий был не только беден, а практически нищ; и ей, с двумя крошечными детьми, пришлось хлебнуть немало горя. К середине тридцатых годов Николай Алексеевич стал зарабатывать лучше, у них появилось жилье в Ленинграде, налачился быт; но после двух-трех лет призрачного благополучия все рухнуло – его арестовали. Положение Екатерины Васильевны стало отчаянным. Жена арестованного «врага народа», она была лишена всех прав, даже в человеческом милосердии ей отказывали. А вскоре выслали из Ленинграда, предоставив возможность жить только в самой глухой провинции. И она выбрала город Уржум Кировской области – потому что городок этот был родиной ее мужа. Она жила там в страшной нищете, растила детей, пока, наконец, в 1944 году Николай Алексеевич не был освобожден из лагеря и не получил разрешение жить в Караганде. Она сразу, взяв детей, переехала в Караганду к мужу. Вместе с ним мыкалась она в Караганде, потом вслед за ним переехала под Москву, в Переделкино, чтобы и тут мыкаться не меньше. Мучительная жизнь их стала входить в нормальную колею только в конце сороковых годов, когда они получили двухкомнатную квартиру в Москве, и он начал зарабатывать стихотворными переводами.

Николай Чуковский вспоминал о ней: «В эти годы я близко наблюдал их семейную жизнь. Более молчаливого и тихого существа я не видел. Она была сама женственность, сама мягкость. Я сказал бы, что в преданности и покорности Катерины Васильевны было даже что-то чрезмерное. Николай Алексеевич всегда оставался абсолютным хозяином и господином у себя в доме. Все вопросы, связанные с жизнью семьи, кроме мельчайших, решались им единолично. У него была прирожденная склонность к хозяйственным заботам, особенно развившаяся благодаря испытанной им крайней нужде. В лагере у него одно время не было даже брюк, и самый тяжелый час его жизни был тот, когда их, заключенных, перегоняли через какой-то город и он шел по городской улице в одних кальсонах. Вот почему он с таким вниманием следил за тем, чтобы в доме у него было все необходимое. Он единолично распоряжался деньгами и сам покупал одеяла, простыни, одежду, мебель. Катерина Васильевна никогда не протестовала и, вероятно, даже не давала советов. Когда ее спрашивали о чем-нибудь, заведенном в ее хозяйстве, она отвечала тихим голосом, опустив глаза: «Так желает Коленька», или «Так сказал Николай Алексеевич». Она никогда не спорила с ним, не упрекала его – даже когда он выпивал лишнее, что с ним порой случалось. Спорить с ним было нелегко – я, постоянно с ним споривший, знал это по собственному опыту. Он до всего доходил своим умом и за все, до чего дошел, держался крепко. И она не спорила... И вдруг она ушла от него к другому. Нельзя пере-

дать его удивления, обиды и горя. Эти три душевных состояния обрушились на него не сразу, а по очереди, именно в таком порядке. Сначала он был только удивлен – до остолбенения – и не верил даже очевидности. Он был ошарашен тем, что так мало знал ее, прожив с ней три десятилетия в такой близости. Он не верил, потому что она вдруг выскочила из своего собственного образа, в реальности которого он никогда не сомневался. Он знал все поступки, которые она могла совершить, и вдруг в сорок девять лет она совершила поступок, абсолютно им не предвиденный. Он удивился бы меньше, если бы она проглотила автобус или стала изрыгать пламя, как дракон. Но когда очевидность сделалась несомненной, удивление сменилось обидой. Впрочем, обида – слишком слабое слово. Он был предан, оскорблен и унижен. А человек он был самолюбивый и гордый. Бедствия, которые он претерпевал до тех пор, – нищета, заключение, – не задевали его гордости, потому что были проявлением сил, совершенно ему посторонних. Но то, что жена, с которой он прожил тридцать лет, могла предпочесть ему другого, унизило его, а унижения он вынести не мог. Ему нужно было немедленно доказать всем и самому себе, что он не унижен, что он не может быть несчастен оттого, что его бросила жена, что есть много женщин, которые были бы рады его полюбить. Нужно жениться. Немедленно. И так, чтобы об этом узнали все. Он позвонил одной женщине (*Наталье Роскиной – дочери литературоведа А. Роскина – Л.Б.*), одинокой, которую знал мало и поверхностно, и по телефону предложил ей выйти за него замуж. Она сразу согласилась. Для начала супружеской жизни он решил поехать с ней в Малеевку, в Дом творчества. В Малеевке жило много литераторов, и поэтому нельзя было выдумать лучшего средства, чтобы о новом его браке стало известно всем. Подавая в Литфонд заявление с просьбой выдать ему две путевки, он вдруг забыл фамилию своей новой жены и написал ее неправильно. Я не хочу утверждать, что с этим новым его браком не было связано никакого увлечения. Сохранилось от того времени одно его стихотворение, посвященное новой жене, полное восторга и страсти: «Зацелована, околдована, с ветром в поле когда-то обвенчана, вся ты словно в оковы закована, драгоценная моя женщина...». Но стихотворение это осталось единственным, больше ничего он новой своей жене не написал. Их совместная жизнь не задалась с самого начала. Через полтора месяца они вернулись из Малеевки в Москву и поселились на квартире у Николая Алексеевича. В этот период совместной их жизни я был у них всего один раз. Николай Алексеевич позвонил мне и очень просил прийти. Я понял, что он чувствует необходимость как-то связать новую жену с прежними знакомыми, и вечером пришел. В квартире все было, как при Екатерине Васильевне, ни одна вещь не сдвинулась с места, стало только неряшливее. Печать запустения лежала на этом доме. Новая хозяйка показалась мне удрученной и растерянной. Да она вовсе и не чувствовала себя хозяйкой – когда пришло время накрывать на стол, выяснилось, что она не знает, где лежат вилки и ложки. Николай Алексеевич тоже был весь вечер напряженным, нервным, неестественным. По-видимому, вся эта демонстрация своей новой жизни была ему крайне тяжела. Я высидел у него необходимое время и поспешил уйти. Через несколько дней его новая подруга уехала от него в свою прежнюю комнату, и больше они не встречались. И удивление, и обида – все прошло, осталось только горе. Он никого не любил, кроме Катерины Васильевны, и никого больше не мог полюбить. Оставшись один, в тоске и в несчастье, он никому не жаловался. Он продолжал так же упорно и систематично работать над переводами. Он тосковал по Екатерине Васильевне и с самого начала мучительно беспокоился о ней. Он думал о ней постоянно. Шло время, он продолжал жить один – с взрослым сыном и почти взрослой дочерью, очень много работал, казался спокойным. Я вдруг узнал, что Заболоцкий в городе, у себя на квартире, и к нему вернулась Катерина Васильевна. Трудно сказать, как он поступил бы дальше, если бы был в состоянии распорядиться собой. Мы этого не знаем и никогда не узнаем, потому что сердце его не выдержало

и его свалил инфаркт. После инфаркта он прожил еще полтора месяца. Состояние его было тяжелым, но не казалось безнадежным. По-видимому, только он один и понимал, что скоро умрет. Все свои усилия после инфаркта – а он не позволял душе лениться! – он направил на то, чтобы привести свои дела в окончательный порядок. Со свойственной ему аккуратностью он составил полный список своих стихотворений, которые считал достойными печати. Он написал завещание, в котором запретил печатать стихотворения, не попавшие в этот список. Завещание это подписано 8 октября 1958 года, за несколько дней до смерти. Ему нужно было лежать, а он пошел в ванную комнату, чтобы почистить зубы. Не дойдя до ванной, он упал и умер...».

За несколько дней до этого Заболоцкий записал в дневнике: *«Литература должна служить народу, это верно, но писатель должен прийти к этой мысли сам, и притом каждый своим собственным путем, преодолев на опыте собственные ошибки и заблуждения».*

Незадолго до смерти Николай Алексеевич написал литературное завещание, в котором точно указал, что должно войти в его итоговое собрание, структуру и название книги.

Аккуратность, доведенная до педантизма, до скрупулезной точности? Или просто особая организация души и жесткая самодисциплина?.. Ну, что же... Ведь это он писал, обращаясь, в первую очередь, к себе самому:

*Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!*

Эти строки были написаны за несколько дней до смерти. Какая выдержка, если не сказать – спокойное величие души!

Те предновогодние дни одарили меня не только нудным постельным режимом. Тогда в мою душу прочно вошла поэзия Заболоцкого. Наверно, это и было моим главным подарком в тот далекий 1981 год. И три волшебных праздничных кита – **Запахи, Звуки, Краски** – не померкли, а стали чуть сдержаннее, строже, тоньше. Словно свет далекой печальной звезды преломился в сияющем елочном шаре. Я сохранила этот свет в памяти сердца.

*Что счастье наше? – лишь зарница,
Лишь отдаленный слабый свет.*

*Оно так редко нам мелькает,
Такого требует труда!
Оно так быстро потухает
И исчезает навсегда!*

*Как ни лелей его в ладонях
И как к груди ни прижимай, –
Дитя зари, на светлых конях
Оно умчится в дальний край!*

Прим. При написании эссе были использованы материалы из Интернета и воспоминания писателя Николая Корнеевича Чуковского.

В карантине

Новелла

Картина вырисовывалась невеселая. Владимир Иванович Князев – крепкий, мо­ложавый в свои шестьдесят семь лет мужчина оказался заложником собственного дома. Карантин...

Князев не желал быть иллюстрацией к пушкинским строчкам: «Иль со скуки околею где-нибудь в карантине», но все вело именно к этому. С конца марта был запре­щен выход из дома людям старше шестидесяти пяти лет, а в начале апреля и вовсе посадили дома всех. Теперь, чтобы выйти из дома, надо было послать смс-ку на специальный номер и получить разрешение полиции.

Владимир Иванович не хотел разбираться в истории некоего царственного ви­руса, охватившего планету. К воплям СМИ он относился скептически, твердо помня усвоенную еще со студенчества фразу из песни: «А мы живем себе и движемся впе­ред/ И если кто-нибудь когда-нибудь помрет,/ На то она история, история, которая/ Ни слова, ни полслова не соврет!». Князев знал, что истерия с вирусом непременно утихнет. А история затем вынесет оценку нынешнему времени, но эта оценка вряд ли будет зависеть от мнения людей.

Телевизор смотреть не хотелось. Из него беспрестанно неслись новости, одна страшнее другой. В такой-то стране погибло столько-то, а в другой столько-то. Вести из компьютера были не лучше. Все, словно сговорившись, наперебой галдели, что стресс подрывает иммунитет, и делали все возможное, чтобы этого стресса было больше.

Но выключенные телевизор и комп положения не спасали. В доме все свер­кало, искрилось и дышало уютом, благо жена была домовитой. Везде чувствовался хозяйский глаз, а дом, как известно, именно его и любит. Но вторая неделя заточения давалась с трудом.

Жена Рада словно погрузилась в анабиоз. После завтрака часами могла дре­мать, опустив руки на колени. Шаги ее, и без того тихие, стали в последнее время шелестящими. И таким же тихим, шелестящим стал голос. С таким звуком иногда стучит в окно вкрадчивый осенний дождь: руш-руш.

Иногда Князеву казалось, что за окном и вправду осень, хотя во всем уже чув­ствовалась весна – на тополях за окном набухли почки, сирень уже разворачивала листья, и в траве повсюду голубели мелкие цветы вероники. Но времена года кол­довским образом поменялись местами, за окном маленькой квартиры весна и вправду ощущалась как осень. По всем повадкам в жене Князева угадывались спокойствие и кротость. Чувствовалось, что особо беспокоиться ей не о чем: дом в порядке, про­дуктами забита кладовка и холодильник, слава Богу, они с мужем сыты, обуты-одеты. Единственный сын давно и счастливо женат, проживает в другом городе. И вся его семья жива и здорова, и они регулярно переговариваются с родителями по телефону и скайпу.

Невозмутимость жены подбадривала Владимира Ивановича: хорошо, когда рядом есть человек-скала. Это грозное слово не вполне подходило к миниатюрной шестидесятитрехлетней женщине – о возрасте говорили только белые, чуть подси­ненные волосы, мелкая сеточка морщин у глаз и узловатые руки с выбухшими ве­нами. И все же в жене было что-то несокрушимое. Недаром говорят, что женщины выносливее. Но порой эта каменная флегматичность вызывала раздражение: все во­круг завертелось-закружилось, люди на грани паники, все в масках и перчатках, не знаешь, что будет дальше, а ей хоть бы хны. Заранее отоварилась, заплатила по ком­мунальным счетам, чтобы лишний раз не выходить, и заперлась дома.

Князев же не находил себе места. Натура деятельная, привыкшая руководить и все держать под контролем, он энергичными шагами переходил от одного окна к другому, то и дело вглядывался, будто пейзаж за окном мог измениться за минуты. Пробовал читать, но то ли глаза уже уставали даже в очках, то ли исчезла способность воспринимать размеренное повествование, но больше десяти минут он не выдерживал и снова принимался шагать из угла в угол. Не бездеятельность, а то, что он был словно исключен из реальной жизни и потерял над ней контроль угнетали его.

– Что сидишь? – срывал он досаду на жене.

Та будто встряхивалась от странного сна и отвечала тихо:

– А что? – и потом, вдруг спохватившись, спрашивала чуть громче: – Есть хочешь?

Есть Владимир Иванович не хотел: мудрено нагулять аппетит, когда два часа после завтрака тупо лежишь на диване. И эта заботливость жены бесила его. Уж лучше бы она сорвалась, накричала, заплакала – все лучше, хоть какая-нибудь разрядка. Но Рада, будто героиня некрасовской поэмы, сидела «и стыла в своем заколдованном сне». Однажды он все-таки достал ее. Она нетерпеливо повела плечами, вскинулась и ответила резко:

– Что ты хочешь? Я все это знаю. Привычная я. Когда папа болел, мы ведь сутками от него не отходили с мамой. Или ты забыл?

Князев смолк. В самом деле, он забыл, как тридцать семь лет назад жена и теща самоотверженно ухаживали за капризным и упрямым стариком-тестем.

Жена Князева была поздним и долгожданным ребенком у родителей, а отец ее к тому же был намного старше матери. Когда Рада родилась, отцу было под шестьдесят, а матери чуть больше сорока лет. Князев никак не мог понять, какая «химия» некогда связала тестя и тещу – они были абсолютно разными людьми. Высокий, белобрысый, похожий на немецкого офицера тесть и миниатюрная брюнетка теща. Он – молчун с саркастичной улыбкой, она – задорная хохотушка. Чем мог покоришь сердце молодой красавицы пожиловатый флегматик, оставалось загадкой, но даже издали было видно, как трепетно эти двое относились друг к другу. Он не принимал ни одного решения без нее, она всякий раз хранила молчание до тех пор, пока муж не высказывал своего мнения о чем-либо.

Теща, правда, рассказывала, что когда она начала встречаться с будущим мужем, то была покорена его эрудицией и спросила, неужели он знает все? На что тот совершенно серьезно ответил, что «не все, но три четверти знаю».

И это действительно было так. Из тестя трудно было вытянуть слово, он все больше предпочитал наблюдать за окружающими, покусывая тонкие губы. Всегда безукоризненно одетый, он усаживался в дальнем углу комнаты, шурил умные глаза на собеседников и молчал. Но близкие затем изумлялись кратким и точным характеристикам, которые он давал людям. А в те редкие минуты, когда теща увлекала тема разговора, он говорил так, что можно было слушать бесконечно. Блестяще, убедительно, интересно. И обо всем! Казалось бы, от него, геофизика, должны быть далеки проблемы композиторского искусства, тонкости футбола или особенности александрийского стиха, но нет! Князев поражался, как в маленькой сухонькой голове мог быть сконцентрирован такой клад знаний, и в таком четком и изящном порядке. И какая жадность к новому, какой меткий и цепкий взгляд, мгновенно выделяющий из моря разных сведений самое ценное.

Князев отчетливо вспомнил последние годы жизни тестя. Восьмидесятишестилетний, измученный тяжелой болезнью, похожий на кондора, тесть не потерял ни ясности ума, ни изящества речи, ни цепкости взгляда. Вахту, которую неотступно несли возле него жена и дочь, он принимал милостиво-иронично. Только зятю однажды удалось поймать полный горечи взгляд и понять, какая тоска и стыд скрывались за этой иронией.

Однажды тесть попросил подать ему зеркало и долго разглядывал себя и задно молодое, розовощекое лицо зятя. Затем прошептал иронично:

– Гамлет и почти череп Йорика. Ты не считаешь, что нашими физиономиями можно иллюстрировать трагедию Шекспира?

Владимир Иванович, тогда еще Володя, что-то слабо запротестовал, но тесть усмехнулся и подмигнул. Кожа на веке была тоненькая, как пленка на птичьем глазу, и видно было, как под ней подрагивает глазное яблоко.

– Стыдно-то как, – едва слышно произнес он. – Дожил... Обиходить себя не могу... – и затем чуть погромче: – Расскажи что-нибудь.

– Что? – растерялся Князев.

– Что хочешь... Хоть про второй съезд РСДРП! Нет, про него не надо. Расскажи про свое детство.

– Да я не знаю, – замялся Князев, – не помню.

– Что помнишь. Только хорошее. Не может быть, чтобы ты не помнил хорошего.

– Я у деда в детстве любил бывать, – сбивчиво начал Князев. – Он в деревне жил, маленькой. С трех сторон горы, а с четвертой – река. Крошечная деревня, и домик у деда был маленький и старый. И все было там старое, – Князеву явно хотелось быстрее отделаться от разговора.

– Продолжай!

– Но нигде, как там, не пахли так ароматно травы. – Князев задумался и улыбнулся любяще. – Даже в разгар лета пахло нежно, будто весной. Лежишь в траве, смотришь на небо, а там облака плывут, лениво так, плавно. А в траве цикады и сверчки стрекочут, журавельник, кашка, клевер цветут. Запах от них!.. И торта никакого не надо!

– А ты бездельничаешь? – выдохнул тесть и улыбнулся уголком рта.

– Ну, так... – сбился Князев

– И правильно делаешь! – голос тестя лился слабо, с перерывами, но уверенно.

– Дураки те, кто думает, что безделье неплодотворно. В таком кажущемся безделье, может, и творится главная работа души. Она приводит себя в порядок, и мысли становятся яснее и строже. Продолжай!

– У деда огород был большой – два гектара. И в огороде много чего: малина, картошка, огурцы, сливы, кукуруза, фасоль, зелень разная. Ешь, не хочу. А слив вообще было видимо-невидимо, не только на нашу семью хватало. Дед еще и дяде их посылал, и соседей одаривал, и варенье варил, и еще с плодово-ягодного комбината приезжала машина, забирала часть урожая. Выйдешь утром в огород, а там все цвета радуги – листья, трава зеленые, сливы синие, кукуруза желтеет, малина алая-алая. И все блестит под солнцем – тугое, нарядное!

– Славно, – одобрительно кивал тесть, и видно было, что ему хорошо от этой картины земной благодати.

– Только дед больше всего мясо любил. – Князев сам не заметил, как увлекся рассказом и улыбался все чаще. – Не мог без мяса. Если хоть один день без мяса, так он ворчал, что сил нет, что в огороде работать не может. Бывало, утром нажарит себе жирной баранины с луком, за милую душу все уплетет, выпьет стакан сладкого чая и идет в огород. И пока смеркаться не станет, все землю тяпает, грядки вскапывает, поливает. Придет, а рубашка у него – черная от пота, и сам черный, одни зубы белеют. Но смеется, говорит: земля труды любит, тогда и урожай хороший будет.

– Один работал? – тесть слушал внимательно, ловя каждое слово.

– Да. Не любил, когда ему мешали. Я у него так был – подай-принеси, то тяпку, то лопату, то кран открыть-заккрыть. А еще учил землю нюхать.

– Как это? – тесть даже вскинулся от нетерпения.

«Надо же, сколько жажды знания в человеке!» – подивился про себя Князев.

– Проверял по весне, чтобы земля к семенам была готова. Возьмет горсть земли, в кулаке крепко сожмет, потом поднесет к лицу, понюхает, а потом кулак разожмет. Если земля сыростью еще пахнет, но при падении рассыпается, значит, пора сеять. А если очень влажная и падает комком – еще не поспела.

– А говоришь – не помнишь! – удовлетворенно хмыкал тесть. – Хорошо! Сколько живу, а еще век бы жил, на красоту такую любовался.

Такие разговоры случались у Князева с тестем часто. Перерывы были на процедуры умывания, переворачивания, массажа и кормления. Владимир Иванович вспомнил, как терпеливо, стараясь не причинить боли, ухаживали за стариком жена и дочь. День за днем, месяц за месяцем – все долгие четыре с половиной года.

«Тогда, наверно, и научилась терпению, – взглянул на жену Князев. – Просто приказала себе: «так надо» и все. И выстояла. И за матью потом еще ухаживала, и дом не забросила. И все тихо, спокойно так. Силища-то какая невероятная. С такой и вправду не пропадешь! Скала. Хотя какая там скала – утес маленький!»

Он еще раз посмотрел на свою Раду. Та по-прежнему сидела, опустив на колени руки и словно дремала. Теплое, грустное, хорошее чувство затопило его сердце. Утихло бывшее раздражение, хотелось думать о чем-то светлом и милом и верить в то, что плохое непременно сменится радостью.

Князев вспомнил, что на рабочем столе тестя всегда была старинная астролябия, подаренная ему отцом. И тесть дорожил этой астролябией и таким же старинным барометром, висевшим на стене. Барометр был медный и уже позеленел от старости, но предсказывал погоду верно. И когда после долгой непогоды стрелка, наконец, указывала «ясно», тесть щелкал по прибору и цитировал негромко:

*Чиста небесная лазурь,
Теплей и ярче солнце стало,
Пора метелей злых и бурь
Опять надолго миновала...¹*

И лицо старика озарялось такой редкой и так красящей его улыбкой. В эти минуты Князев понимал, почему жена и дочь так беззаветно преданы ему, и что их взор по-прежнему очарован им. Редко в ком жила такая неистребимая жажда жизни и вера в добро, как в этом нетерпеливом, желчном, но таком романтичном человеке.

– Все живет, все меняется, Рада, – приобнял жену Князев. – Пора метелей злых и бурь минует. И снова заблестит небесная лазурь. Даже стихи позабытых поэтов не умирают, и наши близкие живы, пока мы о них помним. И нужно жить и делать ежедневную маленькую работу, и смотреть вперед, только вперед, и тогда никакие бури и карантинны не страшны.

Жена посмотрела на него кротко и удивленно:

– Так я об этом тебе и говорю. Только ты слушать не хочешь. Обойдется все. Справимся.

Она тихонько сжала локоть мужа, одновременно поддерживая и опираясь.

Весна расцветала за их окном, и вечер догорал алым закатом.

И Князев понял мгновенно: действительно справятся!

И душистый весенний дождь громко забарабанит по крыше и смое тоску и тревогу этих дней. Только ему под силу это, только ему...

¹ А.Н.Плещеев «Весна»

ПЕРЕВОДЫ ВЛАДИМИРА КАФАРОВА

* * *

Край родной в крови, в огне,
Не видать конца войне.
Где игит в кровавый день?
Иль в земле, иль на коне!

* * *

Раздобыть щепоть бы хны,
Дать в подарок хоть бы хны.
Я в скитаньях умираю –
Ей же дома хоть бы хны.

* * *

Как же лесом лес назвать,
Где фиалок не видать.
Целовать глаза – не дело,
Губы надо целовать.

* * *

Горы, скалы да хребты,
Да горбатые мосты.
Ты пришёл, прибавил горя –
Лучше б не являлся ты.

* * *

Жди, когда исправится
Вздорная красавица.
Будешь при смерти – придёт,
О здоровье справиться.

* * *

Ты на сетку погляди
И на клетку погляди.
Сколько родинок у милой,
Столько ран в моей груди.

* * *

Молвил слово невпопад
И осёкся: виноват!
Попросил я поцелуя –
Просит жизнь она в заклад.

* * *

Я – ашуг, попал в беду,
Я задаром пропаду.
Натяни канатом косу –
Я над пропастью пройду.

* * *

У меня не две души:
Обнимаешь – не души.
За душою смерть придёт,
Глянет – нет давно души.

* * *

Сколько улочек глухих,
Пел петух и тот утих.
Ты свою любовь окликнешь –
Отзовётся сто чужих.

* * *

Нет вестей – кого винить?
Журавлей распалась нить.
С той поры, как ты замолк,
Камни стали говорить.

* * *

Бей с размаху – не держу,
Бей без страха – не держу.
Голову на грудь твою
Как на плаху положу.

* * *

Тронусь в путь, изгнанник я,
Роз не тронул ранних я.
Если скажут: странник умер,
Знай, что этот странник – я.

* * *

Я сгорел, золою стал,
Я твоим слугою стал.
Птичью речь не знал, а ныне
Соловьём я засвистал.

* * *

С неба снег густой идёт,
К дому путь крутой идёт.
Надо выйти посмотреть –
Может, милый мой идёт.

* * *

Милый мой, ты к нам идёшь,
По моим следам идёшь.
Чтоб твои подошли сваты –
Вместо них ты сам идёшь.

* * *

Абрикос неспелый я,
На язык несмелый я.
Я влюбился и женился б –
Нет на свадьбу ни копыя.

* * *

Я держусь едва-едва,
Точит грусть не день, не два.
Пляшет гордая невеста –
Плачет горькая вдова.

* * *

Врёт бездельница – молчим,
Мелет мельница – молчим.
Упрекнуть нельзя невестку –
Убежит она к своим.

* * *

Я валюсь от ветерка,
Извела меня тоска.
Замуж родичи не взяли –
Выдали за чужака.

* * *

Пусть добра со всеми дочь,
Как пустое семя – дочь.
Если сына нет в семье,
Гостю держит стремя дочь.

* * *

Есть жестокие стрелки –
Не уйти от их руки.
Оседлал коня разлуки,
Стал я всадником тоски.

* * *

Я – садовник, сад в слезах,
Тут в слезах, гранат в слезах.
Плачу сам, пока не умер,
А умру – заплачет прах.

* * *

Облетают лепестки,
Отступают ли пески?
Я построил дом из горя,
А ограду из тоски.

* * *

Белый лист, черня, пиши,
Не теряй ни дня, пиши.
В книги чёрные – во все! –
Первым ты меня впиши.

* * *

Молодой у нас ашуг,
Начал грустный сказ ашуг.
Праздник превратился в траур –
Поломай свой саз, ашуг.

«Я жажду! Я стражду! Я жизнью не сыт!»

19 мая 1935 года близ города Сабирабада (прежде – Петропавловск, старейшее русское поселение в Муганской степи, основанное переселенцами из южнорусских губерний), где сливаются реки белой Куры и красно-жёлтого Аракса, у капитана корабля «Чапаев» родился сын – будущий поэт, ещё более известный как переводчик, Владимир Абдулазимович Кафаров.

Страсть к морю у Кафарова – кровная, в крови: отличный пловец, он прыгал с трёхметровой вышки; а на Нефтяных Камнях, в основание которых среди прочих был заложен затопленный пароход его отца, он проведёт в общей сложности три года.

Другая его страсть – стихи, литературное творчество, которым он занимался с юных лет.

В 1957 году Владимир Кафаров был принят в Союз писателей СССР. В 21 год! По советским канонам это – феерическое начало литературной карьеры, тем более, что у ещё учившегося на последнем курсе Азербайджанского государственного университета студента не было издано ни одной книги.

Но рекомендацию дал сам Константин Симонов.

А Павел Антокольский написал: «Перевод его точен в той мере, в какой может быть точен поэтический перевод. Это означает, что в нём нет буквализма, нет рабской кальки подлинника, но зато есть верность его духу, соответствие той правде жизни, которая стоит за песней, которая в ней подразумевается, как её душевный подтекст. Но это и означает, что перевод Кафарова может быть назван явлением русской поэзии».

Можно сказать и так: каждое стихотворение должно умереть в переводе, чтобы состояться на другом языке. В этом поиске умирание и воскрешение – одно и то же. Кафаров вслед за Уитменом мог бы воскликнуть: «Я весь состою из множества воскрешений!»

Этот аванс Кафаров отработал сполна. Собственных книг у него немного: «Невеста» (1961), «Две крепости» (1963), «Лермонтова, 123» (1965), «Бронзовый ветер» (1968), «Огонь на ветру» (1972).

Но как переводчик он поднял огромный пласт азербайджанской литературы. Переводиться у Кафарова считалось почётным.

Когда ему предложили квартиру в только построенном Доме писателей на улице Гуси Гаджиева, он отказался, опасаясь наплыва соседей, для которых перевод на русский язык был прорывом в свет, в мир (в шуточном стихотворении Кафаров сравнил себя с амбалом).

Его переводческое творчество поражает своей масштабностью и разнообразием: шушинец Молла Панах Вагиф через расстояние в 500 лет протягивает руку турецкому суфию Юнусу Эмре; дастан «Кёроглу» перебивался штучными средневековыми газелями Физули и Мехсети; арузам Алиаги Вахида перебежали до рогу верлибры Расула Рзы; ашуг Хестэ Гасым вибрировал в лад с классическими ритмами Самеда Вургуна; либретто к опере Узеира Гаджибекова «Лейли и Меджнун» подхватывали песни Рашида Бейбутова – и, как в мифе, к чему бы ни прикасалась рука Мастера, это тут же превращалось в золотой самородок.

Но если о переводах, то самое важное достижение Кафарова – баяты. Баяты – издревле распространённая форма азербайджанской устной народной поэзии, монострофа, состоящая из четырёх строк семисложного размера хеджа. В рифмообразовании баяты важную роль играют джинасы – омонимические рифмы, а также редифы – повторения одного или нескольких слов в конце строки после рифмы.

Вся жизнь азербайджанца – от рождения до смерти – проходит в сопровождении баяты, начиная с колыбельных песен и кончая похоронными причитаниями. Собрание баяты – не просто достоверная картина жизни, а проявление главной тайны национальности азербайджанского народа – своего, присущего только ему взгляда на вещи. На протяжении десятилетий ни до, ни после Владимира Кафарова никто не отваживался на перевод этого фольклора, изошрённого по стилю и способу выражения и отточенного временем до блеска. Владимир Кафаров в свои 25 лет не побоялся взвалить на плечи этот непомерно тяжёлый груз. Здесь он уже выступал не в роли «амбала», скорее – Атланта.

Кафаровский артистизм проявлялся и в поступках, ставящих его в центр всеобщего внимания – в подпитии он мог с купеческим размахом в ресторане опрокинуть стол и накрыть новый (*Э.А. вспоминала, как обиженный её отказом в сватовстве, он – уже немолодой – несколько часов простоял босым на снегу перед её домом*), но и во внешнем облике: беспрестанно дымящий папиросами, он вдруг заводил трубку, фетровая шляпа и классический костюм с ярким красным галстуком сменялись беретом и кожанкой. Но неизменным оставался самовар: дома, в редакции, на даче.

На даче он выделил себе кабинет, самолично сколотил письменный стол и тахту. Этой столярной работой он так гордился, что прикрепил к тахте факсимиле.

В середине 80-х, оседлав волну перестройки, ЦК комсомола Азербайджана (и весь союзный комсомол) активно занялся альтернативным предпринимательством. Не забыли и литературу – в правом крыле здания Баксовета (где и располагался Центральный комитет) собрали «салон отверженных». Диссидентствующей вольницей, почуявшей ослабевшие уздцы, наверное, только и мог управлять Владимир Кафаров – он только внешне напоминал вальяжного, ленивого, усатого кота; резко пресекая политическую составляющую, он абсолютным слухом вылавливал фальшь в технической оркестровке стиха и сбивал спесь с любого новоявленного «гения». Аудитория веселилась, а автор считал себя оскорблённым. Это несоответствие мощи кафаровского удара по ремесленническим стихам вызывало удивление, но Кафаров судил (себя прежде всего) по высшей мере. Итогом этих меджлисов стала книга – первая публикация для большинства авторов. Из тех имён, которые прочно закрепились в русскоязычной бакинской литературе, которых привечал и сам Кафаров, назову Экрама Меликова и Севиндж Гейдарову.

В суровой кафаровской школе я так был удручён своим неумением, что на долгие 10 лет зарёкся от сочинительства. До сих пор не знаю, как делать стихи. Не годится даже колдовской рецепт Раймона Кено: «Возьмите слово за основу,/ И на огонь поставьте Слово./ Добавьте мудрости щепоть,/ Наивности большой ломоть,/ Немного слёз, немного перца,/ Кусок трепещущего сердца,/ И на конфорке мастерства/ Прокипятите раз и два/ И много-много раз всё это./ Теперь пишите. Но сперва/ Родитесь всё-таки поэтом». Выразить хорошими словами какое-нибудь чувство – ещё не значит быть поэтом. Поэзия и стихотворчество – вещи совершенно разные. Поэзия и в наше время – неотцифрованное шестое чувство. Но я знаю, благодаря Кафарову, как стихи писать не надо. Я бы очень хотел назваться учеником Владимира Абдулазимовича Кафарова. Но никогда на это не решусь.

Кафаров – также один из основателей военного жанра азербайджанской постсоветской журналистики. В газете «Бакинский рабочий», где он являлся заместителем главного редактора, печатались его очерки, статьи с фронта.

Владимир Кафаров ушел из жизни 19 июля 2000 года в возрасте 65 лет от тяжелой болезни, оставив после себя прекрасные стихи и переводы. И – добрую память о себе.

Марат ШАФИЕВ

САДАЙ БУДАГЛЫ

РАССКАЗЫ

Перевод Динары КАРАКМАЗЛИ

Дорожный разговор

Домой? Садись, подвезу. Да нет никакого беспокойства, все равно мне ехать через ваш район. Ты ведь живешь возле метро «Нариманов»? Верно? Ну, садись. Мы все ведь товарищи по работе, большую часть времени вместе проводим, но не ко всем нас тянет. Не все по душе. Ты ведь год, как работаешь у нас? Это немало. Но это ничего не значит. Чтобы человека узнать, надо с ним вместе пуд соли съесть. Бывает и так: долгое время живешь с ним под одной крышей, а человека не знаешь. Многое зависит от обстоятельств. Иной раз обстоятельства так оборачиваются, что у человека, которого ты считал близким, вдруг проступает другое лицо. Что поделаешь... жизнь... Живя, понимаешь, что к чему. Я уже десять лет здесь работаю, но редко кого к себе домой приглашаю, с семьей знакомлю. Я же не говорю – всех избегай, ни с кем не дружи. Нет, отношения ни с кем нельзя портить. Но не всех подпускай к своему сердцу. А не то откроешь кому-то душу, а потом он тебя по больному месту и стукнет. Так мир устроен. Если ты слаб, тебе крышка. Ты мне в сыновья годишься, у тебя вся жизнь впереди. Постепенно ты сам сможешь в корень зреть.

Знаю, что ты женат, дети есть. Мальчик? Да хранит его Господь. Вижу, что ты со здешними девушками иной раз заигрываешь. Да нет, это ничего. Повеселиться не грех. Иногда даже можно и границы дозволенного переступить. Дело молодое... Мужчине иной раз не мешает и «налево» свернуть, но у всего есть мера. Надо, чтобы тебя в первую очередь в семье почитали, уважали, как мужчину. А если ты будешь скакать: Фигаро там – Фигаро здесь, не будешь знать, что в твоей семье творится, откуда пришли, куда пошли, что едят, что пьют, то тогда – какой же ты мужчина? Вначале для тебя – дом, затем – то, что за его пределами. Если ты, как настоящий мужчина, можешь содержать семью, то тогда можно иной раз и оглядеться. Это я так, к слову, слава Аллаху и сам ты умный малый. И у меня бывали веселые деньки, и меня женщины баловали. Я не позволял себе скучать. Все мы божьи создания. Но такие вещи надо делать с умом, не давать чувствам воли. Я сам семь раз отмерял, прежде чем на что-то решаться. Было и сплыло. Кесарю – кесарево... А если ты чувства включаешь – пиши пропало. Совесть начнет мучать. Ее жизнь станет твоей жизнью. Ее смех, походка, взгляд, все – все для тебя будет иметь смысл, все-все в ней для тебя заговорит. Всему будешь придавать значение, все начнешь интерпретировать – отчего сегодня так посмотрела, отчего вчера так улыбнулась?.. А хуже беспокойства нет ничего. Не говоря уже о том, что сердце твое раздвоено, хочешь-не хочешь, дома ты – в одном обличье, а на стороне – в другом. А жена – это такое создание, которое сразу улавливает в тебе малейшие изменения. А если она что-то почувствовала – все, она уже не успокоится, пока не докопается до истины, пока не отомстит. Читал «Тысячу и одну ночь?» И даже посреди пустыни девушка, которую похитил див, находит возможность отомстить обидчику. И причем около самого дива. Осторожно снимает со своих колен голову дива и кладет ее на землю, затем приручает одинокого мужчину в степи к близости с нею. Вот такое создание женщина.

Если что захочет, меж двух огней совершит. Ей нельзя давать повода. Поэтому в таких делах не следует прислушиваться к чувствам, а следует действовать с умом. К тому же и для тебя так лучше. Ведь зачем мы на протяжении всей жизни трудимся, для чего? Хотим иметь крышу над головой, семью, работу. Чтоб мы не беспокоились о завтрашнем дне. Мы всегда стремимся к этому. И потом, стоит ли рисковать всеми этими благами ради вдруг ударившей в голову мысли – мол, я влюблен? И ради этого все перевернуть вверх дном, свой дом затопить? Стоит ли? Если эта так называемая «любовь» сведет меня с ума, лишит уважения в семье, на работе, то на черта она тогда мне сдалась? Все говорят «Меджнун», «Меджнун», но спроси – кто хочет быть Меджнунном?

Я в семье веду себя строго. Никто в доме не смеет мне перечить. Это не потому, что я во всем прав. Надо, чтоб тебе верили. Это главное. И к ошибкам своим следует подходить правильно. Если однажды признаешься в том, что в чем-то был неправ, то назавтра они начнут сомневаться и в твоём правом деле. У меня один сын и одна дочь. И с ними у меня бывают нелицеприятные беседы. Бывало даже, что с сыном я говорил, к примеру, как с тобой. Я завесу между нами не признаю – не думаю о том, что стыдно, такое мне в голову не приходит. Ведь не могут же посторонние любить его сильнее меня? Тогда отчего я должен проявлять излишнюю щепетильность? Когда я вижу, что он в чем-то ошибается, не тем углом зрения обзореваает, то кто должен наставить его на путь истинный? Разумеется, я. Это я должен стать его другом. Дочь свою выдал замуж. Она вышла по любви. Они вместе учились. Я вначале провёл разведку, расспросил, узнал, кто он, откуда, с какого корня возрос, и только после этого свое согласие дал. Семья у них небольшая. Двое братьев и мать. Одно плохо – то, что все вместе живут. К тому же старший брат женат.

Знаешь, я всегда с красивыми женщинами бываю настороже. В меру своих сил избегаю их, держусь на расстоянии. Возможно, боюсь влюбиться. Не верю, что они могут меня полюбить, и нет у меня веры в их преданность. Словом, всю жизнь сторонюсь их. А жена старшего брата в этой семье была красавицей, обворожительной. И красота бывает разной. Ее красота была призывной. Стоит как цветущее деревце перед тобой. Призывает: гляди на меня, видишь, какая я красивая. И даже я, будучи таким настороженным, не мог от нее отвести глаз. Все ее обожали. Она была веселой, смеющейся, ласковой, нежной. Но при этом, увы... была чересчур свободной. Домой являлась поздно, а бывало, что и вовсе не приходила, якобы уехала в командировку или осталась у подруги. Подумай только, муж дома, а жена с работы не вернулась. Наступает ночь, а она заявляет, что переночует у подруги. Ну, что ты об этом думаешь? Муж молчит, свекровь молчит. Не буду же я вместо них говорить.

Нет, не говорю, что раз она поздно с работы приходит, то что-то происходит. Но ведь у всего на свете свой порядок. И если, к примеру, ты видишь, что на твои поступки нет никакой реакции, то смелеешь, назавтра и вовсе не остерегаешься. Все мы такие. Надо вовремя взять такого человека за руку, остановить, сказать, что это неправильно, надо себя вести так, а не иначе, надо по прямой дороге идти.

Наконец я не выдержал. К окончанию рабочего дня пошел к её служебному входу – один раз, два раза, три раза – все стало ясно. То, о чем я подумал, подтвердилось. Долго думал, так и этак судил-рядил, как мне поступить, что делать? Ведь дочь моя в этом доме проживает. С невесткой она ходит то туда, то сюда. Если пятеро ни о чем не подумают, то разве одному человеку в голову не придет мысль – мол, и она такая же. Кого убеждать?!

Наконец я сказал дочери – или в этом доме должны остаться вы, или семья твоего деверя. Не заставляйте меня, чтоб я скандал затеял, забрал тебя домой. Дочь моя стоит в растерянности, поверить не может. И потом, это ведь непросто, я сам понимаю. Понял я, она не станет вмешиваться, тогда я обо всем рассказал ее свекрови. Она тоже что-то промямлила.

Ну, что мне тебе голову морочить, словом, прошел еще месяц. Ничего не изменилось, все протекало в прежнем русле. Только изменилось отношение ко мне. Стоило моей дочери и свекрови увидеть меня, как выражение лиц их менялось. Будто это я в их дом вношу беспокойство.

Знаешь, да, никто не хочет быть плохим человеком. И мать, и брат или еще кто – зачем им другим создавать беспокойство? Если сама поймет – то поймет, а не поймет, душа ее в аду сгорит. Пусть так и живет. Думаешь, как же этот человек сам выносит такое состояние вещей – ведь кто-то может за спиной ее судачить, показывать пальцем...

Дело принимало другой оборот. Оказывается, все именно так и поступают – за спиной судачат, никто бедняжке в лицо правду не говорит. Если бы я это дело сам не начал расследовать, а услышал со стороны, возможно, поступил бы по-другому. Но назад пути не было. Я поймал самого парня и все ему выложил. Он ответил: «Не вмешайтесь в мои дела». Не спрашивает, это правда или ложь. «В мои дела не вмешайтесь». Я ему ответил, что это не только твое дело, поскольку моя дочь тоже живет в этом доме. Я не позволю, чтобы назавтра и о моей дочери такие слухи пошли. Если бы вы жили в другом месте, то да, это было бы вашим делом. Насильно посадил его в машину и отвез к служебному входу ее рабочего места. Вышла, села в «Жигули» кизилового цвета. Я сказал, хочешь, поедем за ними. Покачал головой, мол, нет. А сам побелел, как бумага. Говорю ему: «Вечером спросишь, где она была. Вероятно, опять скажет, что у подружки». Он промолчал.

Посреди дороги остановил машину, сказал, что выходит. Сколько я ни просил, мол, давай отвезу тебя куда надо. Не согласился. Хлопнув дверцей машины, вышел. Затем, как ты думаешь, что он сделал? Повесился! Ну что про такого сказать? Глупец! Раз он себя убил, осмелился это сделать, значит, поверил в измену жены. Ну, поверил, а себя чего убивать? Будто так он отомстит ей, чтоб девушка пожалела о содеянном. Что толку? Сейчас, вероятно, и кости его сгнили... Может, даже никто и могилу-то его не посещает. Если б я был на его месте, не приведи Господь, я бы ей глаза выколол. Или – развелся. А себя зачем убивать? На поминках жена плакала в три ручья. Кто не был посвящен в суть дела, мог подумать, как же сильно она любила своего мужа. Ну и я не лыком шит. Отметили сорок дней. Родные немного поуспокоились. Оказавшись с ней наедине, я все ей рассказал – как все получилось, как я доложил её мужу об измене жены, как он побледнел, – все рассказал. Она заплакала, и как только меня не обозвала, обругала. Будто это я виноват. Ну что ей сказать? Затем она, собрав свои вещи, ушла в родительский дом. Уж не знаю, где она, чем занимается. И к чему мне это знать? Что, сходишь? Разве мы приехали? Я могу тебя подвезти, куда надо, обо мне не беспокойся. Ну, хорошо, как знаешь. Но как-то, ты поторопился...

Однажды весной

Весной я всегда ошибаюсь с погодой. Но стоит мне заболеть, как я, тут же спохватившись, начинаю вновь тепло одеваться. Одним словом, это происходит тогда, когда уже поздно. И теперь, хотя и пекло солнце, я вновь напялил на себя пальто. Но что толку. Одно дело – надевать его, чтобы не заболеть, другое – чтобы выздороветь. Сегодня я чувствую себя совсем плохо. Расхворался не на шутку – всего меня трясет. И потому, отпросившись с работы, я возвратился в общежитие. А там меня ждало безлюдье, ребята еще не вернулись с работы. В такие моменты мной овладевает беспокойство, все мне кажется, что поезд всех забрал, а я на перроне остался один-одинешенек.

Я нетерпелив по характеру, не могу ждать. Если на работе скажут: опорожни две машины с железом – соглашусь. Но если скажут: выходи во двор и при этом ори во всю мочь через каждые десять минут – не смогу. И потому мне не место на кухне. Каждую секунду то и дело поднимаю крышку чайника, чтоб проверить – не кипит ли, а он, как назло, и не думает закипать.

Из окна кухни видно метро. Между домами и метро – степь в обрамлении холмов. Здесь проходит железная дорога. Электрички, проносящиеся мимо как бы вне времени и пространства, издают звуки, похожие на тайные звуки чего-то для меня неведомого.

– Привет, брат!

Поскольку я на этот этаж перебрался недавно, то пока здесь многих не знаю. Вначале мы жили в этом общежитии этажом выше, и наше кухонное окно, так же, как это, выходило в степь. Наша комната была продуваема сквозняками и, следовательно, зимой в ней было нестерпимо холодно. Но при этом включать обогреватели не разрешалось, поскольку они «пожирали» много электроэнергии. Хорошо, что нам все же, хоть и с трудом, удалось поменять комнату на другую, этажом ниже, да еще окнами на юг. Сюда рука ветра не дотягивается. В комнате нас трое. И все мы пришли на завод в одно и то же время. Мы были почти сверстниками, и между нами не было разговоров о том, кто старше, кто младше, кто что мог, то и делал. Годы нас сблизили, мы так хорошо уже знали друг друга, что на мелочи не обижались.

С тех пор, как я стал работать на заводе, для меня самое трудное – просыпаться по утрам. Летом еще ничего, солнце поднимается рано и потому мне и самому хочется встать на заре и подышать свежим воздухом. Но зимой, стоит мне проснуться на звонок будильника, как тотчас я вспоминаю – холод, ветер, ненастье, – и сразу же сон становится таким сладким, что и сто человек вместе не смогут меня прельстить сладкой ложью о том, что в мире произошло нечто прекрасное.

Ребята, по собственному опыту зная о муках недосыпания, иной раз уменьшают звук будильника. Они все ждут, чтобы во мне хоть раз в жизни заговорила совесть, и я встал бы раньше них, зажег свет, вскипятит чайник и заварил чай, словом, все привел в порядок, затем и они бы встали. На все эти утренние сборы уходит минут десять. Но дело в том, что эти десять минут понежиться в постели стоит дорогого. И к тому же за десять минут сон человека сам-с собой улетучивается. И когда уже слышишь позвякивание стаканов, блюдец, то золотистый чай-мехмери становится уже слаще сна, и ты в мгновение ока вскакиваешь с постели. И тем не менее, каждое утро повторяется одно и то же – ребята ждут, а я просыпаюсь позже всех, ссылаясь на свою сонливость. Но и спать уже не могу, боясь опоздать на работу. Они же, что-то бормоча себе под нос, лежат в своих постелях, не шевелясь. Но, не дождавшись меня, вновь кто-то встает первым, и когда я чувствую, что чай уже готов, открываю глаза, будто только что проснулся, сонно оглядываюсь. Они же, не сдержавшись, смеются. Что мне остается, я тоже в ответ им сонно улыбаюсь. Никто ничего не говорит, они ведут себя так, будто не ведают о моих маленьких утренних хитростях.

И хоть я уже почти привык к своей новой комнате, к новому этажу, но каждый раз, когда спешно вскакиваю с кровати и бегу умываться, то вначале по инерции путаюсь, считая, что нахожусь на другом этаже. В старом месте я никогда не видел уборщицу.

Когда мы просыпались, то коридор, туалет и умывальник были уже чистыми. Но с тех пор как мы перешли сюда жить, я каждое утро сталкиваюсь с женщиной в черном халате. И каждый раз она чистит то умывальник, то туалет. Никто из старожилов не замечает ее, копошащуюся по утрам. И потому они возле этой уборщицы чувствуют себя свободно, как возле вещи, и, не стесняясь, при ней непристойно шутят друг с другом и даже переругиваются. Но я с первого же дня проживания здесь никак не мог свыкнуться с этим.

Женщина была хорошо осведомлена о том, когда просыпаются обитатели этого общежития, и потому она, по моему мнению, могла бы при желании эту свою работу выполнять или раньше, или чуть позже. Но удивительным было то, что и женщина не обращала внимания на ребят, будто она была глуха, слепа, ничего не видела, ничего не слышала. Опустив голову вниз, молча исполняла свою работу. Теперь и я, глядя на нее, как и другие ребята, старался «не видеть» её. Но стоит мне утром вновь познакомиться с ней, как тотчас теряюсь, затем злюсь, затем смущаюсь.

Когда после смены мы выходили с завода, то не ждали друг друга. Но иной раз, когда погода благоволила, мы встречались у входа на завод, чтоб вместе сделать покупки в магазине, на базаре. А зимой мы пулей устремляемся в общежитие, поскольку выходим с завода, искупавшись, и потому боимся простудиться. И тот, кто приходит первым, сразу же ставит на огонь чайник. Напившись горячего чаю, согревшись – мы начинаем думать об ужине. Но от усталости нам бывает лень идти за продуктами в магазин. После длительных препирательств о том, чья сегодня очередь идти на базар, мы садимся играть в домино. Тот, кто проигрывает – тому и идти, а кто в выигрыше, тот остается дома, в тепле, бек-беком, палец о палец не ударяя. А тот, кто первым вылетает из игры, выполняет черную работу по дому – подметает, моет посуду, выносит мусор. Иной раз наша игра в домино так затягивается, что на базар идти уже поздно, и в конце концов проигравший встает и идет в магазин, чтоб купить колбасы, консервов и, если нам того хочется, то и бутылку вина или водки. А после того, как поедим и попьем, усталость берет свое, и тогда мы бросаемся на свои кровати, и тут начинается разговор по душам. Каждый вспоминает эпизоды из своей жизни, о которых он нам еще не рассказывал, или же на которые он некогда поверхностно намекнул, но на этот раз собрался рассказать об этом подробно, обстоятельно. После наших душевных бесед нам начинает казаться, что мы никогда не сможем друг друга предать, не сможем отдалиться. Наши откровения понемногу стихают, и мы незаметно проваливаемся в сон, а затем вдруг, открыв глаза, обнаруживаем, что уже – утро, надо спешить на работу...

Вначале я собирался попить чаю и залезть в постель, пропотеть. Но после чаепития почувствовал, что я и без чая, вроде, уже ничего, иду на поправку. Вскоре должны прийти ребята. Надо вновь поставить чайник на огонь, чтобы к их приходу он вскипел. А может, мне и поесть им приготовить? Удивить их! Ребятам это бы понравилось. А как же! Они же вернуться с работы голодные, усталые и вдруг увидят, что на столе дымится вкусный обед.

Представив себе радость ребят, я порылся в шкафу. Но, увы, ничего в нем не обнаружил. Взяв в руки сетку, решил отправиться на базар, поскольку у меня все равно не хватало терпенья усидеть дома в теплый весенний день.

Дорога, ведущая к базару, была безлюдной. Базар располагался, вроде, недалеко, но оттого, что дорога была ничем не примечательной, она утомляла. Видимо, поэтому, когда мы упоминали про базар, то все затыкали уши. В городе нам приходилось топтать в двадцать раз дальше, но мы, тем не менее, не уставали. Это оттого, что дороги в городе занимательны – живописные дома, толпы людей в различных одеяниях, с различными жестами, походкой.

Вот и базар. Весной человеку чего больше всего хочется? Конечно, зелени. Наполнив сетку зеленью, луком-картошкой, вышел с базара. И хоть я был не прочь еще немного погулять, но с полной сеткой в руках не очень-то разгуляешься.

С какого-то двора выбежал ребенок, а за ним женщина. Устав бежать за мальчиком, женщина остановилась у ворот:

– Ариф, Ариф, остановись, подойди ко мне!

Ребенок, обернувшись, хитро посмотрел на мать, не решаясь подойти к ней. Затем подошел, но не близко, и остановился в трех шагах от нее.

– Как ты можешь говорить матери такие слова?

Ребенок не был похож на того, кто впервые произносит эти слова. Вероятно, из-за этого мать не раз его отчитывала. Это читалось по его губам, готовым в любую секунду вспыхнуть смехом, по его горячо вскипающим озорством глазам.

Так что стоит ему отойти на пять шагов, как он вновь повторит эти слова. И женщина это знает, и в ее глазах прячется затаенная от мальчика улыбка.

Черты этой женщины отчего-то мне показались такими родными, знакомыми. Я не мог оторвать от нее глаз под впечатлением некоего нежного чувства, связанного с далекими воспоминаниями. Роясь в памяти, я пытался вспомнить, откуда я её знаю.

Вдруг я вспомнил свое детство, маму, свой сад. Тутовое дерево, веером раскинувшее свою крону над крышей нашего дома, вспомнил людей, которые в ту пору меня окружали в моей Вселенной, и которых некто свыше незаметно затем прибрал к себе... Как же она походила на мою мать.

В это время женщина, подняв голову, взглянула на меня. Наши взгляды встретились, и я непроизвольно поздоровался. И каково же было мое удивление, когда она ответила на мое приветствие, и только тогда я понял, что я действительно ее знаю. И в тот же миг перед глазами у меня в рассветных лучах раннего утра возникло лицо женщины в черном халате, моющей наш туалет. Это была та самая женщина. Я, замедлив шаг, вновь взглянул на женщину уже более внимательно, на женщину, которая резиновым шлангом мыла наш туалет, на женщину, возле которой мы, не стесняясь, по-всякому выражались, которую не замечали; и я не находил ничего общего между этой женщиной в зеленом платье и женщиной, моющей наш туалет резиновым шлангом, я не видел также ничего общего между ней и моей матерью. Она не была на нее похожа. Казалось, в один миг ее облик изменился.

Шагая по пыльной дороге, я чувствовал себя неловко, злился на себя. Каждый день встречался с ней и впервые только сейчас поздоровался. Завтра я вновь увижу ее в черном халате, моющей метлах, увижу ее, слышащей наши непристойные шутки.

Подойдя к развилке дороги, я оглянулся. Женщина, взяв за руку ребенка, уходила в дом. Теперь я уже не различал ни ее лица, ни ее голоса. Вновь вспомнил мать – далекое воспоминание из детства.

И вдруг мне показалось, что если я внимательно всмотрюсь во встречные лица людей, то увижу в них сходство с мамой, братом, сестрой. И тогда я не смогу быть плохим по отношению к ним. Вопрос в том – как посмотреть.

И сам не заметил, как ускорил шаги, будто в руках держал лед и боялся, что пока я буду нести его к дому, он может растаять.

АЛИСАФДАР ГУСЕЙНОВ

Танцующие пальцы

«...Дирижёр – Ниязи». Как только диктор произносил эти слова, моя неграмотная, молчаливая по натуре, обычно равнодушная к волшебному ящику под названием «телевизор» бабушка приходила в хорошее настроение, и чем бы она ни занималась в тот момент, обязательно поднимала голову и смотрела на экран. В такие минуты я ясно видел, что её лицо сияло, глаза просветлялись, она каким-то чудесным образом преображалась и в один миг становилась самой ласковой, самой нежной бабушкой в мире.

Однажды я не удержался и спросил у неё, отчего ей становится так радостно, и она вдруг превращается совсем в другого человека. Я до сих пор помню её слова, которые поражают меня своей глубиной: «Мальчик мой, я и сама толком не понимаю этого, только знаю, что когда этот человек начинает размахивать руками и двигать пальцами, будто чьи-то знакомые голоса просачиваются через них, наполняя мой слух и успокаивая душу. Ты разве не видишь, как этот невысокий, обычный с виду человек подчиняет себе этих мужчин с зурна-балабанами? Все они неотрывно следят за движениями его пальцев. Это настоящий мужчина...»

Эта наивная «философская» интерпретация самой удивительной профессии – профессии дирижера – от моей неграмотной бабушки, называвшей духовые инструменты «зурна-балабанами», потрясла меня тогда. И сегодня, спустя почти пятьдесят лет, мне понятно, какой бы наивной ни была эта интерпретация, она интересна и оригинальна. Бабушка подсознательно, в силу своей проницательности, каким-то образом постигла умение тех, кто видит не только глазами, но и сердцем, связала гений Ниязи, который поднял на новый уровень искусство дирижера, с актерским мастерством, живописью, хореографией, таким образом, хотя и просто, но точно выразив суть его искусства.

Великому Ниязи удалось перенести дирижерство с вершины элитарности на тот уровень, благодаря которому оно стало доступным и полюбилось моей бабушке и другим людям. Ниязи действительно был не обычным дирижером, а гением, который преобразил дирижерство в эстетическое событие, источник наслаждения, а исполняемое произведение – в наглядный образ, изображение.

Не буду останавливаться на биографии маэстро, говорить о полученных им наградах, поездках по миру, написанных произведениях – эту информацию можно найти в Интернете. На мой взгляд, стоит сказать о недосказанном, о ещё живой харизме Ниязи, волшебстве его пальцев, о том, что он увековечил душу азербайджанского народа в музыкальных образах.

У истоков гения Ниязи, несомненно, стоит генетический фактор – врожденный талант, которым Аллах щедро одарил поколение Гаджибековых. Он, как и его дядя по линии отца, великий Узеир бек, появился на свет не как обычный младенец, а как феномен, которому со временем открылся язык звуков и передалась способность переплетать эти звуки, создавать из них великолепный букет – музыку, которую он одухотворял, вдыхая в неё жизнь. Ниязи был худощавым ребёнком, в молодости он занимался тяжёлой атлетикой, достигнув в этом определённых успехов, однако в дальнейшем его поразил тяжёлый недуг, в результате чего он лишился одного лёг-

кого. Творец наделил его выдающимися способностями, необычным талантом, однако Ниязи унаследовал судьбу своего дяди – ему не суждено было стать отцом, уйдя из жизни, он оставил Хаджар ханым, которую любил больше жизни, одну. Это самые грустные аккорды симфонии его жизни, автором и дирижёром которой являлся сам Ниязи. Однако несмотря ни на что, Ниязи запомнился всем как волшебник и гений, который, благодаря своей необычайной харизме и чрезвычайному таланту, при помощи своей волшебной палочки творил настоящие музыкальные чудеса.

Однажды моя коллега Севиндж ханым Гулиева рассказала мне необычную историю о том, как в детстве боялась и плакала при виде Ниязи на телеэкране. Удивившись, я спросил её о причине этого, на что она ответила: «Как только я видела Ниязи, выполнявшего с палочкой в руке необычные движения, его напряжённое лицо, мне сразу вспоминался персонаж из фильма «Тайна одной крепости» – колдун Синеглазый Кёса, который взмахами своей волшебной палочки превращал людей в камни. А я его очень боялась».

Не свидетельствует ли эта странная история, характеризующая детскую, ещё не окрепшую психику, о волшебстве творчества Ниязи, которое через призму детского мировоззрения приобретает мистичность и мифичность?

То, что в воображении маленькой девочки Ниязи уподоблялся образу колдуна, превращавшего людей в каменные глыбы, несомненно, связано с волшебством рук, пальцев Ниязи, и я, будучи взрослым человеком, ни минуты не сомневаюсь в том, что великий маэстро в огромных концертных залах мира движениями руки, необыкновенных танцующих пальцев немало людей превращал в живые, замирающие от волнения статуи, способных не только слушать музыку, но и видеть её, воспринимать всем сердцем, дышать ею.

Ниязи обладал необыкновенной аурой, неиссякаемой энергией, он был искренним человеком с мягкой душой, контрастирующей с его внешней суровостью, которую многие ошибочно принимали за грубость. Когда же он стоял за дирижерским пультом, этот худощавый, невысокого роста мужчина напоминал величественного орла, спустившегося на землю откуда-то с небесной высоты, скрываясь за своим величием и гордостью. Вся внутренняя энергия сосредотачивалась в его глазах, руках и пальцах, и создавалась некая аура, незримо окутывавшая слушателя силой небывалого притяжения. Наверное, он был одним из немногих дирижёров с мировым именем, которые были способны так одухотворять интерпретируемое произведение, управлять и регулировать звуки, при этом черты его лица перевоплощались, выражение глаз менялось, брови приходили в движение, а самое главное – его необыкновенные пальцы: они вальсировали, танцевали. Если бы можно было запечатлеть тогда эти мгновения самой чувствительной камерой и продемонстрировать публике без предварительного монтажа, то можно было услышать и увидеть эту «беззвучную» музыку, поскольку Ниязи умел «рисовать» музыку языком пластики и преобразовывать дирижёрство в новое эстетическое событие – в монолог человека, рассказывающего какую-то удивительную историю.

Ниязи – новатор, своим творчеством доказавший необходимость реформ в организации диалога между оркестром и дирижером на симфонических концертах и организации по иным принципам. Именно он доказал, что стоящий спиной к залу дирижёр – это человек, миссия которого не только в озвучивании музыкального произведения, но и в доведении его до слушателей, что он фактически находится в оппозиции к тем, кто сидит в зале. Однако это ошибочно и несправедливо. Если слушатель одновременно является зрителем, ему важно на переднем плане видеть не исполнителей, погружённых в ноты и следящих за движениями рук дирижёра, а именно некий объект, за которым они следят и с неподдельным интересом наблюдают.

Миссия исполнителя, таким образом, не завершается на этапе преобразования записанных на бумаге нот в звуки. Жесты, мимика, движение пальцев дирижёра, который превращает эти звуки в пластику, предмет визуального восприятия, важны не столько для самих исполнителей, сколько для слушателей. Если главное условие восприятия симфонического произведения, его полифонического языка связано с дирижёром, не справедливо ли будет подумать о новой мизансцене, устроенной по принципу «оркестр лицом к дирижёру, а дирижёр – к оркестру и слушателям» в диалоге «оркестр – дирижёр»?

Ниязи был очень требователен, он был максималистом. Посредственность, которая делает что-либо как попало, была чужда его философии и его искусству. В одной из бесед Ариф Меликов, первым интерпретатором многих произведений которого был именно Ниязи, рассказал мне такую историю: «Я был ещё студентом, когда написал своё первое симфоническое произведение. Взял ноты и направился к маэстро. Постучался и вошёл в его кабинет. Ниязи спросил, кто я и что мне нужно. Я ответил: «Я студент, написал произведение и хочу, чтобы вы его исполнили». На что он достаточно сурово ответил: «Я не исполняю студенческие работы». Я извинился перед маэстро и повернулся, чтобы выйти из кабинета. Только сделал первый шаг, как он меня окликнул: «Постой!». Посмел ли бы я не остановиться? Он попросил ноты. «Дай посмотреть, что ты там написал». Взял ноты и начал их просматривать. Я сразу же начал неотрывно следить за его руками. Поскольку уже слышал о том, что когда маэстро рассматривал ноты какого-нибудь произведения, то его реакцию и оценку выдавали руки, в первую очередь – пальцы. Прошло немного времени, и я увидел, как его левая рука приходит в движение, а затем начали медленно танцевать пальцы. Я понял, что он уже мысленно играет это произведение. Наконец маэстро поднял голову, посмотрел на меня улыбающимися глазами и сказал: «Поздравляю. Я буду исполнять это произведение».

Таким был Ниязи.

По сей день музыкальное сообщество тюркоязычных стран вспоминает его с уважением, как маэстро, которым гордится весь тюркский мир, и высоко ценит его почётные достижения. В советский период Ниязи дважды – в 1963 и 1973 годах – находился в Турции, с большим мастерством исполнил III симфонию выдающего композитора Аднана Сайгу, а также оперу «Кёроглу» и ораторию «Юнус Эмре».

Одна из заслуг великого мастера – его незаменимый вклад, как дирижёра и композитора, в расширение пределов симфонического музыкального мышления в азербайджанской культуре. Он был личностью, сыгравшей немаловажную роль в одухотворении и воспроизведении произведений таких корифеев, как У.Гаджибеков, Г.Гараев, Ф.Амиров, А.Меликов, под бурные овации, с восклицаниями «Браво!» в самых больших концертных залах мира. Опера «Кёроглу», балеты «Легенда о любви», «Семь красавиц», «Тропой грома», симфонические мугамы «Шур», «Кюрд-Овшары», симфоническое табло «Караван», и другие произведения, которые даже трудно все перечислить, впервые прозвучали именно в его интерпретации и стали эталоном для последующих исполнений. Проходят годы, они снова исполняются в интерпретации других дирижеров, однако никто не может выйти за пределы влияния техники воспроизведения и философии Ниязи. Вершина завоевывается всего лишь раз!

Наконец, отдельно стоит сказать о любви Ниязи к народной музыке, о его произведениях, созданных на её основе – это симфонический мугам «Раст», опера «Хосров и Ширин», вокальные романсы, один прекраснейшего другого, оркестровка народных песен...

Гениальны его обработки для оркестра таких народных мелодий, как «Гарагиля», «Хумар олдум». Ниязи представил их всему миру на языке, который понимает каждый, вне зависимости от языковой и расовой принадлежности.

Для Ниязи «Раст» был первоосновой, чистым листом, перед которым он испытывал трепет и вдохновение, это грандиозное произведение он неустанно совершенствовал и преобразовывал в величественный музыкальный памятник. Чего только нет в нём ... философская мудрость мугама «Раст», игривое настроение, великолепные ренги песен «Элинде сазын, гурбаным», «Хумар олдум», мягкие оттенки танцев «Вагзаль», «Мирзеи».

Одно из моих воспоминаний связано именно с симфоническим мугамом «Раст».

Мне было восемнадцать, когда «Раст» всецело проник в мою душу, поселился в ней, превратившись в её частичку. Минимум дважды в день я слушал пластинку с этим произведением, это было необходимо мне, как глоток чистого воздуха. Почти полтора года, служа в армии, я жил в России и постоянно мысленно напевал «Раст». Однажды ночью – поверьте! – мне приснилось исполнение этого произведения в огромном зале, хотя я никогда его не слышал в концертном зале. Мне показалось тогда, будто я сам находился в этом зале – рядом с Ниязи, который движениями своих пальцев создавал очередной шедевр.

На следующий день я написал письмо другу и попросил его взять дома мою пластинку и прислать ее мне. Посылка пришла спустя почти 2 недели.

Однако единственное место в небольшой военной части (отдельной роте), где я мог бы прослушать свою пластинку – маленькая комната, где находился старый проигрыватель для озвучания гимна СССР по приказу командира на каждом утреннике – из всех членов личного состава была доступна только старшине. Я же сгорал от нетерпения, ожидая, когда же «Раст» зазвучит в этом далеком от Азербайджана поселке. Наконец, я нашел выход из этого положения. Не задумываясь о возможных последствиях, ночью проник в ту самую комнату через окно и подменил пластинку с гимном своей пластинкой... Во время утренника командир дал приказ «Приступить к боевому дежурству для защиты воздушных границ СССР» и подвел руку к головному убору. Все мы приняли позицию «смирно», и тут вместо гимна СССР над небольшим поселком через установленный поблизости усилитель распространился потрясающий звук «Раста».

Дальше... представьте сами...

Моя дальнейшая судьба – это уже тема для совершенно другого разговора.

За этот поступок я был помещен в качестве наказания на леденяще холодный склад, где хранили картофель, но мне абсолютно не было холодно, ведь я добился того, что личный состав, состоящий из представителей «братских» народов, простоял смирно, хоть и несколько секунд, под звуки «Раста», и моему счастью не было предела.

Прошло уже 40 лет, но иногда мне кажется, что величественные звуки «Раста» все еще звучат там...

Перевод Вюсалы АЛИЗАДЕ

ГОСТЬ

МОИСЕЙ БОРОДА

(Германия)

Мысли и афоризмы

Из цикла «ПЕРЕДЕЛКИНО»

*О мемуарах Н.Н.: Страницы дней пере*Вирая...

Бремя жить и бремя умирать

Свежо предательство, но верится с трудом

Тише едешь – дольше будешь

Бедность – порок. Причем врожденный...

Заставь дурака Богу молиться – он тебе и лоб расшибет

И не описать пером, что нарублено топором

Много будешь знать – состариться не успеешь

Привычка к рабству нам дана –
Замена счастью она.

Человек человеку – волк, шакал, гиена, паук... И так далее, по Ламарку¹.

Язык до Киева доведет. Ну, или – до Колымы...

*О диссидентах прежних времен: Ар*Естократия.

Из цикла «ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ»

- Не выходи из себя, однажды ты можешь забыть дорогу назад.
- Прежде чем сказать: «Даю голову на отсечение!», подумай, не будут ли твои слова восприняты всерьез.
- Если ты по рассеянности вышел из дома при галстукe, но в домашних тапочках, вернись иними галстук: он плохо сочетается с домашними тапочками.

¹ Жан-Батист Ламарк (1744 –1829) – французский ученый-естествоиспытатель, автор известного труда «Философия зоологии», который первым из биологов попытался создать стройную и целостную теорию эволюции живого мира, известную в наше время как «ламаркизм».

- Если твое учреждение выбросило тебя на улицу, не огорчайся: зато теперь ты можешь сколько угодно дышать свежим воздухом.
 - Не разевай рот на чужой каравай: он может оказаться неважного качества и ты испортишь себе желудок.
 - Не желай погибели для своего врага: пока он жив, он всегда будет поддерживать тебя в хорошей форме.
 - Не бросай слов на ветер: он может подуть в твою сторону.
 - Не распускай руки: почувствовав свою самостоятельность, они перестанут тебе подчиняться.
 - Не кури фимиам власти: ответная услуга может заставить себя ждать, а между тем ты надышишься дымом и подорвешь себе здоровье.
 - Не согревай ядовитую змею у себя на груди: отогревая ее, ты можешь простудиться и заболеть.
 - Если ты попал в волчью стаю, не пытайся сразу же выть в общем хоре: можешь не попасть в тон, в тебе тут же признают чужака и разорвут на части.
 - Не теряй надежды, пока ты жив – и даже после: она может пригодиться тебе в следующей жизни.
 - Не мечтай, чтобы твоим врагам пусто было – тебе от этого полно не станет.
 - Если ты попал в плен к людоедам, не отчаивайся: может быть, твое мясо окажется не того сорта, к которому они привыкли, и тебя отпустят.
 - Не сотвори себе кумира: они обычно бывают тщеславны, прожорливы, мстительны и не так-то легко позволяют от себя избавиться.
 - Молясь, не проси о даровании денег: они печатаются на земле, а не на небе
 - Не стремись к безгрешной жизни: на Страшном Суде всё равно найдут, к чему придраться, и ты пожалеешь, что зря лишил себя стольких удовольствий.
 - Не задавай Господу твоему никаких вопросов: отвечать придется все равно тебе самому.
 - Не стремись попасть в рай: условия тамошней жизни могут тебе не подойти, но будет уже поздно.
 - Не страшись ада: проблема энергоносителей стоит там не менее остро, чем на Земле.
 - Если тебе улыбнулась судьба, улыбнись ей в ответ. Но не хватай ее за руку и не пытайся тут же тащить в постель: это ей может очень не понравиться и она в дальнейшем навсегда перестанет тебе улыбаться.
 - Если твой ближний совратил твою жену, не устраивай скандала и не грозись его убить, а наоборот, спокойно расспроси, как ему удалось это сделать – возможно, ты узнаешь много для себя интересного.
 - Если ты по ошибке сел не в тот поезд, и он привез тебя совсем не туда, не делай из этого трагедии: место, куда ты заехал, также может оказаться вполне сносным для житья.
-

МАРК БЕРКОЛАЙКО – 75

Берколайко Марк Зиновьевич, родился 8 мая 1945 года в Баку. В 1967 году закончил механико-математический факультет Азербайджанского госуниверситета, а с 1968 года живет и работает в Воронеже.

Доктор физико-математических наук, профессор, автор более 140 научных работ, опубликованных в ведущих математических и экономических журналах.

В 1996-2012 гг. – генеральный директор и топ-менеджер консалтинговой и инвестиционных компаний.

Член Союза российских писателей.

Писал тексты для КВН, короткие рассказы («Литературная газета», «Юность», «Крокодил», ряд советских и зарубежных газет и журналов), эстрадные миниатюры, телевизионные сценарии, сценарий художественного фильма, пьесы, ряд из которых ставился на сценах российских театров. А в июле 1991 года в эфире Всесоюзного радио прозвучал получивший вторую премию на Всесоюзном конкурсе радиоспектакль по пьесе «Призы» (написанной совместно с В.Лещинским), уже в августе этого же года едва не оказавшийся провидческим.

С 2005 работает в жанре прозы, московскими издательствами опубликованы две его повести и шесть романов, отмеченных положительными рецензиями критиков (журналы «Знамя», «Звезда», «Волга XXI век» и т.д.)

Активно сотрудничает с журналом «Литературным Азербайджаном», неоднократно публиковался на его страницах.

394068, Воронеж, Московский пр., 112, кв.203 (+7) 919 184 0561 mberkolaiko@gmail.com

АЛЕКСАНДР ГРИЧ

«БЕЗУМСТВО ХРАБРЫХ» В ИСПОЛНЕНИИ МАРКА БЕРКОЛАЙКО

Сталин в мундире генералиссимуса стоял во весь рост и... хотелось бы написать – смотрел в горные дали, открывающиеся за аллеей ухоженного парка города Нальчика, однако правда жизни важнее: никуда он не смотрел, поскольку головы у него не было. Странно: еще вчера стоял с головой, а сегодня уже без оной... Было даже интересно – но только нам, девятилетним, а вот взрослые реагировали на утрату великим вождем такой важной части величия с опаской... «Репрессированные возвращаются! – сказал незнакомый мужчина громко. – Это что! Это – еще цветочки...»

Судя по этой реплике, шел 1954 год. Мы с моим школьным товарищем Марином Берколайко приехали на отдых с родителями в столицу Кабарды и замечательно проводили в ней время. Естественно, мы и понятия не имели, что такое «репрессированные», и что Нальчик вскоре снова станет столицей Кабардино-Балкарии... Не знали ничего о выселенном в одну страшную ночь с родной земли народе Балкарии, который вождь и учитель посчитал предательским. И об остальных выселенных народах страны (сколько их было – восемь, девять?) – тоже ничего не знали... как и того, что под сенью памятника вождю пройдет вся наша жизнь. Она оказалась, благодарение небу, некороткой – три четверти века уже за плечами, а мы еще что-то делаем, на что-то рассчитываем, на что-то надеемся, а вот о том, что имя и деяния бывшего (по мнению многих, вечного) вождя будет нас сопровождать и все советские годы, и после – в постсоветской России, и повсюду, куда занесет нас судьба – мы в тот день, глядя на обезглавленный памятник, конечно же, не догадывались.

– К дьяволу, в ад! – решительно сказал юный Берколайко и потянул меня за руку. – Пошли играть в пиратов... – и мы отправились на озеро.

Между прочим, эту реплику школьного друга я запомнил в точности, может быть, потому, что она и тогда, в детские годы, казалась мне избыточно театральной. К какому еще такому дьяволу? В какой еще ад? Совершенно нехарактерный для обычных советских детей лексикон... Но Марик уже тогда был хоть и вполне советским, но не совсем обычным: читая (как и все мы) Майн Рида, Жюль Верна, Вальтера Скотта и Роберта Стивенсона, он не просто погружался (как все мы) в литературу, а без колебаний переносил ее в окружающую жизнь. Которая, разумеется, была совершенно не похожа на содержание любимых книг, однако, как уверенно утверждал Марик (опять же вслед за каким-то литературным героем) – тем хуже для нее!

Впрочем, в той советской действительности, в наши молодые годы еще существовал культ романтики, молодости, побед. «А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер!» А рядом: «Здравствуй, страна героев! Страна мечтателей, страна ученых!»; рядом много еще подобных, радостных, зовущих к свершениям песен – и мы пели их охотно, а о происходившем в стране до нашего рождения и происходящем в период взросления узнавали много позже. Правду переживали болезненно, и тем, кто МЛАДШЕ нас на двадцать и более лет, непросто понять, как это трудно – отвыкать от песен, под которые когда-то маршировал радостно, которые когда-то горланил самозабвенно.

А Марик Берколайко не только говорил вместо обычного «Ах ты, черт!» – «К дьяволу, в ад!» Он еще вместо того, чтобы сказать просто, как все: «А иди ты на ...!», произносил нечто вроде: «Да будь ты проклят отныне и веки!» – и, естественно, не все это понимали, особенно те ребята, которые книжек про пиратов и благородных разбойников не читали. Соответственно, Марику доставалось на орехи. Не могу сказать, что он в нежном возрасте хорошо умел давать сдачи – этому он научился позже. Но наскоки и оскорбления всегда встречал стоически. И всегда находился рядом кто-то, кто вступал в потасовку на его стороне. Так что в конечном итоге Марик не проигрывал. Кроме того, было в нем что-то такое, что останавливало задир. Они-то поначалу считали, что он, как тогда говорили, «вытыкается», однако вскоре приходили к выводу, что нет, это не вытыкание, просто паренек какой-то странный. А Марику и в голову не приходило стесняться своих странностей. И когда он, только начав заниматься боксом, в школе на перемене вставал между партами в боксерскую стойку, это смотрелось забавно – одни острые углы... И когда он неумело, но с огромным азартом танцевал у костра танец индейцев, и когда пел «Онегин, я скрывать не стану...», подражая знаменитому тогда Максиму Михайлову (а голос ломался и то и дело скакал от баса к дисканту), и когда сочинял стихи и исполнял их по первому требованию – ему и в голову не приходило чего-то стесняться. Между прочим, стихи были, конечно, о морском волке, седом капитане, который покидает родной порт. До сей поры помню те дивные строки: «Поддай подозрную трубу, чтоб было мне виднее/ Когда слезой заволочет любимые глаза...»

Мы смеялись, но Марик не боялся реакции окружающих. Его не интересовало, что о нем скажут. Желание выразить себя именно так, как ему хочется, всегда брало верх. Кроме того, добавлю с некоторой боязнью быть непонятым, однако из песни слова не выкинешь: он всегда был уверен в собственной гениальности – вне зависимости от того, за что берется. В дальнейшей его жизни это сыграло, как и должно было сыграть – роль двойную: чаще всего добиваясь того, что без твердой уверенности в себе добиться невозможно, он иногда попадал в тяжелейшие передрыги. Но и после них, даже признавая себя проигравшим, не признавал побежденным и не сомневался в грядущем реванше.

О школьных наших годах в подробностях писать не буду – главным образом потому, что это уже сделал доктор физико-математических наук, профессор Марк

Берколайко, начавший примерно лет пятнадцать назад профессионально и плодотворно работать в литературе. Но кое о чем в наших школьных годах написать следует – и, надеюсь, я не повторю товарища и коллегу.

Дело в том, что мы учились не в простой школе, нам повезло... Теперь, говорят, эта школа привилегированная, президентская. А тогда... Нет, она не славилась усиленным преподаванием математики или физики, английского или французского, это был не лицей или колледж – ничем подобным в те давние годы и не пахло. Тем не менее, в большом городе Баку среди десятков школ были такие, номера которых говорили как бы сами за себя: «Первая» (или «багировская»), «Сто шестидесятая», «Двадцать шестая»... О них говорили уважительно, туда старались отдавать детей из так называемых хороших семей. А наша школа и среди них стояла особняком и называлась она «Шестая спортивная». Помимо того, что директор Борис Семенович Герчиков собрал там отличный коллектив педагогов, был в ней человек уникальный – Леонид Эдуардович Юрфельд, сын шведа, приехавшего в начале прошлого века работать на бакинские промыслы. Он преподавал физкультуру и делал это так, что питомцы нашей школы побеждали во многих городских спортивных состязаниях. В традиционных эстафетах с замечательными названиями «За нефть и хлопок» и «День Победы» Шестая Спортивная выставляла по два состава бегунов и иногда занимала два первых места, а уж первый состав побеждал почти всегда.

У школы была спортивная форма – красная майка, где дугой, как радуга, было написано «Шестая», и белые трусы. В школе была доска с именами и фото золотых и серебряных медалистов – каждый год там прибавлялись новые лица. У школы был гимн: «Под алым знаменем священным комсомола/ И со спортивным стягом в вышине/ Идет вперед шестая наша школа,/ Одна из многих тысяч школ в стране» – такой вот там был припев.

К спорту это все прямого отношения не имело, но было в этом нечто неизменно более важное – спортивный дух, соревновательная закваска. Именно они «сколотили» в нашем классе «могучую кучку» – компанию неординарных мальчишек (школа тогда, естественно, была мужская, смешанные школы появились позже – вот какие мы древние, юный читатель!): Эмин Алиев, Эльдар Криман, Леня Прилипко, Шурик Тверецкий, Сержик Агаев, Володя Дацко, Ниязи Мамедзаде, Марик Берколайко... В классе, где учился человек тридцать пять, нас никто специально не выделял, выделение произошло само собой – все мы более или менее прилично учились, все мы со временем между собой сблизились. Как благословление Неба принимаю то, что мы и сейчас, страшно сказать, сколько лет спустя, дружим – Эльдар, Марик, Ниязи, я... Остальные – «Иных уж нет, а те далече...»

Думаю, что в судьбе каждого из нас, виделись ли мы потом часто или редко, годы, когда мы учились в Шестой спортивной и старались быть лучшими – сыграли немалую роль. Что ни говори, дух настоящего соревнования, который так бездарно пытались внедрить в советское общество тогдашние и последующие его лидеры, необходим, если человек стремится достичь чего-то. Отмечу, что из той нашей «кучки» вышли лауреаты Государственных премий, доктора наук, руководители предприятий...

В моем общении с Мариком после школы наступил долгий перерыв, и отношения мы тогда поддерживали через общих знакомых. Я знал, что Берколайко, окончив университет, укатил в Россию, в Воронеж... Выбор казался странным, уж во всяком случае – необычным, но ведь Берколайко никогда, кажется, ничего обычного не делал. Когда мы много лет спустя увиделись в моем доме, он был уже кандидатом физико-математических наук, доцентом, главой семьи – все это мне о нем рассказывали. Но всё равно встреча наша была для меня неожиданной – вместо нескладного, субтильного юнца, с которым я расстался когда-то, передо мной стоял красавец во цвете лет.

Нет, Берколайко не делал пластической операции. Но то, что за годы нашей разлуки он всерьез занимался не только математикой, но и спортом – сомнений не вызывало. Передо мной стоял мускулистый, накачанный мужчина. Если вспомнить давнишних обидчиков «мальчишки Марика», то вряд ли они захотели бы выяснять отношения с ним в его новом качестве. Он, очевидно, привык к тому, что у давно не видевших его знакомых появление нового Берколайко вызывает именно такую реакцию.

– Тренировки, друг мой! – довольно проговорил он, даже не просто проговорил, а, словно бы вспомнив себя – юнца, слегка продекламировал: – Не осыпай меня комплиментами, не напрягайся. Лучше расскажи подробнее, чего достиг...

И был у нас обстоятельный и все равно бестолковый разговор давно и хорошо знакомых людей, которые столько лет не виделись, что и со счета легко сбиться. И узнал я о нем много нового – что практически готова докторская, но, как всегда, на одной лишь математике он не сосредоточился: то писал юмористические рассказы и часто печатался в «Литературной газете», «Юности», «Крокодиле», в газетах Одессы, Болгарии, Польши... то потом вдруг переключился на пьесы – и они ставятся, а одна даже на Всесоюзном радио прозвучала. Кроме того, нельзя забывать о бешеной популярности КВН. Я счастливый человек – успел поиграть в КВН, шедший еще из Шаболовки и еще в прямом эфире, знал легендарных тогда капитанов: Славу Хоречко из «керосинки», Матвея Левентона – Первый МОЛМИ (т.е. Московский ордена Ленина медицинский институт), даже с Аликом Аксельродом – одним из основоположников настоящего КВН – были знакомы и общались. Говорю «настоящий КВН» – ибо при рождении и по замыслу это была игра студентов, хорошая самостоятельность с реальными экспромтами. С нынешним российским шоу и его эфирными последышами общее – только название. И Марк Берколайко у себя в Воронеже тогда, в давние годы, не остался, конечно, в стороне от КВН. С его участием команда ВИСИЛЕЙ (Воронежский инженерно-строительный институт), вышла на всесоюзную арену и там удачно выступала.

Вспоминаю об этом с удовольствием, потому что с легкой руки Марика мы с братьями Виталием и Савелием Колмановскими, с которыми мы в свое время были сценаристами первого бакинского КВН, взялись помогать воронежцам – и благодаря приглашению ВИСИ я впервые оказался в этом городе. Честно говоря, впечатлений от самого города со времени той, первой поездки осталось немного – зато остались добрые чувства от общения с друзьями и студентами Берколайко, входившими в воронежскую команду.

Последний же перерыв в наших отношениях включал события эпохальные – и для страны, и для мира. Горбачевские перемены – наверное, не было человека, которого они бы не затронули, ибо когда происходит ломка гигантского механизма, каким был Советский Союз, то это болезненно, а для многих губительно. На долю нашего поколения времена перемен, которые и японцами, и китайцами считаются тяжким испытанием, выпали полной мерой, и налаженная прошлая жизнь ушла невозвратно. У меня эти годы связаны с переездом в Калифорнию. О жизни новых эмигрантов говорить не стоит – уже много и рассказано, и написано. Она, при всех индивидуальных особенностях, достаточно одинакова для тех, кто уехал.

С теми, кто остался, дело обстояло, пожалуй, ещё сложнее – новую жизнь надо было строить на руинах старой – а тут уж возможны варианты самые невероятные... Короче говоря, прошли первые годы обустройства и трудной работы в Лос-Анджелесе, когда некогда голову было поднять, и я стал потихоньку восстанавливать былые связи. С теми, кто переехал в Москву – с Эльдаром Криманом, Савелием Колмановским – это было полегче, хотя бы потому, что по работе мне приходилось в те годы довольно часто приезжать в командировки в Москву. Но в Воронеж ...

В Воронеж просто так не поедешь, и в отношениях с Мариком наступил большой перерыв. За эти годы, однако, поменялся не только общественный строй в Рос-

сии. Поменялась на корню система коммуникаций. Все плотнее входил в жизнь интернет. Я по работе проводил в Сети немало времени. И, помимо прочего, сидя в своем калифорнийском офисе, стал искать в Сети фамилию Берколайко. Помните, дорогой читатель, что дело было почти двадцать лет назад, и тот Интернет был лишь бледным подобием сегодняшнего.

То, что я в конце концов нашел, радости у меня не вызвало. Статья в газете, как помню, называлась «Стервятники над Черноземьем». И прочтя ее, я с удивлением понял, что стервятник, который вьется в чистом небе над Черноземьем – это мой давний товарищ и друг Марк Зиновьевич Берколайко. Так и вспомнился Бродский: «Над арабской мирной хатой/ Гордо реет жид пархатый...» Прозрачные намеки (которые, впрочем, намеками назвать трудно) насчет национальной принадлежности героя многих воронежских газетных публикаций тех лет были, конечно, противны, но куда хуже были открытые обвинения в злых умыслах и хищениях государственной собственности в особо крупных размерах. Публикаций этих в то время было немало, и, несмотря на неодинаковость фамилий авторов, визг и злоба на грани патологии были в них неизменны. Один лишь пример, причем, что удивительно, сравнительно недавний: «...Вот такой вот яркий жизненный фарватер нашего героя. От советского интеллигента – к политконсультанту, коммерсанту, а потом мошеннику и вору. Сейчас «не вписавшийся в рынок» Берколайко по-прежнему преподает в ВГУ, а его «Фарватер» номинирован на русский Букер... Если кто-то сделает репост и распространит информацию, я был бы очень благодарен. Зло надо знать в лицо».

Классический донос (не говоря уж о классическом неумении согласовывать времена глаголов), не правда ли? Но в чем же зло? Неужто в романе, номинированном на Букера?! Выпущенном крупнейшим российским издательством?! Нет, конечно, «зло» – из начала века, и это «Воронежинвест», предприятие, которое Берколайко возглавлял три года, когда в его светлую голову пришла идея объединить сорок убыточных сельскохозяйственных предприятий области, на полученные кредитные средства оснастить их новой передовой техникой и обеспечить резкий рост сельскохозяйственной продукции. Программу, разработанную М.Берколайко, поддержало не только руководство области, но и министерство сельского хозяйства Российской Федерации – стало быть, совсем не так уж плохо выглядел и реализовывался проект, но недруги срывали голоса, обвиняя Марка и руководство области, что все не то и все не так.

«... В предьявленном мне обвинении написано, что моя деятельность повлекла тяжкие последствия. Но я не понимаю: для кого? Мы брали самые убитые агропредприятия, давали им технику и показывали людям, что они теперь могут не спиваться, а работать на земле! Потом главы районов, недовольные централизованным управлением из «Воронежинвеста», захотели забрать активы под свой контроль. Мы пошли навстречу, в итоге из-за их неэффективного управления предприятия потерпели фиаско» – приводил «Коммерсант-Черноземье» комментарий бывшего воронежского губернатора. А вот что говорил сам Берколайко, отвечая на вопрос журналиста из «Абирег», другого ведущего бизнес-издания региона, не жалеет ли он, заметный ученый-экономист, успешный бизнес-консультант, что взялся за такое рискованное дело: «Не жалею. Война была славная, и я не считаю, что мы ее проиграли. Кто бы сейчас что ни говорил и ни выкрикивал, как бы ни голосил... 145 тысяч гектаров чернозема были возрождены. Пять тысяч человек в шести районах области впервые за многие годы почувствовали себя людьми. Деньги работали с операционной рентабельностью 50%. И за все за это – два года работы на износ, всего один инфаркт и всего десять лет поношений?! Плевать! Для мужчины – это не цена».

Что же, комментарий вполне в духе Марка Берколайко.

Но все же – тяжелый инфаркт... «Что, не уберегся?» – спросил я его в 2015-м, когда мы увиделись после тридцатипятилетней разлуки.

«Понимаешь, старый, – начал мой товарищ отвечать так раздумчиво и серьезно, что я понял: математик Марк Берколайко, экономист Марк Берколайко, «главный колхозник Черноземья» Марк Берколайко, профессор Марк Берколайко, писатель Марк Берколайко в наши с ним почтенные годы недалеко ушел от девятилетнего мальчишки Марика и попытается сейчас «родить» нечто афористично-парадоксальное. И он родил, конечно. Кто бы сомневался. Звучало это так: «Понимаешь ли, старый, даже великие герои иногда жалобно стонут на больничной койке и беспомощно кряхтят на унитазе!» Ну-ну...

И еще одну историю рассказал он мне: «Сплетничали лет через пять после того, как я ушел из проекта, что на одном из своих застолий работники прокуратуры заговорили, среди прочего, и о «Воронежинвесте». И очень удивлялись: «Через Берколайко миллионы шли, ведь не может же быть, чтобы в свой карман хотя бы «трошки для сэбе» не загребал. Однако как ловко загребал – никаких следов... И кто только ни копал, до последней запятой все выверяли – все чисто!» Вот так... а простой мысли о том, что человек может распоряжаться огромными суммами и при этом не красть, прокурорские тогда даже и не допускали. Впрочем, еще позже стали допускать. Когда почти через десять лет руководителей области попытались привлечь к ответственности (но не по обвинению в коррупции при реализации проекта «Воронежинвеста», а по поводу превышения ими служебных полномочий), то Марку в Следственном комитете сказали: «К вам вообще никаких вопросов нет»

О проекте «Воронежинвеста» Берколайко написал в романе «Партия», и не зря он был опубликован ближе к 2010 году, когда «битва» осталась в сравнительно далеком прошлом, эмоции поулеглись, и пришло время для осмысления, которое для художественного произведения важно не менее, чем бурление и свежесть чувств. Читал я роман с большим интересом – после такого неудачного опыта, после таких разочарований мог человек и озлобиться, и упасть духом... Но ничего этого нет и в помине, напротив, есть ощущение, что герой романа готов к новым подвигам. А значит, сам Берколайко к ним готов? Страшно подумать... И не был бы мой друг самим собой, если б драматические коллизии в жизни воронежского (в романе – «недогоневского») проекта заняли бы роман полностью. Но куда там, эта правдивая и хорошо, без истерики написанная история в лучшем случае – треть всего текста. А остальные две трети? О, там и Создатель играет в шахматы с Рафаэлем (именно эта партия имеется в виду в названии романа), там Цезарь, зная о заговоре, решает, идти ли ему в Сенат, там Сальери пытается спасти Моцарта, а Чаадаев – Грибоедова и Пушкина... Там много чего еще происходит, и все объединено глобальным и на редкость выверенным замыслом... И вот что написала о «Партии» Дина Рубина. «В этой книге есть главное: энергия стиля. Проза Марка Берколайко, насыщенная, плотная, «цветная» захватывает с первых страниц, не отпускает до конца и по прочтении заставляет вспоминать ту или другую картину, диалог, поворот сюжета, характер...»

Думаю, эти слова можно отнести и к последующим литературным работам Марка Берколайко. процитирую выдержки из рецензий на них.

«Роман Марка Берколайко «Инструменты». Четыре инструмента, разделенные во времени и пространстве, рассказывают истории своих хозяев. Стремление героев – людей и инструментов – объединиться является одновременно главной движущей силой сюжета и выразительной аллегорией. Обычно инструменты кажутся слепыми орудиями в руках своих хозяев, а сами хозяева, казалось бы, всего лишь следуют своей судьбе, но иногда... Иногда бывает наоборот – и Марк Берколайко в своем романе нанизал на сюжетную нить сразу несколько таких «иногда». Получилось немало сказочно, но при этом живо, реалистично – местами до жесткого драматизма – и захватывающе»

Роман «Шакспер, Shakespeare, Шекспир»: «Новый оригинальный взгляд на авторство Шекспира предлагает Марк Берколайко в своём романе, который то перено-

сит нас в шекспировские времена, то забрасывает в XXII век и приоткрывает завесу тайны, которая окружает Шекспира и его произведения. Кроме того, автор великолепно рассуждает о природе литературы и писательства и представляет крайне интересную теорию о творческом процессе и вдохновении».

После очень долгого перерыва мы снова встретились с Марком пять лет назад – символично, что произошло это на семидесятилетнем юбилее нашего близкого друга Эльдара Кримана, о котором здесь упоминалось. А после этого я приехал в Воронеж, где пользовался гостеприимством Марка и его очаровательной жены Ларисы. И ездили мы вместе по городу, и смотрели замечательные памятники Андрею Платонову, Осипу Мандельштаму, Самуилу Маршаку. Совершенно несхожие памятники, один другого интереснее... И ездили по берегу Воронежского моря, и слушал я грустные рассказы Берколайко о мощном в прошлые годы воронежском комплексе предприятий электронной, радио и электротехнической промышленности, от которого, к сожалению, мало что осталось. Потом зашли в церковь у воды, дочь просила меня привезти в Лос-Анджелес из России освященные свечи. И там, в храме, пожилая женщина, узнав, что я гость, с жаром принялась рассказывать о том, как эту самую церквушку строил сам Петр Великий, как он молился здесь, как затопляло храм в наводнения и как всем миром спасали его...

Жаль, не успели мы съездить в место, именуемое Репное, где-то недалеко от Воронежа, о котором я давно знал из рассказов Марка, и где регулярно проходят семинары одаренных молодых людей. Ну, раз я там не побывал, то открую YouTube и перечислю лишь несколько тем лекций, которые там в разные годы читал Берколайко: «Сказка – ложь?», «Красота и сложность чисел и множеств», «Тригонометрия – это не страшно», «Движение по волнам Кондратьева – борьба за мировую гегемонию», «Математика и музыка – Эвересты русской цивилизации»... И это еще далеко не всё.

А еще Марк работает над новым романом, замысел которого опять глобален: в нем и работа выдающегося ученого над теорией, которую сам он в часы разочарования называет полной фигней, а в периоды горения – энтропийной формой гегелевских законов диалектики; и история, так напоминающая последнюю любовную страсть Гете, завершившуюся вроде бы крахом, но побудившую великого писателя завершить наконец творение всей его жизни – трагедию «Фауст», и размышления о будущем России, мира, человечества... Что ж, Берколайко верен себе.

Не так давно побывала в Воронеже Елена Колмановская – дочь нашего друга Савелия Колмановского и одна из создателей легендарного ныне «Яндекса». Она читала лекции на упоминавшемся уже семинаре в Репном. Лекции прошли отлично, но Елена, вернувшись в Москву, с удовольствием рассказывала не столько о семинаре, сколько о прогулке с Марком Берколайко по Воронежу. О том, как к ним подходили с вопросами, с разговорами и просто поздороваться самые разные люди. Как вокруг Марка в незнакомом ей городе она ощутила привычную старым бакинцам атмосферу тепла и уюта.

А еще Марк, совместно с коллегой по университету, профессором философии Еленой Ищенко, читает курс лекций «Философские очерки по истории религии». И рассказал мне в долгом телефонном разговоре, что на одной из лекций почти экспромтом решил прочесть давний свой рассказ «Поцелуй Иуды», и молодые женщины утирали слезы... А закончилось все очень современно: селфи на добрую и долгую память. И вот это фото передо мной: профессор Берколайко в окружении очаровательных женщин. Они уже не плачут, они сияют – из чего следует, что и лекция, и лектор им понравились.

А у моего друга Марика смущенный вид. Но я хорошо его знаю и прекрасно понимаю, что он лишь изображает смущение, а на самом-то деле очень доволен!

АЗЕР ЭФЕНДИ

*** * ***

**Смоляная грива Айки,
Азиатский вырез глаз...
Но как друга, без утайки,
Я целую в щёчку Вас!**

**Я целую Вас как друга,
Но мы знаем – оба два –
Как толкнулась туго-туго
В сердце тёмная вода...**

**И в глазах зрачок бездонный
Эту влагу пьёт и пьёт...
Ангел бездны Аббадона
Саранчу повёл в полёт!..**

*** * ***

**Нет, ты не вспомнишь – не придёшь...
Ты навсегда меня забыла...
А ведь когда-то страсти дрожь
Тебя знобила!
И поцелуи на губах –
Как вспышки солнца!
И сердце – всё в колоколах
И колокольцах!
Но отцвела любовь, как мак,
И счастье облачком уплыло...
Нет, я не ною, просто – так
Я тереблю в душе, что было!**

*** * ***

**В жизни всё неповторимо,
Всё несётся мимо, мимо,
Ничего не удержать!..
Если даже вслед за солнцем
По экватору бежать,
Не удержишь день вчерашний –
Воду в кулаке не сжать...**

* * *

Заря плеснула в Каспий
Расплавленное солнце,
И заискрился солнцем
Синий кругозор...
На Каспии так просто
Стать огнепоклонцем –
Смотри себе на море,
Не потупляя взор.
И видя это счастье
Игры воды и света,
Невольно забываешь
Местоименье «Я»,
И возникаешь точкой
На горизонте где-то,
И снова исчезаешь
В феерии огня...

* * *

Птицы поют уже по-весеннему,
Весел даже вороний грай!
Пёс мой сделался шибко рассеянным,
Чует: близок собачий рай!

Влажный, чёрный квадрат (не Малевича)
Щупает зыбко воздух, траву...
Тычетя в землю на всякие мелочи –
Даром, что я, надрываясь, зову!..

Вдруг, над цветком – мой эстет! – встал, как вкопанный!
Цвет ли? иль запах его впечатлил?!
Долго смотрел на цветочек и... оба-на!..
Лапу задрал и обильно полил!

